

ISSN 0132 - 1366

АКАДЕМИЯ НАУК  
СССР

*Советское*  
**СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ**

**1**  
**1988**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
• НАУКА •

# Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

1

1988

ЖУРНАЛ  
ОСНОВАН  
В 1965  
ГОДУ

МОСКВА

## СОДЕРЖАНИЕ

Продиктовано временем . . . . .	3
<i>Новопашин Ю. С.</i> Проблемы совершенствования международных отношений нового типа . . . . .	7
<i>Вулесич М. Р.</i> Становление народной власти и возрождение черногорской государственности в югославской федерации . . . . .	19
<i>Зинченко В. Г.</i> Чешский мотив в повести И. С. Тургенева «Несчастливая» . . . . .	33
<i>Симонова И. А.</i> О взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. Ф. В. Чижов и кирилло-мефодиевцы . . . . .	42
<i>Иванов С. А.</i> К историко-культурной интерпретации старославянских переводов с греческого (по данным житий Суэдрасльского сборника) . . . . .	55
<i>Скляренко В. Г.</i> К вопросу о происхождении славянской окситонированной акцентной парадигмы . . . . .	61

## СООБЩЕНИЯ

<i>Илюшин А. А.</i> Поэт и у[шьрь]. (К 150-летию со дня смерти А. И. Полежаева) . . . . .	69
<i>Николаев С. И.</i> К изучению «Великого Зеркала» . . . . .	74
<i>Гудков В. П.</i> Новое издание карейского типикоона Саввы Сербского . . . . .	77
<i>Гусев В. Е.</i> Издание неопубликованных рукописей из собрания песен Вука Караджича . . . . .	80

Македонская Е. Памяти В. Д. Королюка . . . . .	84
--	----

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Из редакционной почты . . . . .	87
---------------------------------	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Наумов Е. П. Становление раннефеодального общества в Византии и у южных славян . . . . .	92
Стецкевич С. М., Кросс Б. Б. Ю. А. Писарев. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны . . . . .	94
Пащенко Е. Н. Г. Я. Ильина. Развитие югославского романа в 20—30-е годы XX в. . . . .	97
Шабловская И. В. В зеркале прозы европейских социалистических стран . . . . .	98
Каеко А. К. Этнографія беларусаў. Гісторыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя . . . . .	101
Мальков М. П. Советская полонистика глазами друга . . . . .	103
Орел В. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13 (*kroměžъ — *kužiti) . . . . .	104

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Маковецкая Т. Ф. Васил Левски. 1837—1987. Био-библиография . . . . .	107
Лабунцев Ю. А. Stanislovas Napolionis . . . . .	108
Молок Ф. Помним Тарановку и Соколово. Воспоминания и документы . . . . .	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Горяинов А. Н. Конференция по славянской историографии в Воронеже . . . . .	110
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАВКО (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,  
 А. А. ГУГНИН, В. Д. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУБО,  
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),  
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,  
 Л. Н. СМИРНОВ (зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРЯ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией Е. В. Пономарёва



## ПРОДИКТОВАНО ВРЕМЕНЕМ

В документах XXVII съезда КПСС, в выступлениях М. С. Горбачева, других партийных руководителей выдвинуты важные задачи перед общественными науками: повысить уровень исследований, преодолеть тенденцию к схоластическому теоретизированию, конъюнктурному комментаторству, другие негативные стороны в обществоведении, причастные к преодолеваемым ныне застойным явлениям. Наука призвана более глубоко исследовать объективные исторические процессы, искать и находить своевременные ответы на новые запросы теории и практики социалистического строительства, всемерно содействовать начавшейся в стране перестройке всех сфер общественного развития.

Время диктует повышенные требования к нашему журналу, необходимость его существенного улучшения. Об этом высказались также читатели, чьи пожелания и предложения опубликованы в последних трех номерах издания. Дело — за практическими шагами. Многое будет зависеть от творческой инициативы авторского актива — в прочной связи с ним редакция видит одно из ключевых условий успеха.

Ряд конкретных исследовательских направлений, в освещении которых заинтересован журнал, отражены в Рекомендациях Всесоюзной научной конференции (Москва, февраль 1987 г.) «Комплексные проблемы славяноведения и балканистики» («Советское славяноведение», 1987, № 6). Немало конкретных вопросов подсказано читательской почтой. Другие проблемы, такие требующие разработки, постоянно возникают и уточняются в научных коллективах. Журнал видит свою задачу в своевременном реагировании на назревшие вопросы советского славяноведения.

Дальнейшего освещения в журнале заслуживают проблемы методологии и теории славяноведческой науки, предмета славистики. Накопленные в этой области знания следовало бы теснее увязывать с изучением коренных социально-политических, культурных, нравственных изменений в жизни славянских народов на пути социализма, в их отношениях между собой и с другими народами. Как, к примеру, эти изменения сказываются на этническом самосознании, на этнической общности народов, говорящих на славянских языках; какова здесь корреляция между этнокультурными и политико-экономическими, идеологическими аспектами и т. д.? Многие могут дать новые комплексные, сравнительно-исторические, типологические и сопоставительные исследования в области истории, литературоведения, лингвистики, художественной культуры, фольклора и этнографии, современного общественного сознания.

Хотелось бы в журнале больше внимания отдавать вопросам отечественной и зарубежной историографии, анализу общетеоретических источников и работ о развитии славянских народов, их месте и роли во всемирной истории. Важна научная критика буржуазной литературы, в особенности той ее части, где принижается или извращается вклад славянства в европейскую и общечеловеческую цивилизацию, а также опыт социалистического строительства в странах региона и их взаимного сотрудничества.

Преодолевая мелкотемье, нельзя не стремиться к более полному освещению общих, закономерных явлений и тенденций в развитии отдельных

стран и народов славянского ареала, социалистического содружества в целом. В их числе — закономерность развития и сближения социалистических наций, проблемы соотношения национального и интернационального. Советскими славистами накоплен интересный опыт в исследовании этногенеза и этнической истории, национальных процессов, развития и взаимодействия культур на этапе формирования и консолидации наций, освободительной борьбы народов за национально-государственное самоопределение. Журнал намерен продолжить освещение этих вопросов и впредь. Но не менее важно изучение эволюции наций, народностей и этнических групп, их взаимных отношений в условиях социализма. Современная эпоха характеризуется растущей интернационализацией общественной жизни, а также самоутверждением, ростом национального самосознания и достоинства народов. Социально-политическая однотипность стран социализма не равнозначна одноликости. С трибуны XXVII съезда КПСС, съездов братских партий было подчеркнуто, что разнообразие — не признак слабости, а напротив, один из источников силы социалистического строя. Следовало бы на страницах журнала полнее показывать реальную, не драматизируя и не приукрашивая, картину общественной и культурной жизни социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы, их взаимного сотрудничества, включая объединенные усилия, как это выражено в советско-польской Декларации от 22 апреля 1987 г., в деле творческого развития марксизма-ленинизма, общественных наук, преодоления косности, догматизма, разрыва между теорией и практикой социалистического строительства.

На наших глазах активизируется прямое участие трудящихся в международной экономической, политической, научно-культурной деятельности, растет стремление к расширению и упрочению личных контактов, к демократизации непомерно заорганизованного, бюрократического механизма взаимных связей. Все вместе взятое призвано преобразовывать традиционно понимаемые международные отношения в подлинные «отношения между народами» (Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 129). Журнал заинтересован в освещении именно таких отношений, основанных на высокой культуре общения, на искреннем дружелюбии, интернациональном единстве народов.

Журнальные публикации, по нашему мнению, могли бы лучше способствовать научному осмыслению многообразного и противоречивого опыта строительства нового общества в братских странах, что сегодня особенно важно в связи с совершенствованием, продумыванием более работоспособной концепции социализма в СССР и других государствах. Важны новые подходы к исследованию периодизации строительства социализма, общего и национально-особенного, специфического в развитии политической системы, социалистической культуры, литературных языков, международных отношений нового типа, а также демократических, революционных, боевых и трудовых традиций взаимодействия братских стран и народов.

Не снимается с повестки дня и задача всестороннего, свободного от схематизма и недомолвок, раскрытия всей тысячелетней истории славянских народов, своеобразия и генетического родства их языков и культур, взаимных связей как в межславянском, так и в общеевропейском контексте. Ждут дальнейшего, более углубленного изучения важнейшие эпохи и течения из истории общественной мысли и культуры — Возрождение, Реформация, Просвещение, общественные и культурно-просветительские движения на этапе национально-освободительной борьбы славянских и балканских народов и создания их национальных государств в XIX — начале XX в.

Немало новых или слабоизученных проблем возникает в связи с 1000-летием христианизации древней Руси. Под религиозной оболочкой этого события остается еще во многом сокрытой богатейшая, ныне недостаточно изученная и осмысленная древнерусская культура, а вместе с тем плодотворные традиции связей и взаимовлияний восточных славян с их южными и западными братьями, с неславянскими народами Европы и не только Европы. Изучение, популяризация этих традиций, творений

выдающихся просветителей, от Кирилла и Мефодия начиная, подвижников на ниве славянской письменности, книгопечатания, национальных славянских языков и литератур, выдающихся мыслителей, писателей, живописцев — безусловно обогатило бы страницы нашего журнала, привлекая к нему новых читателей.

В целом речь идет о более широком вовлечении в общественный обиход лучших достижений научной мысли, художественного творчества, социальной практики народов, всего того, что способно приращивать знание, обогащать культуру, укреплять духовный потенциал общества. Это, в конечном итоге, при остром дефиците взаимопонимания и взаимного доверия в современном мире, содействовало бы упрочению нового мышления во имя социального и нравственного прогресса человечества, дружбы и прочного мира между народами.

Разумеется, журнал по-прежнему заинтересован в обсуждении вопросов развития современных славянских языков и национально-языковых отношений, языковой политики, социолингвистических проблем вообще, в их органической связи с общественно-политической и культурной жизнью народов социалистических стран. Случается, некоторые теоретики, по-своему истолковывая опыт СССР, поговаривают о стирании национальных особенностей в культуре, о благодатности языковой ассимиляции как средства уменьшения «языковой мозаики», укрепления «языковой монолитности» страны. Между тем, действительные тенденции и в СССР, и во всем мире социализма отражают объективное, необратимое стремление каждого народа к всестороннему и беспрепятственному развитию родного языка, расширению его общественно-политических, научно- и культуротворческих функций. Тем более, что многие славянские языки сравнительно недавно, лишь при социализме, обрели права гражданства, возможности для динамичного развития, искусственное сдерживание которого несовместимо с интернационалистскими принципами социалистического строя.

Ленинская национальная политика предполагает свободное развитие, равноправие национальных языков при одновременном и всемерном распространении в СССР языка межнационального общения, каким является русский язык. Очевиден и более широкий, мировой контекст русского — как одного из языков международного общения, его соотношения с родственными славянскими языками в двуедином и противоречивом процессе их расцвета и интернационализации.

Дальнейшей, более углубленной разработки в журнале требует литературоведческая тематика, анализ важнейших художественных течений, школ, всего эстетического многообразия национальных литератур и в то же время — их идейно-типологического единства, основанного на общности прогрессивных творческих традиций, стремлений к социалистическим, гуманистическим идеалам. Редакция заинтересована в освещении проблем общей литературной истории славян, становления и развития социалистических литератур после 1945 г., многообразных сторон духовно-литературного обмена стран и народов региона.

Не менее важны публикации по истории и типологии культуры как общеисторического и философского характера, так и по отдельным областям — музыка, живопись, театр, книгопечатание и т. д., в сочетании искусствоведческого и историко-культурологического аспектов.

Как и прежде, редакция не намерена ослаблять внимания к раскрытию бесценных сокровищ устного народного творчества, в особенности проблем взаимодействия фольклора и профессиональной культуры, к вопросам этнографии, сохранности и творческого использования памятников материальной народной культуры, к развитию новых обычаев, социалистической обрядности в братских странах.

Журнал «Советское славяноведение» намерен теснее увязывать проблематику зарубежной славистики с историей, культурой Советской страны — такое пожелание высказывается нашими читателями. Особого внимания при этом заслуживает великая русская культура, давшая миру высокие образцы творческого духа, человеческого подвижничества во имя

идеалов добра, справедливости, гуманизма. То же самое можно сказать о творческом наследии белорусов, украинцев, других народов нашей многонациональной Родины, внесших вместе с русским народом немалый вклад в мировую культуру. Постоянное внимание к этому вкладу позволило бы, по нашему убеждению, глубже понять, объективнее оценить общий ход истории зарубежных славян, что также немаловажно для плодотворного сотрудничества и взаимообогащения народов на современном этапе.

Нет, разумеется, никаких оснований недооценивать многовековой, поучительный, иногда драматический опыт соприкосновения и взаимопереплетения историко-культурных путей славян как между собой, так и с соседними и «отдаленными» народами в различных частях планеты.

Будучи общественной трибуной всей славяноведческой науки — академической и вузовской — журнал мог бы лучше содействовать изучению соответствующих дисциплин в высшей школе, внедрению проблемного преподавания истории, истории литератур южных и западных славян, обмену опытом учебно-дидактической и воспитательной работы в этой области.

Видимо, наша работа тоже неизбежно потребует преодоления всевозможных «зон» и «фигур» умолчания, устранения «белых пятен», всего того, что мешает целостному, диалектическому постижению историко-культурных процессов и против чего после XXVII съезда партии все настойчивее выступают передовые силы отечественной науки и публицистики. Предстоит также одолеть робость перед публикацией дискуссионных, полемических и постановочных материалов, с учетом различных точек зрения в научных кругах нашей страны и за рубежом. Более пристального и, понятно, объективного внимания на страницах журнала заслуживает западная славистика и прежде всего ее демократические течения.

Издавна на страницах журнала наряду с советскими учеными выступают их коллеги из социалистических и других стран. Редакция весьма заинтересована в развитии этой доброй, поистине интернациональной традиции, в расширении круга своих зарубежных авторов, поскольку заинтересована в более углубленном изучении неразработанных или спорных проблем, в обогащении науки новым знанием и, разумеется, в росте взаимопонимания среди международной научной общности.

Позрела потребность и в улучшении жанрово-стилевого облика нашего издания. В письмах читателей на сей счет высказываются различные пожелания, направленные на более полное отражение богатства истории, культурного наследия славянских народов, творческих судеб видных ученых-славистов и т. д. Главное пожелание касается содержания журнала, качественного улучшения научного уровня публикаций. Не повредила бы делу, видимо, активизация общественного мнения вокруг публикуемых материалов. Редакция надеется на читательские письма, высказывания и пожелания, касающиеся наших публикаций. Не исключаются, понятно, многие другие способы и формы в целях совершенствования, повышения научно-общественной репутации славяноведческого издания.

На счету журнала «Советское славяноведение» немало творческих достижений. Однако переживаемое сложное время диктует новые, повышенные требования. Делом откликнуться на них — наш научный, гражданский долг.



## ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ТИПА

Семь десятилетий отделяют нас от тех исторических событий, когда отрядами питерской Красной гвардии, революционными солдатами и матросами был взят Зимний дворец, низложено Временное буржуазное правительство, а Второй Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов провозгласил наступление новой эпохи — эпохи перехода России от капитализма к социализму. «Мы живем в мире, — говорится в Обращении ЦК КПСС к советскому народу в связи с 70-летием Октября, — который глубоко изменился под воздействием нашей революции. Уже свыше трети человечества сбросило с себя оковы капиталистической эксплуатации. Социализм существует, развивается, крепнет как мировая система. Нет больше колониальных империй — есть десятки молодых суверенных государств» [1].

Важнейшая составная часть нынешнего социально-политического облика мира — разносторонние взаимосвязи и сотрудничество стран социализма, представляющие в совокупности международную сферу социалистических общественных отношений. Ее развитие — неотъемлемая часть революционного переустройства, начатого Октябрем, и успешным оно может быть, как свидетельствует исторический опыт, лишь на путях последовательного воплощения марксистско-ленинских представлений о характере отношений между социалистическими народами, постоянного творческого соотношения всех практических шагов с теоретико-политическим идеалом этих отношений.

Чтобы охарактеризовать наиболее существенные черты этого идеала, надо обратиться прежде всего к воззрениям Маркса и Энгельса. Правда, они высказывались на этот счет весьма осторожно, подчеркивая только самые принципиальные идеи интернационального братства и солидарности трудящихся всех стран. К числу этих идей относятся положения из «Манифеста Коммунистической партии», других работ и эпистолярного наследия основоположников научного социализма о том, что в результате революции вместе с падением антагонизма классов внутри наций «падут и враждебные отношения наций между собой», что «победа пролетариата над буржуазией, — как говорил К. Маркс, — означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленных конфликтов» [2, т. 4, с. 445, 371], включая и национально-территориальные, подобные, например, франко-германскому межгосударственному конфликту из-за Эльзас-Лотарингии. «Между социалистической Францией и социалистической Германией, — отмечал Ф. Энгельс в одном из писем к А. Бебелю, — эльзас-лотарингского вопроса вообще не может существовать. Следовательно нет никакого основания для войны из-за Эльзас-Лотарингии» [2, т. 38, с. 162].

Важно выделить в представлениях основоположников научного социализма о будущих международных отношениях акценты на безусловную



реализацию принципов национального самоопределения, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга. В частности, в Учредительном Манифесте I Интернационала содержится программный призыв Маркса к рабочему классу добиваться в процессе борьбы за освобождение труда «того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» [2, т. 16, с. 11]. Немаловажными являются также замечания об опасности гегемонистских поползновений со стороны победившего пролетариата той или иной страны, всякого рода попыток «осчастливления» им на свой манер чужих наций, попыток, не могущих не подрывать силы и влияния освободительного движения [2, т. 35, с. 298]. Этому движению, как писал Энгельс, «прежде всего необходимо сохранить истинно интернациональный дух, исключаяющий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма», ибо «вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его» [2, т. 18, с. 500]. Излагая в письме к К. Каутскому свое понимание сути интернационального сотрудничества, он подчеркивал, что такое сотрудничество «возможно только между равными и что даже *primus inter pares* нужен разве только при непосредственном действии» [2, т. 35, с. 221].

В. И. Ленин, целиком и полностью воспринявший и развивший эти идеи, также был убежден в том, что общность интересов пролетариата разных национальностей выйдет на первый план при решении в будущем межгосударственных, в частности территориальных, проблем, ибо «единство рабочих, единство интернациональной классовой борьбы пролетариата бесконечно важнее, чем вопрос о государственных границах...» [3, т. 27, с. 439]. Вместе с тем в своей теоретической и практико-политической деятельности Ленин сделал еще больший упор на обеспечение самоопределения и полного национального равенства социалистических народов в интересах утверждения между ними отношений товарищеского доверия, всестороннего сотрудничества и интернационалистского единства [3, т. 38, с. 183; т. 40, с. 43].

Как известно, исходя из требований единства, в частности единства аппарата управления, Сталин выдвинул в 1922 г. проект «автономизации» ранее угнетенных окраин бывшей царской империи, недооценивавший значение обеспечения их полного равноправия и самостоятельности, пытался волевыми методами, путем давления из центра, навешивания политических ярлыков «социал-националистов» на несогласных с этим проектом объединения, добиться его повсеместного одобрения. В. И. Ленин, неустанно бичевавший малейшие проявления национального нигилизма в среде российских коммунистов, выступил против проекта «автономизации». Он дал позиции и действиям Сталина в этом вопросе жесткую негативную политическую оценку. «Тот грузин, — писал Ленин, — который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно нивыряется обвинением в „социал-национализме“ (тогда как он сам является настоящим и истинным не только „социал-националом“, но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки „обиженные“ националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями» [3, т. 45, с. 360].

Таким в своих основных принципиальных чертах был марксистско-ленинский идеал отношений между социалистическими народами, который после смерти В. И. Ленина и установления к концу 20-х — началу 30-х годов единовластия Сталина был искажен. Суть этого искажения состояла в том, что все положения классиков марксизма-ленинизма о первостепенной важности достижения между социалистическими народами полного доверия и именно на его основе развития добровольного товари-

щеского сотрудничества, о безусловной реализации во взаимоотношениях этих народов демократических принципов международного права, реализации, являющейся предпосылкой и условием решения общих, интернациональных задач, все положения о недопустимости претензий с чьей бы то ни было стороны на роль арбитра в теоретических и практических вопросах, на проведение гегемонистской политики были отодвинуты на задний план или просто изъяты из употребления.

К примеру, ленинская характеристика грубого давления Сталина на руководителей ЦК КП Грузии во главе с П. Г. Мдивани, давления, которое было названо Лениным «поистине великорусско-националистической кампанией» [3, т. 45, с. 361], никогда при жизни Сталина не публиковалась. Более того, выступая на VII расширенном пленуме ИККП в конце 1926 г., Сталин дал такую интерпретацию «грузинского дела», которая сводила на нет политическое звучание нежелательной для него ленинской характеристики, ибо последняя имела все же ограниченную огласку, поскольку письмо В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», где она содержалась, зачитывалось по делегациям на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. «Троцкий, — заявил он на этом пленуме, — говорил в своей речи, что „в национальном вопросе Сталин совершил довольно крупную ошибку“. Какую ошибку, при каких обстоятельствах, Троцкий так и не сказал. Это неверно, товарищи. Это — сплетня. Никаких разногласий по национальному вопросу с партией или с Лениным у меня не было никогда. Речь идет тут у Троцкого, должно быть, об одном незначительном инциденте, когда тов. Ленин перед XII съездом нашей партии упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукommунистов типа Мдивани» [4, с. 48—49]. Далее Сталин подчеркнул, что конкретные факты якобы показали именно его правоту, ибо «Ленин не знал и не мог знать этих фактов, так как он болел, лежал в постели и не имел возможности следить за событиями» [4, с. 49].

Это любопытное высказывание помогает понять, как в устах Сталина вопрос, которому В. И. Ленин придавал первостепенное значение, превратился в «незначительный инцидент», как жесткая негативная политическая оценка сталинских действий легко была переведена в безобидный разряд неких дружеских упреков, как оказалась извращенной в «грузинском деле» и роль самого Владимира Ильича, ибо в действительности он, несмотря на болезнь, живо интересовался этим делом и имел исчерпывающую о нем информацию.

В условиях становления мировой социалистической системы, межгосударственных отношений нового типа деформация теоретико-политического идеала межнациональных, международных отношений при социализме оказалась отнюдь не безобидной «идейной подвижкой». Эта деформация абсолютизировала советский опыт строительства социализма, выдавая за эталонный не только ту часть содержания этого опыта, которая действительно имела интернациональное значение, но также и ту, которая отражала особые, присущие только СССР, национально-специфические условия формирования его политической и общественной структуры, индустриализации экономики, коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств и т. д.

Известно, что это обернулось воинствующим отрицанием идеи многообразия как путей перехода к социализму, так и его содержания и форм. «Нельзя, — утверждалось в тогдашней политической печати, — признать правильным утверждение о том, что каждая страна идет к социализму своим, совершенно самобытным путем, что сколько стран, столько и путей к социализму. Говорить так — значит отрицать международное значение опыта большевизма» [5]. Те же в молодых социалистических странах, кто пытался отстаивать тезис о многообразии путей подхода к социализму и его конкретного строительства, подвергались суровому ostrакизму — на них навешивались ярлыки «националистов, отступников от марксизма-ленинизма», твердящих «о так называемых „особых“ и „специфических“ путях развития этих стран» [6, с. 24]. Сторонниками кон-

цепции единообразия противоположные мнения уничижительно импеловались не иначе, как «теоретичеки, извращающие ленинизм, игнорирующие исторический опыт Советского Союза, имеющий для трудящихся всего мира и для стран народной демократии первостепенное значение» [6, с. 24]. Одним словом, концепция единообразия закладывалась, как отметил в своей статье «Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки» член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. П. Яковлев, «с завидным упорством и в практику, и в теоретические построения» [7, с. 7].

Весьма своеобразно, мягко говоря, истолковывалась с позиций этой сектантско-догматической концепции суверенность братских партий и государств, что обернулось в ряде случаев ее прямым нарушением. В документах КПСС указано, например, на имевший место в те годы со стороны сталинского руководства «грубый произвол, приведший к конфликту в отношениях с Югославией в послевоенный период» [8].

В упоминавшейся статье А. Н. Яковлева говорится, что «не часто наши философы, политэкономы, историки, литературоведы выступали в роли застрельщиков и защитников нового и передового. В свое время приложили руку к дискредитации кибернетики и генетики, позднее — к объявлению чуть ли не антинаучными методов математического моделирования в экономике, к осмеянию отечественной прогностики» [7, с. 5]. Можно добавить, что наши обществоведы, в том числе историки, приложили руку в прошлом и к раздуванию антиюгославской идеологической кампании.

Конечно, по укоренившейся привычке (если не правилу) предшествующих десятилетий, быть может, лучше было бы об этом промолчать, придерживаясь той приглаженной да припомаженной трактовки нашей истории, когда все «неудобные», «нежелательные» по тем или иным причинам для административно-бюрократического аппарата события и факты из этой истории просто исключались. Однако те задачи, которые поставил перед советскими обществоведами XXVII съезд и последующие пленумы ЦК КПСС, требуют отбросить порочную практику умолчаний о наших прошлых или же теперешних просчетах. Ведь никакая страна, никакая политическая партия, а значит наша страна и наша партия тоже, никогда не обладали и не обладают готовыми и безошибочными ответами на все без исключения вопросы. Выступая 16 февраля 1987 г. с речью на встрече в Кремле с участниками международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил, что «претензий на обладание истиной в последней инстанции у нас нет и что «не поза верховного судьи по отношению ко всему миру, а уважение к другим в сочетании с объективным, самокритичным взглядом на собственное общество — этого остро не хватает ныне международным отношениям» [9].

Эти идеи — важные элементы новой советской идеологии, призванной сплотить общество на принципах марксистско-ленинской теории, очищенной от мертвящего налета догматизма, от губительного разрыва между словом и делом, от всякого рода политической трескотни и «шпаклезакидательства». Однако ясно, что предстоит еще большая работа обществоведов, всего политико-пропагандистского актива КПСС, как и других братских партий, чтобы марксистско-ленинская идеология в наших странах обрела современный вид во всех отношениях, чтобы она служила не оправданию любого конкретного шага административно-бюрократического аппарата, как это бывало в прошлом, да и до сих пор нередко еще бывает, а воспитывала в массах подлинно революционный дух, т. е. не знающий никаких «запретных зон» на критику, чтобы не затухала в глазах управляемых связь политических решений с теми или иными интересами управляющих, а вскрывала данную связь, ее справедливо-нравственный или аморальный характер.

Думается, что весьма недостаточно еще использован в интересах утверждения такой идеологии потенциал не только XXVII, но XX съезда КПСС, который восстановил в правах ленинскую идею многообразия со-

диалистического мира, который провозгласил в своей резолюции по Отчетному докладу ЦК необходимость полного учета исторического прошлого и особенностей каждой страны, вставшей на путь строительства новой жизни [10, т. 2, с. 414—415]. «При этом, — как отмечалось, в частности, в материалах съезда, — были отброшены некоторые застывшие формы работы нашей дипломатии, наших внешнеэкономических органов в их отношениях с иностранными государствами и гражданами этих стран, ликвидирована изоляция советских общественных и государственных организаций от внешнего мира, расширены контакты между советскими и зарубежными государственными, партийными деятелями и общественными организациями» [10, т. 1, с. 308—309].

Как-то незаслуженно мало в той же связи обращается советскими общественно-научными кругами на Декларацию Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами от 30 октября 1956 г., которая не только высоко ценится, но и по сей день широко используется в этих государствах. В ней, между прочим, Правительство СССР по-большевистски откровенно, с революционной прямоотой и ответственностью признало наличие в своей политике первого послевоенного десятилетия «нерешенных задач и прямых ошибок, в том числе и во взаимоотношениях между социалистическими странами, нарушений и ошибок, которые умаляли принцип равноправия в отношениях между социалистическими государствами» [11].

Примеры этих документов никоим образом не исчерпывают всего богатства того исторического опыта взаимоотношений наших партий и государств во всем разнообразии его позитивных и негативных аспектов, который гораздо активнее и вдумчивее, чем до сих пор, должен быть использован в интересах широкого утверждения нового политического мышления, по-настоящему современной, т. е. антидогматической, обладающей живительным зарядом самокритики, марксистско-ленинской идеологии. Такая идеология становится императивом национально-государственного и интернационального развития в той самой степени, в какой выдвигается на первый план задача широкой активизации творческого потенциала трудящихся масс посредством развития вширь и вглубь социалистической демократии, самостоятельных, самоуправленческих начал в экономике и всей общественной жизни.

Очевидно, пока что самой сложной сферой для утверждения в мире социализма демократических начал является международная. Ибо в этой сфере почти все прерогативы на взаимные отношения наших стран находятся в руках государства, его центральной администрации. Разумеется, в этом есть свои плюсы для развития международных отношений нового типа, ибо государственная монополия, например на экономические связи, позволяет в значительно большей степени, чем в условиях отсутствия такой монополии, реализовать на внешней арене прежде всего общие интересы данного национального (многонационального) общества, интересы социализма как общественного строя и мировой системы.

За сорок с лишним лет послевоенного развития между социалистическими государствами и прежде всего между государствами — участниками Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи сложились устойчивые, охватывающие самые разнообразные области общественной жизни связи, в том числе связи правящих коммунистических и рабочих партий, их интернационалистское сотрудничество, цементирующее братский союз наших народов. Имея в виду государства социалистического содружества, можно констатировать усиление комплексности в их сотрудничестве, интенсификацию не только межгосударственных, но в каком-то смысле и международных в прямом значении этого слова отношений, которые глубоко влияют на все сферы внутриобщественной жизни и существенно ускоряют интернациональное сближение братских стран. Именно между государствами социалистического содружества начали складываться интеграционные связи в народнохозяйственной области, распространение которых — необходимое условие все большего органи-

ческого объединения национально-государственных усилий в решении коренных экономических и социальных проблем. Наконец, во взаимодействии главным образом между государствами социалистического содружества отмечается рост удельного веса многостороннего сотрудничества в интересах все более успешного развития нового общества, упрочения его позиций и влияния на мировой арене.

Однако в почти абсолютной монополии центральных государственных органов стран социализма на внешние связи есть и свои, сегодня уже совершенно очевидные минусы. Главный из них — бюрократическая заорганизованность этих связей, по своей природе глубоко антидемократическая. А ведь на современном этапе социалистического развития СССР и других братских стран демократизация партийных, государственных и всех общественных отношений, включая, естественно, и международные, — первоочередная задача, от решения которой зависят и темпы социально-экономического ускорения, и поддержание внутривнутриполитической стабильности, и дальнейший рост в мире авторитета и влияния реального социализма. Ясно, что существующая централизовано-бюрократическая система осуществления властных функций и функций управления, в том числе управления внешнеполитической и внешнеэкономической деятельностью, а также сферами международного научного и культурного сотрудничества, нуждается в радикальной модернизации. Иначе весьма проблематичным будет, в частности, решение непростых задач, связанных с выполнением Комплексной программы научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г.

Для того, чтобы в процессе выполнения этой программы достигалось тесное объединение усилий, чтобы могли быть реализованы оптимальные варианты использования национальных ресурсов, необходимы отвечающие этим требованиям формы сотрудничества, сближение хозяйственных механизмов братских государств, создание соответствующих экономических, организационных и правовых условий. «А главное, — подчеркнуто в Политическом докладе ЦК XXVII съезду КПСС, — чтобы в реализации программы было меньше администрирования, всякого рода комитетов и комиссий, больше внимания к экономическим рычагам, инициативе, социалистической предприимчивости, вовлечению в этот процесс трудовых коллективов. Это и будет глубоко партийный подход, необходимый для такого неординарного начинания» [12, т. 1, с. 94].

Сейчас в Советском Союзе, приступившем к выполнению решений июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, разворачивается большая работа по созданию хозяйственного механизма, который отвечал бы требованиям интенсификации. Его органическая часть — коренные преобразования в системе внешнеэкономической деятельности, имеющие важное значение и для развития советского народного хозяйства, и для его взаимодействия с народнохозяйственными комплексами других стран социализма, для углубления с ними интеграционных связей. Суть этих преобразований в том, чтобы к внешнеэкономической деятельности непосредственно подключить производителей продукции и создать экономические условия для заинтересованности в ней предприятий. Такой прямой, экономически стимулируемой заинтересованности трудовых коллективов, производящих экспортную продукцию, в успешной ее реализации не было, ибо во внешнеэкономической деятельности эти коллективы не участвовали. И хотя многие годы культивировались контакты специалистов промышленности и сельского хозяйства различных стран социализма с целью обмена передовым опытом, они мало что давали, не выходя практически за рамки протокольных мероприятий. В своем большинстве, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «кроме взаимного созерцания и восхищения прогрессивными технологиями и техникой, новинками в селекционной работе, наши специалисты дальше не идут из-за бюрократических препон в вышестоящих инстанциях» [12, т. 1, с. 510].

Теперь, когда приняты соответствующие постановления, их практическая реализация должна содействовать устранению бюрократических препон, возведенных на пути прямых связей между производственными,

проектно-конструкторскими и научными коллективами, между породненными областями и городами Советского Союза и других государств социалистического содружества. Нелишне в этой связи заметить, что взаимоотношения стран социализма — та сфера, где отчетливее всего, быть может, видна неразрывная связь внутренней и внешней политики социалистического государства. Жизнь дает немало примеров того, что приверженность к устаревшим, уже не оправдывающим себя формам взаимодействия этих государств, запаздывание в проведении назревших мер по совершенствованию их сотрудничества наносят не меньший ущерб, чем застой и консерватизм в решении вопросов внутреннего развития.

А если говорить конкретнее, то надо признать, что монополизация на предшествующем этапе Министерством внешней торговли СССР и Государственным комитетом по внешним экономическим связям при Совете Министров СССР всей внешнеэкономической деятельности и их многолетнее сопротивление разработке и внедрению каких-либо иных форм осуществления Советским государством своих прерогатив в этой сфере явились одной из причин невыполнения нашей страной многих обязательств по Комплексной программе социалистической экономической интеграции, принятой в 1971 г., т. е. одной из причин нахождения в настоящее время параднохозяйственного взаимодействия стран — членов СЭВ не на стадии интеграции, как предполагалось, а в значительной степени на стадии простого товарного обмена. Бумажная заорганизованность и неповоротливость, весьма малая восприимчивость к новому, хроническое запаздывание с реализацией многих достигнутых договоренностей, недостаток ответственности создавали в сфере экономического взаимодействия СССР с братскими странами тот «механизм торможения» всего прогрессивного, который неизменно ослаблял, а то и просто сводил на нет попытки интенсификации этого взаимодействия, его перевода в подлинно интеграционное русло за счет широкого развития внутриотраслевой специализации и кооперирования производства. На 42-м заседании сессии СЭВ (ноябрь 1986 г.) глава советской делегации Н. И. Рыжков отметил, что пока у стран-участниц «доля поставок кооперированной продукции в общем объеме торговли машинно-технической продукцией остается низкой и составляет всего от 5 до 11%» и что в следующих пятилетиях «от преимущественно торговых связей мы должны переходить непосредственно к производственному взаимодействию, глубокой специализации и кооперации», создавая в ходе такой качественной перестройки экономического сотрудничества «необходимые условия для повышения заинтересованности в ней самих предприятий» [13].

Этот путь углубления народнохозяйственного взаимодействия, в том числе в интересах реализации Комплексной программы научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г., не означает, конечно, следования тем буржуазным, и прямо скажем, провокационным рецептам интенсификации международного сотрудничества, авторы которых склонны рассматривать национально-государственный суверенитет стран социализма в экономической сфере «традиционным представлением, все больше являющим собой архивный идеально-наивный взгляд» [14]. При решении всех вопросов интенсификации своих экономических связей страны — члены СЭВ, как подчеркнуто в Комплексной программе научно-технического прогресса, «будут исходить из национальных интересов и общих интересов мировой социалистической системы, из задач сохранения мира и обеспечения безопасности народов» [15].

В мире, разумеется, сравнивают и будут сравнивать плоды научно-технической революции в социалистических и капиталистических государствах. Своевременное выполнение единодушно принятой на 41-м заседании сессии СЭВ (декабрь 1985 г.) Комплексной программы научно-технического прогресса братских стран до 2000 г., несомненно, повысит авторитет и международное влияние реального социализма, тогда как всякие «корректировки» и срывы, всякие расхождения между словом и делом способны только ухудшить наши и без того весьма непростые по-

зиции в историческом соревновании с противоположной социально-экономической системой<sup>1</sup>.

За четыре с лишним послевоенных десятилетия страны социализма накопили большой опыт организации производства, решения народнохозяйственных и других проблем общественного развития, налаживания и углубления взаимного сотрудничества, согласованных действий на международной арене. Этот опыт — общее, коллективное достояние: каждая правящая марксистско-ленинская партия, каждое социалистическое государство вносят в него свой вклад, демонстрируют в решении тех или иных вопросов более смелый, творческий и эффективный подход, чем предлагают другие, и т. д. В современных условиях взаимный обмен опытом социалистического развития выступает не только весьма желательным, но просто необходимым компонентом дальнейшего прогресса нового строя. В Политическом докладе ЦК XXVII съезду нашей партии подчеркнуто, что «бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира» [12, т. 1, с. 95].

Жизнь показывает, что этот опыт может быть весьма различным. Если взять, допустим, аграрную политику, то КПСС с периода коллективизации и до самого последнего времени придерживалась системы обязательных поставок (или продаж) колхозами и совхозами сельскохозяйственной продукции государству в установленных в директивном порядке размерах. Венгерская социалистическая рабочая партия ликвидировала эту систему 30 с лишним лет назад и перешла в деле государственных закупок продовольствия и сельскохозяйственного сырья к договорным принципам. Обращаясь к этому вопросу на апрельском (1983 г.) Пленуме ЦК ВСРП ее Генеральный секретарь Я. Кадар отметил, что подобная мера вызвала в то время немалые споры. «Были люди, — вспоминал он, — которые задавали мне вопрос: откуда же у страны будет хлеб? Тогда я не знал, как ответить, но решение надо было принимать срочно. И в декабре 1956 г. мы такое решение приняли. Я знал лишь, что при обязательных поставках у нас хлеба уж точно не будет, и надеялся, что договорная система даст возможность закупок необходимого количества продукции. Так оно и произошло» [18].

Подобные различия политики правящих коммунистических и рабочих партий в отношении аграрного сектора экономики касаются не только формы осуществления этой политики, но и самого ее содержания. Оно, это содержание, во многом не одинаково. Нет надобности говорить в данном случае о достоинствах и недостатках той или другой разновидности аграрной политики коммунистов, следует только подчеркнуть, что обе они имеют право на жизнь и заслуживают уважительного к себе отношения. «Можно сказать, — заявил М. С. Горбачев на митинге чехословакосоветской дружбы 10 апреля 1987 г., — что сегодня надежным мерилом серьезности правящей коммунистической партии является не только ее отношение к собственному опыту, но и отношение к опыту друзей. Что же касается ценности этого опыта, то критерий у нас один: общественно-политическая практика, результаты социально-экономического развития, укрепление социализма на деле» [19, с. 43].

Четыре с лишним десятилетия развития мировой социалистической системы, взаимоотношений входящих в нее стран дали богатый материал для трезвого политического анализа. Эти десятилетия наглядно показали,

<sup>1</sup> О сложности этих позиций дают представление, например, показатели темпов роста национального дохода и производительности труда в Советском Союзе в сравнении с американским уровнем. Так, в 1950 г. национальный доход СССР составлял 31% от произведенного в том же году национального дохода США, в 1970 г. — более 65%, а в 1985 г. — 66%. Другими словами, если за первые 20 лет Страна Советов улучшила свои позиции по этому обобщающему показателю социально-экономического соревнования с Соединенными Штатами на 34%, то за последующие 15 лет — всего на 1%. Аналогичной выглядит картина и по другому из названных показателей. В 1950 г. производительность труда в советской промышленности составляла около 30% от уровня производительности труда в промышленности США, в 1970 г. — примерно 53%, а в 1985 г. — 55%, т. е. за первые 20 лет наша страна продвинулась вперед на 24%, за последующие же 15 лет — лишь на 2% [16; 17].

как новый мир разнообразен и сложен, насколько трудоемко обеспечение необходимых объективных и субъективных условий для его неуклонного прогресса, который немислим без разрешения многочисленных и нередко довольно острых противоречий. Коммунисты не могут отменить эти противоречия по своему усмотрению, даже если они обладают всей полнотой государственной власти. Сейчас уже ясно, что социалистическая фаза развития коммунистической общественно-экономической формации не исключает и остроконфликтной формы внутриобщественных и межгосударственных противоречий, и в этом смысле предположения Маркса и Энгельса о невозможности такого рода противоречий в условиях социализма не подтвердились. Делать иные выводы, пытаться отыскать некую бесконфликтную, беспроблемную форму международной социалистической жизнедеятельности, начетничски ссылаясь при этом на отдельные высказывания основателей нашей революционной теории, означало бы, говоря ленинскими словами, «использование буквы марксизма против духа марксизма» [3, т. 25, с. 298].

Совершенно очевидно, что недоучет объективных различий в содержании интересов отдельных стран социализма, который тесно связан с начетническо-догматическим представлением о противоречиях как о чем-то болезненном, чего вроде бы может и не быть, если предвидеть все перспективы общественного развития,— такой недоучет способен привести к провалу любых интеграционных мероприятий. К сожалению, этому требованию материалистической диалектики, как подчеркнул М. С. Горбачев в своей речи на митинге в Праге, «не всегда следовали на практике. „Беспроблемный“ показ действительности сослужил плохую службу: образовался разрыв между словом и делом, порождающий общественную пассивность, неверие в провозглашаемые лозунги. Что касается привлекательности социализма, то она создается в конечном счете не словами, а реальными делами. Честное признание собственных упущений и промахов, решимость их устранить только укрепляют его престиж» [19, с. 36]. О том же пишет в своей статье «К новым горизонтам» Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета ПНР В. Ярузельский, отмечая, что «бесконфликтная интерпретация (социалистической действительности.— Ю. Н.) оказалась ошибочной в теории, привела к большим издержкам на практике» [20].

Одним из важнейших направлений нынешней перестройки системы международного сотрудничества стран социалистического содружества как раз и является стремление к постоянной и все более гибкой гармонизации противоречивых национально-государственных интересов этих стран и выработки компромиссных, но эффективных решений. Немалое значение придается здесь радикальным сдвигам в деле информации. «Улучшение информационного обеспечения социалистической интеграции,— пишет профессор будапештского Института внешней политики Г. Изекне Хедри,— требует рассекречивания экономической информации. Ведь парадоксальной выглядит ситуация, когда данные о финансовом положении партнера по социалистическому сотрудничеству узнаются из западной прессы, которую в свою очередь информируют капиталистические банки, кредитующие страны социализма» [21].

Действуя в духе определенного XXVII съездом курса КПСС на широкую гласность своих решений, на всестороннюю демократизацию общественной жизни, нужно, конечно, решительно отказаться от охранительно-бюрократической тенденции к паложению почти на всю информацию о реальном характере сотрудничества с братскими партиями и странами ограничительных гриффов «конфиденциально», «для служебного пользования», «секретно» и т. п. Открытость реальной картины сотрудничества наших стран, бесспорно, усилит позиции идеологического актива правящих партий, ученых-марксистов и в полемике с буржуазными критиками социализма, будет содействовать скорейшему преодолению долгое время бытовавшего сектантско-догматического способа ведения споров с нашими идейными противниками, когда они нам толкуют про одно, а мы — про другое.



Утверждение обстановки широкой гласности, развитие внутриполитической демократии и равноправный, подлинно партнерский дух международных, межгосударственных отношений тесно связаны. На это указывали еще основоположники научного социализма. В свое время, рассматривая взаимосвязь внутренней и внешней политики в условиях частнособственнического общества, Ф. Энгельс ставил вопрос: «Как же вы хотите осуществлять демократическую политику вовне, когда внутри демократия скована по рукам и ногам?» [2, т. 5, с. 162].

Это замечание важно и для анализа взаимосвязи внутренней и внешней политики в условиях нового, коллективистского строя. Опыт становления и развития мировой социалистической системы показал, что ликвидация в братских странах частной собственности на орудия и средства производства не означает везде и всегда полного устранения антидемократических порядков. Сохранение же этих порядков или их возрождение в той или иной стране социализма в какой-нибудь псевдореволюционной форме неизбежно сказывается и на внешних связях этой страны, которые целиком и полностью направляются в административно-бюрократическое русло. И если дело обстоит таким образом, то лишь с большой натяжкой можно говорить о международном характере внешних связей, которые в действительности являются исключительно межгосударственными. Следовательно, задача демократизации и тем самым дальнейшего развития международных отношений нового типа — это обретение ими во все большей степени характера подлинных отношений между самими народами, а не только государствами.

В развертывании процесса демократизации всей системы взаимоотношений стран социализма, развития прямых связей между людьми огромное значение приобретают расширение и углубление культурных обменов, содержательный характер которых и интенсивность еще оставляют желать лучшего. Административно-централистский, бюрократический подход к организации всего международного сотрудничества и здесь нанес немалый ущерб, отодвинув вопросы культурных и туристических связей, непосредственных контактов населения братских стран на какое-то даже не второстепенное, а третьестепенное место. А между тем в неформальном узнавании народами друг друга и росте взаимного доверия широкое культурное сотрудничество, непосредственные контакты населения играют ничем не заменимую роль. Невнимание к этим вопросам или хроническое запаздывание с их решением оказывают тормозящее воздействие на закономерный процесс сближения стран социализма, могут серьезно помешать реализации планов интенсификация научно-технического и производственно-экономического сотрудничества, развития партнерских внешнеполитических связей.

Вот почему следует особо подчеркнуть значение и уникальность Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, подписанной на высшем уровне в Москве 21 апреля 1987 г. Впервые в практике взаимоотношений стран социализма разработан и принят документ, отличающийся подлинно комплексным подходом к вопросам развития в этих гуманитарных областях международного сотрудничества, пониманием его решающей роли в распространении и утверждении нового политического мышления, в том числе в утверждении такого исторического сознания польского и советского народов, которое было бы залогом дальнейшего роста между ними интернационалистских чувств и всесторонних связей. «КПСС и ПОРП, — говорится, в частности, в этом документе, — придают большое значение совместному исследованию истории отношений между нашими странами, партиями и народами. В ней не может быть „белых пятен“. Вековые связи народов Польши и России требуют глубокой оценки. Все эпизоды, в том числе драматические, должны получить объективное и четкое истолкование с позиций марксизма-ленинизма, соответствующее нынешнему состоянию знаний. Необходимо прежде всего воздать должное тому, что укрепляло дружбу между нашими партиями и народами, и осудить то, что нанесло ей вред» [22].

Можно сказать, что всю Декларацию пронизывает стремление КПСС

и ПОРП максимально соотносить полноту данной им власти с полнотой ответственности перед своими народами и усилить тем самым диалектическую перасторжимость своих национально-государственных и общих, интернациональных интересов и задач. Ведь общий интерес, по словам основоположников научного социализма, «существует не только в представлении, как „всеобщее“, но и прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд» [2, т. 3, с. 31]. Если экстраполировать эти слова на социалистическое содружество, то следует подчеркнуть, что взаимная зависимость составляющих его стран, взаимное влияние успехов или неудач в одной из них на все другие стимулирует творческие поиски братских партий, нацеленные на более полное использование внутренних материальных и духовных ресурсов и повышение эффективности внешних экономических, политических и культурных связей. Поскольку национальные условия, материальные и духовные ресурсы каждой отдельно взятой социалистической страны отнюдь не во всем совпадают, это порождает большое разнообразие в приемах, методах и средствах решения общих задач, является причиной того, что процесс реального утверждения единого по своей сущности исторического типа нового строя с *содержательной стороны* протекает не везде одинаково и закономерно принимает поэтому различные формы.

Осознание этого факта — неперемнная составляющая интернационалистской политики коммунистов. Национальное разнообразие, если не смешивать его с националистическими вывертами, может и должно служить в мировой системе социализма фактором взаимного познания, творческого обогащения суверенных стран, источником интернационализации опыта, неперменной предпосылкой равноправия и дружбы народов. В нашей социалистической семье мы учимся одинаково дорожить и тем общим, что всех объединяет, и тем особым, что различает нас, ставя эти национальные различия на службу не разъединению, а сближению людей.

В прямой зависимости от понимания диалектики общего и особенного, «объединительных» и «различительных» начал в социалистическом содружестве, в мировой системе социализма в целом находится уровень товарищеского доверия и сплоченности марксистско-ленинских партий и народов братских стран, действенность их внешней политики, в том числе успех сочетания национально-государственных интересов этих стран между собой и с интересами общими, интернациональными. Практикой давно опровергнуты измышления буржуазных идеологов о национальном пигулизме коммунистов, чья деятельность была и остается живым примером глубокого патриотизма и последовательного интернационализма, чья преданность своей родине и озабоченность за судьбы человечества взаимно обусловлены и нерасторжимы.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. К советскому народу. Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. — Коммунист, 1987, № 6, с. 4.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
4. Сталин И. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. М., 1951.
5. Бурджалов Э. О международном значении опыта партии большевиков. — Большевик, 1948, № 17, с. 51.
6. Денисов А. И. О работе В. И. Ленина «Государство и революция». М., 1951.
7. Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки. — Коммунист, 1987, № 8.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. Т. 9. М., 1986, с. 122.
9. Горбачев М. С. За безъядерный мир, за гуманизм международных отношений. М., 1987, с. 25, 13.
10. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет в 2-х томах. М., 1956.
11. Под знаменем пролетарского интернационализма. Сборник материалов. М., 1957, с. 15.
12. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет в 3-х томах. М., 1986.

13. *Рыжков Н. И.* Выступление на 42-м заседании сессии СЭВ 3 ноября 1986 г.— Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1987, № 2, с. 38.
14. *Wiedenfeld W.* Modernisierung — Kern neuer europäischer Identität?— Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1985, 13 Juli, S. 4.
15. Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г. Основные положения. М., 1986, с. 5.
16. Народное хозяйство СССР в 1984 г. М., 1985, с. 67—68.
17. Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986, с. 581.
18. *Кадир Я.* Избранные речи и статьи (май 1979 г.— апрель 1985 г.). М., 1985, с. 258.
19. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Чехословацкую Социалистическую Республику, 9—11 апреля 1987 г. Документы и материалы. М., 1987.
20. *Ярузельский В.* К новым горизонтам.— Коммунист, 1987, № 11, с. 66.
21. *Izikné Hedri G.* A szocialista egüttműködés tálvatai. Budapest, 1985, 137. old.
22. Визит в Советский Союз Первого секретаря ЦК ПОРП, Председателя Государственного совета ПНР Войцеха Ярузельского, 21—22 апреля 1987 г. Документы и материалы. М., 1987, с. 9—10.



ВУЛЕВИЧ М. Р.

## СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕРНОГОРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уходят в глубь времен суровые годы второй мировой войны, но советские люди не забывают о вкладе народов Югославии в победу над общим врагом, о совместной борьбе против фашизма. «Мы никогда не забудем стойкости и мужества югославского народа и его народно-освободительной войны», — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев [1]. (О советско-югославском боевом сотрудничестве см. [2].) В ходе народно-освободительной войны в стране осуществлялись и революционные процессы, приведшие к возникновению в национальных землях (краях) основ новой народно-демократической государственности, послужившей базой для создания федеративного Югославского государства [3]. В настоящей статье сделана попытка показать процесс возрождения черногорской государственности, ее становление в рамках югославской федерации.

За свободу, независимость и международное признание своей государственности черногорцы вели длительную борьбу, которая увенчалась успехом в 1878 г., когда по Сан-Стефанскому мирному договору, а затем на Берлинском конгрессе за Черногорией, поддержанной Россией, был признан государственный суверенитет и была увеличена ее территория [4, т. I, с. 514]. Как независимое суверенное княжество (а с 1910 г. — королевство) Черногория существовала до ноября 1918 г., когда Великая народная скупщина в г. Подгорица (ныне Титоград) низложила последнего черногорского правителя — короля Николу и приняла решение об объединении Черногории с Сербией и югославянскими провинциями Австро-Венгрии [5; 6].

Объединение югославянских народов и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, произошедшее 1 декабря 1918 г., имело прогрессивное значение. Однако в новом государстве Черногория была фактически отсталой аграрной окраиной. Правящая великосербская верхушка искусственно тормозила экономическое развитие Черногории, угнетала ее народ. После государственного переворота и установления в 1929 г. военно-монархической диктатуры в Королевстве Югославии (так стала страна называться с 3 октября 1929 г.) территория Черногории была поделена между несколькими провинциями.

В годы между двумя мировыми войнами в Черногории существовала сплоченная, крепкая, боевая партийная организация, деятельность которой была направлена на укрепление связи с массами, борьбу против фашизма и войны. КПЮ боролась за установление дипломатических отношений и заключение союза с Советским Союзом с тем, чтобы упрочить внутривосточное и международное положение Югославии и избежать вовлечения ее в войну [7].

После поражения Югославии в апрельской войне фашистские оккупанты расчленили страну, подвергнув разделу и ограблению и национальные земли. Так, часть территории Черногории была присоединена к созданной Муссолини «Великой Албании», побережье Адриатического моря Италия аннексировала, а основную часть черногорских земель превратила в «губернаторство», занятое ее войсками.

С помощью сепаратистов и других предательских элементов итальянские захватчики планировали создание марионеточной Черногории, провозглашение которой готовилось на 12 июля 1941 г. в день так называемого Петровданского собора.

Однако свободолюбивый народ Черногории, патриоты, коммунисты не смирились с фашистской оккупацией. Вступление Советского Союза в войну после вероломного нападения на него фашистской Германией 22 июня 1941 г. трудящиеся Черногории восприняли как начало всеобщей решительной борьбы против фашизма. В знак солидарности с борющимся советским народом черногорцы одними из первых в Югославии откликнулись на призывы ЦК КПЮ (22 июня) и Политбюро ЦК КПЮ (4 июля) поддержать борьбу советского народа против фашистских агрессоров, развернуть боевые действия против оккупантов и их местных пособников с тем, чтобы превратить их во всеобщее вооруженное восстание. Краевой комитет КПЮ Черногории, Боки и Санджака в обращении к народу указал, что борьба советского народа в защиту отечества рабочих и крестьян от фашистских захватчиков одновременно является борьбой черногорцев и других народов за национальное освобождение, за лучшую жизнь, за социализм [8, т. III, кн. 1, с. 14].

Под руководством краевой партийной организации КПЮ — она тогда насчитывала 1780 членов — черногорские патриоты 13 июля 1941 начали борьбу против итальянских фашистских оккупантов, переросшую в течение 2—3 дней в массовое вооруженное восстание [9; 10]. Черногорский народ вступил в священную освободительную войну, открылась новая страница его истории.

В результате боевых действий были уничтожены карабицерские посты, участки финансовой стражи, ряд вражеских гарнизонов. В течение 6—7 дней почти вся территория Черногории, за исключением городов Цетинье, Подгорица, Плевле, Никшич и нескольких приморских поселений, блокированных повстанцами, была освобождена. В ходе восстания, в котором в первые дни приняли участие около 32 тыс. человек [11, с. 38; 4, т. II, с. 194], были ликвидированы оккупационный аппарат, остатки довоенной местной администрации и зарождавшейся квислинговской системы власти. Впервые в оккупированной Югославии, да и во всей Европе образовалась обширная свободная от оккупантов территория площадью около 10 тыс. км<sup>2</sup> [2, с. 35].

Движущей силой вооруженного восстания в Черногории были широкие массы трудящихся — рабочие и крестьяне, а также передовое студенчество и значительная часть пародной интеллигенции. Его характеризуют внезапность, массовость, широкий размах и инициативность действий повстанцев. На освобожденных территориях поддерживалась относительно нормальная жизнь населения, были созданы органы народной власти и управления — народно-освободительные комитеты (НОК), а также органы безопасности, правосудия, народное войско. Возникла политическая система, в которой партийные организации КПЮ выступали направляющей и руководящей силой. Черногорским коммунистам не удалось привлечь к сотрудничеству в борьбе против фашистских захватчиков буржуазные политические партии. Лишь некоторые их деятели и группа патриотически настроенных офицеров бывшей югославской армии присоединились к народно-освободительному движению (НОД).

Призывая народ к вооруженной борьбе, КПЮ выдвинула в качестве главной и неотложной задачу национального освобождения. Трудящиеся и коммунисты Черногории усматривали в этом возможность уничтожения национального гнета, создания братского равноправного содружества народов Югославии, возрождения черногорской государственности в союзе

с другими народами Югославии, путь к социальному освобождению, и поэтому горячо откликнулись на призыв компартии.

Из решения руководства КПЮ от 4 июля 1941 г. следовало, что вооруженная борьба должна развертываться постепенно. Массовости и столь широкого размаха боевых действий повстанцев, освобождения значительных территорий, городов, как это имело место в Черногории уже в июле 1941 г., руководство КПЮ в первое время не предвидело. Организуя выполнение названного решения, Черногорское краевое руководство КПЮ ориентировало партийные организации на местах на ведение партизанской войны [12; 13]. Однако ограничить деятельность повстанцев лишь блокадой коммуникаций, налетами на посты и участки было невозможно. Начавшиеся повсеместно боевые действия быстро перешли границы и формы локальных выступлений, особенно тогда, когда оккупанты обрушили жестокие репрессии на мирное население. К повстанцам присоединились народные массы.

В результате слияния освобождаемых территорий образовались обширные освобожденные районы, в связи с чем возникли проблемы налаживания жизни и организации управления, обеспечения городского населения и повстанческих формирований продуктами питания и предметами первой необходимости, восстановления поврежденных объектов, организации работы медицинских учреждений, транспорта, связи, поддержания общественного порядка, безопасности населения и т. д.

Эти и другие проблемы партийные комитеты, выполнявшие функции органов руководства вооруженным восстанием, теперь стали решать совместно с трудящимися. Возобновление деятельности прежней югославской администрации, скомпрометировавшей себя прислужничеством оккупантам, народ отвергал, требуя создать такие органы власти, которые представляли бы его интересы. Трудящиеся предлагали партийным органам помощь, выдвигали конкретных лиц, которые могли бы содействовать созданию новой власти. В результате совместного творческого поиска народа и местных партийных органов появились различные организации трудящихся, становившиеся фактически органами народной власти. И самым первым среди них был Беранский уездный Народный комитет освобождения, образованный уездной Скупщиной в г. Беране (ныне Иванград) 21 июля 1941 г. через 2 дня после освобождения территории уезда от итальянских оккупантов. В эти же дни на освобожденных территориях Андриевицкого, Белопольского и Колашинского уездов и в Граховской общине были созданы аналогичные органы народной власти [4, т. II, с. 199; 13; 14, с. 40; 15; 16; 17].

После освобождения территории уезда в селах и населенных пунктах были проведены выборы делегатов на уездный форум, превратившиеся в массовые митинги, на которых народ восторженно приветствовал освобождение, а 21 июля 1941 г. в г. Беране по решению городского комитета КПЮ была проведена Скупщина (собрание) представителей сел, города и повстанческих войск с целью создания уездного органа власти — Народного комитета освобождения. Собрание народных представителей Беранского уезда конституировалось как уездная Народная скупщина, первый в оккупированной Югославии народный парламент уездного значения. Каждое село в зависимости от численности его населения было представлено 5—10, а г. Беране — 20 делегатами. Повстанческие формирования также были представлены своими делегатами. Всего с мандатами было 217 делегатов<sup>1</sup>. Кроме того, на собрание были приглашены 150 граждан, в том числе некоторые члены бывших политических партий и групп, офицеры старой югославской армии, служащие, не сотрудничавшие с оккупантами.

Работой Скупщины руководил комитет КПЮ Беранского уезда. На Скупщине выступили 12 делегатов, представлявших рабочих, сельское и городское население, повстанческие формирования, коммунистов и

<sup>1</sup> Из них активными участниками народно-освободительного движения стали 150 человек, 40 погибли, 6 стали Народными героями Югославии.

беспартийных. Они обсудили сложившуюся военно-политическую обстановку. Делегаты Скупщины выразили твердую уверенность в победе братских народов СССР и Югославии, убежденность в освободительной миссии Красной Армии в Европе, призвали патриотов выполнить свой национальный и интернациональный долг, бороться за возрождение черногорской государственности и независимости Югославии [14, с. 47—48]. Выступившие осудили позицию противников вооруженного восстания, сторонников выжидания «подходящего момента» для начала борьбы с оккупантами, а также тех, кто утверждал, что коммунисты якобы стремятся захватить власть в свои руки. Было заявлено, что «речь идет главным образом не о власти, а о свободе. Сегодня, пока идет борьба, управлять должны те, кто пользуется доверием народа, а когда страна станет свободной, народ окончательно установит форму правления» [14, с. 39].

После обсуждения проекта Скупщина приняла историческое постановление, в котором провозглашалось упразднение всех старых органов власти и переход власти в руки народа (п. 1); учреждался Народный комитет освобождения в составе председателя, секретаря и 19 членов (п. 2); на Народный комитет возлагалась обязанность взять в свои руки государственное имущество и банковские фонды для использования их в интересах освободительной борьбы (п. 3); гарантировались личная безопасность и имущественные права граждан (п. 4). Постановление предусматривало сохранение прежнего югославского трехцветного государственного флага (п. 5) [14, с. 39—40]. В избранный Скупщиной Народный комитет освобождения (НКО) (21 человек) вошли 11 членов КПЮ; в нем были представлены рабочие, крестьяне, бывшие студенты. В тот же день на первом заседании комитета были образованы отделы (секции): административный (3 человека), военно-судебный (5 человек), финансово-экономический (5 человек), здравоохранения (3 человека), культурно-просветительский (5 человек) и определены их функции. В последующие 2 дня в 15 селах были созданы сельские, а кое-где и общинные комитеты [14].

22 июля 1941 г., после создания Беранского уездного НКО, уездных органов власти в Андриевице, Белом Поле, Колашине, Временное верховное командование народно-освободительных войск Черногории направило местным партийным комитетам и командованию местных повстанческих сил Инструкцию по выборам общинных и уездных органов власти и политорганов в повстанческих войсках. Сообщалось, что на освобожденной территории оно временно берет всю власть в свои руки [8, т. III, кн. 4, с. 9—12]. В Инструкции излагались правила и принципы образования временных общинных и уездных органов народной власти на освобожденных от оккупантов территориях.

Право избирать и быть избранными в НКО получили все граждане, «мужчины и женщины независимо от вероисповедания, национальности и расы» [8, т. III, кн. 4, с. 10], которым ко дню голосования исполнилось 18 лет. Жителям сел, городов и бойцам повстанческих формирований предлагалось на собраниях избрать делегатов в общинные и уездные Скупщины, которые должны выбрать исполнительные органы власти — общинные и уездные ПОК. «Скупщина общинных делегатов является верховной властью общины...», а «Скупщина уездных делегатов — верховной властью уезда» [8, т. III, кн. 4, с. 10] — указывалось в этом первом в Югославии нормативном документе по организации народной власти. В соответствии с ним в состав органов народной власти могли быть избраны граждане, стоящие на позиции народно-освободительной борьбы и реально ее поддерживающие. В обязанности органов власти входило установление на своих территориях надлежащего общественного порядка, обеспечение снабжения повстанческих войск продовольствием, налаживание хозяйственной жизни, проведение уборочных работ, организация работы транспорта и других служб, создание в случае необходимости народной милиции для борьбы с преступностью, принятие мер по хозяйственному и национальному обновлению [8, т. III, кн. 4, с. 11].

Для организации отпора готовившимся к наступлению оккупационным войскам, защиты освобожденной территории и руководства повстан-

ческими формированиями уездный комитет КПО создал Военный комитет, который реорганизовал повстанческие подразделения и отряды: было сформировано 7 батальонов и артиллерийская батарея горных орудий, которые в срочном порядке направлялись в район концентрации вражеских войск и предполагаемых боевых действий, где фактически образовался фронт. Поддержание общественного порядка и безопасности было возложено на созданную для этой цели народную милицию, руководимую административным отделом НКЮ.

При содействии и под руководством сельских, общинных и уездного комитетов освобождения Беранского уезда были восстановлены поврежденные в ходе боевых действий объекты, выполнены значительные хозяйственные и полевые работы, организовано бесперебойное снабжение народного войска продовольствием и другими материальными средствами. Это дало возможность организовать отпор вражеским силам и удерживать освобожденную территорию в своих руках около месяца.

Что представляли собой органы новой власти, возникшие в те дни в других уездах Черногории? По способу образования, составу, характеру выполняемой работы к Беранскому примыкал Андриевицкий НОК. Он был избран конференцией представителей народа от сел уезда и города (300 человек) в составе 22 человек [18]. Члены комитета выполнили значительную работу, но в отличие от Беранского комитета работали рассредоточено: одни из них направляли работу сельских комитетов, другие — оказывали им помощь в формировании воинских подразделений и частей, объединении сил и материальных средств для защиты освобожденной территории, а некоторые выполняли функции советников и помощников военных руководителей и находились в районе боевых действий. Дело в том, что территория двух общин Андриевицкого уезда была отторгнута от Черногории и присоединена к «Великой Албании». В ходе боевых действий повстанцам не удалось ее освободить. Итальянские оккупанты и албанские националисты использовали эту территорию для восстановления прежних оккупационных порядков в уезде и с этой целью начали боевые действия. Андриевицкий уездный КОК фактически занялся военными делами и не смог проявить себя как подлинно народный орган власти.

Белопольский (создан решением областного комитета КПО) и Колашинский (создан уездным военно-революционным комитетом) уездные народно-освободительные комитеты руководили становлением народной власти в своих уездах, направляли ее работу, достойно представляли трудящихся, защищали их интересы, стремились закрепить завоеванную свободу, организовали защиту освобожденных территорий, способствовали освобождению территории других уездов от врага.

Первый орган народной власти в общине Грахово, образованный населением 24 июля 1941 г., получил название «Граховский рабоче-крестьянский совет». Решал он те же задачи и проблемы, что и органы народной власти в других уездах. Название, напоминавшее органы власти в Советском Союзе, означало, что народ не желает возврата к старому строю, приведшему государство к катастрофе, что он стремится к переменам.

В июле 1941 г. в Черногории возникли и такие органы власти, которые в те дни, ввиду быстро менявшейся обстановки, не получили полного оформления и развития. Так, после освобождения Даниловградского уезда в нем новую власть осуществлял назначенный народом Комиссар, на которого до образования комитетов освобождения возлагалось решение и исполнение самых неотложных дел. Аналогично возникла власть народа и в Шавникском уезде, где первоначально она была представлена Народным судом [19], учрежденным 22 июля 1941 г. для решения вопросов о конфискации имущества и денег, захваченных отдельными лицами, а также для осуждения лиц, оказывавших сопротивление восстанию.

Таким образом, в 6 из 11 уездов Черногории в июльские дни восстания 1941 г. были созданы и около месяца функционировали первые в Югославии уездные, общинные и сельские органы народной власти — НОК.



Размах и массовость восстания, образование свободных территорий значительных размеров, появление созданных народом органов власти, возникновение уездных воинских подразделений и частей, интересы развития и распространения борьбы против оккупантов на другие районы требовали объединения всех сил и средств. В то время руководство боевыми действиями повстанцев, созданием органов власти и народного войска осуществляли краевой комитет КПЮ и Временное верховное командование народно-освободительных войск Черногории. НОЖ на местах необходимо было объединить единым руководством — высшим политическим органом власти в Черногории. С этой целью по инициативе Черногорского краевого комитета КПЮ 2 августа 1941 г. в г. Беране была проведена конференция делегатов Андриевичкого, Белопольского, Беранского и Колашинского уездов. 40 делегатов (по 10 от каждого уезда) представляли органы новой власти, общественные организации и народное войско. Конференция рассмотрела политическую обстановку в Черногории и приняла решение «образовать Верховную народно-освободительную управу (ВНОУ) как высший орган политической власти на освобожденной территории с местом пребывания в г. Колашине»<sup>2</sup> [20, с. 294]. В нее вошли по 2 представителя от каждого уезда. Конференция постановила продолжать народно-освободительную борьбу и с этой целью провести мобилизацию всех сил, подчинить ее интересам политическую деятельность всех органов и организаций. На ВНОУ как краевой политический орган возлагалась разработка программ и платформы деятельности народной власти. Однако документы о ее работе не найдены. Очевидно, наступление оккупационных войск помешало ей приступить к работе. Партийные комитеты, органы власти и военное командование занялись организацией отпора врагу.

Не выдержав натиска превосходящих сил итальянских оккупационных войск и их албанских пособников (общей численностью около 100 тыс. человек), освободительные силы были вынуждены отступить. Основную часть территории Черногории к середине августа вновь заняли оккупанты, уничтожая и грабя имущество жителей, сжигая города и села, расстреливая и угоняя граждан в концентрационные лагеря. Часть НОЖ перестала существовать, другая вместе с организациями КПЮ ушла в подполье. Со второй половины августа 1941 г. в народно-освободительном движении в Черногории временно наступил некоторый спад.

Что показало июльское восстание 1941 г. и последовавшие за ним события в Черногории? В начальный период борьбы восстание черногорского народа, как и всех югославских народов против немецких и итальянских захватчиков и их пособников, носило национально-освободительный характер. Проблема захвата власти на первый план не выдвигалась. Вместе с тем это не означало отхода КПЮ от своей программы достижения конечной цели — пролетарской революции. Быстрый переход от вооруженных выступлений отдельных отрядов к всеобщему вооруженному восстанию, освобождение значительных территорий и почти всех городов Черногории, интересы дальнейшей борьбы с захватчиками, необходимость управления народными массами и налаживания нормальной жизни населения требовали организации новой власти. Успехи восстания в Черногории, деятельность органов народной власти в то трудное время показали, что свободный народ может и умеет управлять своей освобожденной территорией. Уже тогда возникла тенденция ограничить грубую эксплуатацию, наемный труд и существование за чужой счет, велась борьба со шпионажем, против кровной мести, за равноправие женщин с мужчинами.

Временный, в конце лета — начале осени 1941 г., спад народно-освободительной борьбы в Черногории не означал поражения НОЖ в этом крае Югославии. Имело место лишь отступление повстанцев в горные районы края, перегруппировка и консолидация их сил, пересмотр тактики боевых действий. Под руководством Черногорского краевого комитета КПЮ

<sup>2</sup> Отметим попутно, что Главный народно-освободительный комитет Сербии был создан в Ужице 17 ноября 1941 г.

была проведена реорганизация вооруженных сил. Временное верховное командование народно-освободительных войск было преобразовано в Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов (НОПО) Черногории. Поредившие подразделения и отряды были пополнены свежими силами, укреплены командным и политическим составом. Повсюду в Черногории вновь развернулась борьба против фашистских оккупантов. Вновь образовались свободные территории, где под руководством местных партийных организаций возрождались сельские, общинные и уездные НОК.

Особенностью нового момента было то, что лица, ранее принадлежавшие к различным партиям, могли быть избраны в органы народной власти только при условии, если они активно участвуют в антифашистской освободительной войне или помогают освободительному движению. В создавшейся обстановке в Черногории началась также работа по созданию подпольных органов народной власти на еще не освобожденных территориях.

Важной вехой в становлении и развитии народной власти в Югославии явилось совещание руководства ЦК КПЮ и НОД Югославии, проведенное в местечке Столицы (Западная Сербия) 26 сентября 1941 г., в котором приняли участие представители руководства освободительным движением большинства национальных земель и командиры крупных партизанских отрядов, действовавших в Сербии. На совещании был рассмотрен вопрос о необходимости расширения социальной базы восстания, о широкой представительности НОК как единственных носителей власти на освобожденных территориях. Орган ЦК КПЮ газета «Борба» в октябре 1941 г. опубликовала статью, в которой разъяснялось, что НОК не должны быть органами какой-либо одной партии (в том числе КПЮ) или организации, что они не должны быть подчинены штабам НОПО. Предусматривалось создание органов народной власти снизу доверху — от сельских до краевых НОК. Последние должны были объединить всю систему комитетов края и руководить ими. В сущности, это была инструкция по организации комитетов как органов народной власти.

Несмотря на то, что в конце ноября 1941 г. врагу удалось ликвидировать «Ужицкую республику», что НОД на территории Сербии переживало спад, борьба против оккупантов продолжалась и развивалась в Черногории, Боснии и Герцеговине, в других районах Югославии. Этому способствовал поворот событий на советско-германском фронте, где Красная Армия громила отборные гитлеровские дивизии. Контрнаступление советских войск под Москвой в конце 1941 — начале 1942 гг. вызвало энтузиазм и подъем у черногорских партизан, активизировало антифашистскую освободительную борьбу в Югославии, укрепило веру народа в совместную окончательную победу над фашизмом.

Вместе с тем обстановка в крае в начале 1942 г. вновь стала обостряться. Теперь наряду с националистами и сепаратистами в Черногории появилось антинародное, антикоммунистическое, четническое движение. Объявленные югославским эмигрантским правительством «королевской армией на родине» четники фактически при содействии немецких и итальянских оккупантов стремились ослабить, а затем и уничтожить НОД Югославии, восстановить в стране довоенные порядки. При этом они пользовались всесторонней поддержкой английского правительства, снабжавшего их вооружением, боеприпасами, деньгами. Организовавшись и добившись при покровительстве оккупантов успехов в Сербии, четники усилили свое влияние в Черногории. Опираясь на великосербские элементы, на часть бывших югославских офицеров, они стали и здесь создавать свои формирования, и в начале 1942 г. перешли в наступление на позиции НОПО Черногории. При этом четники ловко использовали в своих целях любые упущения руководства НОД Черногории. К тому же они спекулировали на традиционной любви черногорцев к России и ее народу, к Советскому Союзу: имея за спиной эмигрантское правительство Югославии, поддерживавшее дипломатические отношения с Советским Союзом, четническая организация пыталась изобразить себя союзником СССР.

В целях закрепления достигнутых успехов, удержания освобожденных территорий, объединения, укрепления и дальнейшего развития всей системы народной власти в Черногории, обеспечения единства народа в дальнейшей борьбе с оккупантами и их пособниками 8 февраля 1942 г. по инициативе краевого комитета КПЮ Черногории и Боки Которской в монастыре Остроге состоялось собрание делегатов (65 человек), представлявших население всех уездов Черногории. Это были члены КПЮ, лица, в прошлом принадлежавшие к левому крылу отдельных партий и групп довоенной Югославии, и демократически настроенные беспартийные политические деятели (рабочие, крестьяне, бывшие студенты, служащие различных профессий). Все они были сторонниками освободительной борьбы. Собрание конституировалось в Скупщину Черногории и Боки Которской и по месту его проведения получило название Острожской скупщины.

Скупщина рассмотрела три вопроса: народно-освободительная борьба в Черногории и проблемы ее развития; народно-освободительные партизанские отряды — вооруженная сила народа; создание Народно-освободительного комитета Черногории [21; 22; 8, т. III, кн. 2, с. 134—139, 147—149, 164—169].

В докладах и выступлениях делегатов были раскрыты состояние и задачи НОД в борьбе против вражеских сил в Черногории, подведены итоги за истекший период. Успех борьбы за свободу и независимость участники Скупщины связывали с борьбой народов Советского Союза, что нашло отражение в принятом ею Обращении к черногорскому народу [21].

Важнейшим на повестке дня Скупщины был вопрос о дальнейшем строительстве народной власти. Острожская скупщина образовала НОК Черногории из 22 человек, в состав которого вошли представители всех уездов Черногории, и определила его задачи: «Организация, строительство и объединение народно-освободительных комитетов (сельских, общинных и уездных); поднять их до уровня подлинно народных органов власти, сделать их основным центром тыловой организации, возглавить и вести самую решительную борьбу против голода и голодной смерти, с помощью которой враг хочет уморить народ; мобилизовывать народ на борьбу против пятой колонны» [8, т. III, кн. 2, с. 138].

С созданием Краевого народно-освободительного комитета Черногории предполагалось краевой комитет КПЮ и Главный штаб НОПО Черногории освободить от непосредственного руководства органами народной власти.

Скупщина приняла программный документ — Обращение к народу, в котором была дана оценка обстановки и определены задачи НОД Черногории: единство народа, установление более тесных и прочных связей и сотрудничества с народами Сербии, Хорватии и других национальных земель Югославии, укрепление партизанских отрядов, продолжение борьбы против оккупантов и пятой колонны, установление власти народа. В Обращении указывалось на связь борьбы черногорского народа с борьбой Советского Союза и его Красной Армии: «Наш долг вести борьбу и непрерывной борьбой не допускать, чтобы из нашей страны или через нашу страну хоть один вражеский солдат ушел на Восточный фронт» [8, т. III, кн. 2, с. 139]. Победы Красной Армии зимой 1941—1942 гг. предвещали победу над фашизмом, подчеркивалось в Обращении. Обращение представляло собой политическую платформу, программный документ НОД Черногории. Острожская скупщина и ее решения явились важной вехой в истории освободительной борьбы черногорского народа.

На первом заседании Краевой НОК Черногории избрал Исполнительный комитет из 3 человек как свой постоянно действующий орган. Исполком вскоре принял два документа: Информацию органам народной власти и населению о проведении Скупщины, о создании Краевого НОК Черногории и других ее решениях (11 февраля) и Инструкцию о работе сельских, общинных и уездных НОК (16 февраля).

Первым документом определялись задачи НОК. Во втором документе комитетам разъяснялось, что следует им предпринять для активизации хозяйственной жизни, оказания материальной помощи беднякам и бежен-

цам, как разрешать различные споры, тяжбы и т. д. Таким образом было завершено организационное объединение системы народной власти в крае, осуществлены идеи, заложенные в ВНОУ, созданной в августе 1941 г.

В начале февраля 1942 г. Верховным штабом НОПО Югославии в г. Фоче были приняты два важных документа: «Задачи и устройство народно-освободительных комитетов» и «Инструкция о работе народно-освободительных комитетов в освобожденных районах». Они известны как Фочинские положения — первые общегославские нормативные документы по созданию органов народной власти. Фочинские положения отразили требования совещания в Столицах, опыт деятельности органов народной власти в различных краях Югославии и явились кодификацией известных к тому времени правил, инструкций, установок о них. При этом было учтен и использован опыт НОК Черногории. В частности, было отражено содержание Инструкции по созданию органов народной власти, принятой Временным верховным командованием народно-освободительных войск Черногории 22 июля 1941 г.

Однако следует иметь в виду, что если Фочинские положения предусматривали создание временных органов народной власти до уровня уезда, то Острожская скупщина пошла дальше — она реально создала орган власти национальной земли — НОК Черногории. Вместе с тем Фочинские положения и решения органов власти Черногории в своей основе не противоречили друг другу. Значение их заключается в том, что они ориентировали народные массы на дальнейшую борьбу против фашистских оккупантов и их пособников, на расширение свободных территорий, на становление новых и укрепление уже существовавших органов власти, на братство и единство народов во имя победы над врагами.

Выполняя решения Острожской скупщины, Краевого НОК Черногории и его Исполкома, партийное руководство, военное командование и НОК на местах, несмотря на начавшееся сокращение свободных территорий, продолжали свою деятельность и выполнили определенную работу. Однако решить все намеченные задачи им не удалось. Оккупационные войска и четники развернули боевые действия в широких масштабах, продолжавшиеся всю зиму, и партизанам пришлось летом 1942 г. отступить в Боснию, куда еще раньше переместились освободительные силы из Сербии и некоторых других районов Югославии [23].

В то тяжелое время патриоты Черногории, Боки и Санджака провели 16 июня 1942 г. в Тьентиште конференцию, принявшую резолюцию, в которой разоблачались предательские действия четников во главе с Д. Михайловичем, сотрудничавшим не только с марионеткой фашистской Германии в Сербии — Недичем, но и непосредственно с немецкими и итальянскими оккупантами в борьбе против освободительных партизанских сил [8, т. III, кн. 4, с. 364—373]. Радиостанция «Свободная Югославия», с ноября 1941 г. вещавшая с территории Советского Союза, 6 и 7 июля, а Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) 19 июля 1942 г. распространили текст этой резолюции [24]. Содержание ее стало известно в нейтральных и союзных странах, было опубликовано прессой компартий Швеции и США, стало достоянием славянской эмиграции. Эта важная информация получила широкий международный резонанс и вызвала большое беспокойство, нервозность и замешательство у югославского эмигрантского правительства и его покровителей в Лондоне и Вашингтоне. Распространив текст указанной резолюции, Советский Союз сорвал маску с четнического движения, показал предательство Д. Михайловича, развеял миф о нем и этим оказал югославским патриотам большую моральную и политическую помощь.

Отступление освободительных сил из Черногории не означало ликвидацию НОД в этой земле Югославии. Руководство движением, партийные органы, НОК были реорганизованы, перестроили свою работу и вновь ушли в подполье. Часть освободительных сил также была реорганизована и оставлена в тылу врага для продолжения боевых действий в Черногории.

Благодаря стойкости и героизму народов Югославии, его освободительных сил планы оккупантов, усташей (хорватская военно-фашистская организация) и четников в 1942 г. были сорваны. На советско-германском фронте Красная Армия уничтожала отборные немецкие дивизии. Героизм, стойкость и упорное сопротивление Красной Армии на всех фронтах, особенно под Ленинградом, Москвой и Сталинградом, сорвали все стратегические планы нацистской Германии. Это воодушевляло югославских партизан.

К концу 1942 г. была освобождена  $\frac{1}{3}$  территории Югославии, около 50 тыс. км<sup>2</sup>. Наряду с существовавшими возникали новые органы народной власти. В директиве о проведении выборов в ЦОК и об образовании военно-тыловых властей Верховный штаб ЦОПОЮ в сентябре 1942 г. указал, что комитеты являются основой будущей народной власти и рекомендовал больше не выдвигать формулу об их временном характере. К тому времени прилив в НОД значительно увеличился, росла численность бригад, партизанских отрядов. В ноябре 1942 г. Верховный штаб принял решение о создании Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), были сформированы первые дивизии и корпуса.

В связи с образованием больших свободных территорий, расширением и углублением революционно-демократических преобразований возникла потребность в создании общеполитического центрального органа, который бы взял на себя руководство НОК и объединил их, руководил ими и официально представлял НОД в Югославии и за рубежом. 26—27 ноября 1942 г. в г. Бихач (Босния) состоялось учредительное собрание, в работе которого приняли участие 54 делегата, представлявшие большинство национальных земель Югославии. Собрание создало Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) — «общенациональное и общепартийное политическое представительство народно-освободительной борьбы в Югославии» [25, с. 62].

Первая сессия АВНОЮ констатировала, что НОК «стали органами народно-демократической власти и утвердили себя как выразители единства и воли народов к освобождению от фашистского ига» [25, с. 64]. Сессия избрала Исполнительный комитет АВНОЮ, который должен был руководить работой всех ЦОК в стране, координировать их деятельность. В работе Первой сессии АВНОЮ приняли участие 20 делегатов, представлявших черногорский народ. Это были рабочие, крестьяне, служащие разных профессий. Некоторые из делегатов от Черногории были избраны в руководящие органы АВНОЮ и в состав Исполкома.

Таким образом, в 1942 г. югославское НОД добилось значительных успехов в военной и политической областях: были освобождены значительные территории, развернулось формирование народно-освободительной армии, было создано АВНОЮ. Дальнейшему подъему народно-освободительной войны летом 1943 г. способствовали разгром Советскими Вооруженными Силами гитлеровских армий на Волге и на Курской дуге, успехи союзных войск в Средиземноморье, капитуляция 8 сентября 1943 г. Италии.

В сентябре 1943 г. войска НОАЮ разоружили основные силы итальянских войск в Югославии, нанесли ощутимые удары четникам и почти полностью освободили Черногорию. Усилился приток людей в партизанские отряды, создавались новые бригады. На территории Черногории был сформирован 2-й ударный корпус НОАЮ. В селах, общинах и уездах были воссозданы НОК. Теперь они стали постоянными органами народной власти. Возобновили легальную деятельность и общественные антифашистские организации. НОК по-прежнему обеспечивали народное войско продовольствием, одеждой, обувью, помогали транспортировать раненых и больных бойцов, переносили и перевозили оружие, боеприпасы, организовывали население на работы по ремонту дорог, восстановлению разрушенных и сожженных домов и построек, мелких предприятий (мельниц, лесопилен, электростанций), налаживали связь и взаимопомощь среди населения, оказывали посильную и разностороннюю помощь семьям погибших и борющихся воинов, неимущим семьям, больным, престарелым гражданам

и беженцам. НОК тесно взаимодействовали с тыловыми военными властями, которые являлись связующим звеном между комитетами и народно-освободительными вооруженными силами.

Первая сессия АВНОЮ рекомендовала представителям национальных земель рассмотреть вопрос о создании в них политических представительств народно-освободительной борьбы, т. е. органов, подобных АВНОЮ. В июне 1943 г. такой орган был создан в Хорватии, в октябре — в Словении, в ноябре — в Боснии и Герцеговине.

В начале октября 1943 г. руководством Черногорского краевого комитета КПЮ был образован Организационный комитет по созыву собрания народных представителей от всех черногорских уездов. 15 ноября 1943 г. 538 представителей черногорского народа, избранных демократическим путем, собрался в «партизанской столице» Черногории г. Колашине. Собрание конституировалось в Скупщину, которая рассмотрела военную и политическую обстановку в стране и состояние НОД в Черногории, приняла резолюцию, в которой провозглашалось создание Земельного антифашистского веча народного освобождения Черногории и Боки (ЗАВНО Черногории и Боки), положение о его устройстве и Обращение к черногорскому народу. ЗАВНО Черногории и Боки провозглашалось высшим политическим представительством НОД черногорского народа и включало в себя 118 делегатов. Скупщина также избрала Исполнительный комитет в составе председателя, его 3 заместителей, 7 членов и 22 представителей (по 1 делегату и его заместителю) от всех 11 уездов Черногории для участия в работе Второй сессии АВНОЮ [26; 27].

26 ноября 1943 г. Исполком утвердил Положение по организации и работе НОК, отразившее опыт и достижения народной власти за прошедший период освободительной войны не только в Черногории, но и в других национальных землях — Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Вече Черногории и Боки явилось зародышем высшего законодательного и исполнительного органа власти в рождавшейся в ходе освободительной войны новой народной, демократической Черногории, как одной из федеральных единиц федеративной Югославии. Скупщина, создавая ЗАВНО Черногории и Боки, вошла в историю как его Первая сессия. Первая сессия ЗАВНО Черногории и Боки решительно высказалась против возвращения к старому режиму и права югославского эмигрантского правительства представлять перед кем бы то ни было черногорский народ.

29—30 ноября 1943 г. в г. Яйце (Босния) состоялась Вторая сессия АВНОЮ, которая конституировалась «как верховный законодательный и исполнительный орган Югославии, являющийся высшим выражением суверенитета народа и представляющий государство Югославию как единое целое» [28, с. 97]. Был учрежден Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) в качестве высшего исполнительного и административного органа власти, предназначенного для выполнения функций народного правительства [28, с. 97, 199]. На сессии были определены основы строительства новой Югославии. Указывалось, что «Югославия строится и будет построена на федеративном принципе, который обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, т. е. народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины» [28, с. 103]. В работе Второй сессии АВНОЮ приняло участие 36 делегатов Черногории. Ряд представителей черногорского народа был избран в руководящие органы АВНОЮ и НКОЮ.

Закладывая основы нового федеративного государства, югославские коммунисты руководствовались ленинским учением по национальному вопросу и о советском федерализме, творчески применили в условиях своей страны опыт строительства советского многонационального государства.

В феврале 1944 г. в Колашине состоялась Вторая сессия ЗАВНО Черногории и Боки. Она одобрила решения Второй сессии АВНОЮ, рассмотрела политическую обстановку в Черногории, заслушала отчет о работе Исполкома за 3 месяца его деятельности и утвердила Инструкцию о функциях уездных НОК. Было констатировано, что на всей освобожден-

ной территории Черногории народная власть укрепляет связь с массами и тыловыми военными органами, осуществляет мобилизацию всех ресурсов для борьбы с врагами, содействует формированию новых бригад и отрядов [29].

13—16 июля 1944 г., в дни третьей годовщины вооруженного восстания черногорского народа против фашистских оккупантов, в Колашине состоялась историческая Третья сессия ЗАВНО Черногории и Боки. В ее работе принял участие 151 делегат из всех уездов Черногории [29, с. 293—295]. Участники сессии заслушали и обсудили доклад «Равноправная Черногория в свободной демократической федеративной Югославии» и приняли ряд решений. Сессия одобрила деятельность ЗАВНО Черногории и Боки и его Исполкома за истекший период; переименовала Вече в Черногорскую антифашистскую скупщину народного освобождения (ЧАСНО); провозгласила ЧАСНО высшим законодательным и исполнительным органом власти, носителем суверенитета народа и находящимся в процессе становления черногорского государства в составе демократической федеративной Югославии; приняла Положение о работе Скупщины, учредила и избрала Президиум ЧАСНО из 15 членов, который в период между сессиями был призван исполнять функции высшего органа власти; учредила Национальный комитет освобождения Черногории (НКОЧ) и определила его структуру. По сравнению с Исполкомом он был расширен и состоял из 6 управлений и 12 отделов. В сущности, НКОЧ представлял собой высший исполнительный и административный орган власти в Черногории [30; 31].

Сессия приняла: постановление, которым НОК, доказавшие в предыдущие годы народно-освободительной борьбы и народной революции свою жизненную силу как единственные, а теперь и постоянные органы народной власти, были узаконены; постановление об организации народных судов, не зависимых от органов управления; декларацию о правах и обязанностях граждан Черногории, провозглашавшую единство граждан, равноправие мужчин и женщин, свободу слова, печати, собраний и объединений, право участвовать в выборах по достижении 18-летнего возраста [30; 31]. В работе сессии приняли участие ряд руководителей Компартии и НОД Югославии<sup>3</sup>.

Третья сессия ЧАСНО фактически заложила основы возрождения Черногорской государственности, народной, демократической Черногории как равноправного члена рождавшейся югославской федерации.

В те дни произошло еще одно знаменательное событие в жизни черногорского народа. Вслед за окончанием сессии ЧАСНО открылась Учредительная конференция Народно-освободительного фронта Черногории и Боки. Ее делегатами были участники Третьей сессии ЧАСНО. Конференция провозгласила создание народно-освободительного фронта (НОФ) Черногории и Боки как единой общенационально-политической организации, задачей которой было дальнейшее объединение народных масс на платформе НОД [32].

После победоносного завершения Белградской операции, осуществленной войсками Красной Армии и НОАЮ при участии войск болгарской армии, открылись благоприятные возможности для полного освобождения Югославии. 31 декабря 1944 г. Черногория была освобождена. С освобождением Черногории началось восстановление разрушенного войной хозяйства: путей сообщений, промышленных объектов, школ, больниц и т. д. Под руководством партийных организаций и органов народной власти создавались организации коллективного труда, возник кооперативный сектор, развивалась взаимопомощь среди населения. Органы народной власти брали в свои руки управление предприятиями и другим недвижимым имуществом, принадлежавшим лицам, сотрудничавшим с оккупантами, бежавшими из страны. Это были первые шаги в приобретении опыта

<sup>3</sup> Автор этой статьи в период подготовки сессии выполнял поручения ее организаторов, а во время ее работы присутствовал на заседаниях и находился в распоряжении рабочего органа сессии.

руководства предприятиями, переходившими в общественную собственность.

После образования 7 марта 1945 г. Временного правительства Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) 15 апреля 1945 г. в г. Цетинье состоялась очередная Четвертая сессия ЧАСНО. В ее работе приняли участие представители всех уездов Черногории. Сессия Скупщины приняла исторические решения, которые явились важным этапом в строительстве Черногорской государственности в братском союзе югославских народов; закон о преобразовании ЧАСНО в Черногорскую народную скупщину (ЧНС) — высший орган государственной власти и единственный законодательный орган Черногории, закон о преобразовании народно-освободительных комитетов в народные комитеты и о создании уездных народных Скупщин. Сессия учредила Президиум ЧНС, в который было избрано 13 человек, а также приняла закон об учреждении Народного правительства как высшего исполнительного и распорядительного органа Черногории, состав которого назначает Президиум ЧНС. Была установлена ответственность и подотчетность правительства Скупщине, а в период между заседаниями — ее Президиуму. В те же дни было сформировано первое народное правительство Черногории, а также приняты законы: об Учредительной скупщине, об избирательном праве и выборах народных депутатов в Учредительную скупщину, о собраниях и объединениях трудящихся, о судах и наказаниях за преступления против государства [30; 32; 33].

Так постепенно, в течение 4 лет, с оружием в руках, под руководством краевого комитета КПЮ в Черногории создавались, развивались и совершенствовались органы народной власти будущей республики — от Верховной народно-освободительной управы, созданной в августе 1941 г., и до Черногорской народной скупщины, образованной в апреле 1945 г..

С провозглашением Югославии Федеративной Народной Республикой 29 ноября 1945 г. Черногория стала одной из ее 6 равноправных союзных республик. Борьба черногорского народа за демократию, свободу и независимость, за возрождение национальной государственности и подлинного суверенитета окончательно завершилась. Положение и суверенные права Народной Республики Черногории как равноправного члена федерации были закреплены Конституцией Федеративной Народной Республики Югославии (январь 1946 г.) и Конституцией Народной Республики Черногории (декабрь 1946 г.)

Анализ материалов и документов о строительстве новой, народной власти в Черногории с июля 1941 г. до принятия Конституции показывает, что НОК, действуя под руководством компартии, явились той формой политической организации общества, которая составила основу строя народной демократии, открывавшего путь к переходу к построению социализма.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачев М. С. Бессмертный подвиг советского народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 8 мая 1985 г. — Коммунист, 1985, № 8.
2. Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960; Белградская операция. М., 1964; Ратников А. Н., Завьялов В. И. Югославская Народная армия. М., 1966; Ратников А. Н. В борьбе с фашизмом. О совместных боевых действиях советских и югославских войск в годы второй мировой войны. М., 1974; Севьян Д. А. Из истории Союза коммунистов Югославии 1919—1945. М., 1982; Гиренко Ю. С. Советско-югославские отношения. М., 1983.
3. Славин Г. М. Освободительная война в Югославии 1941—1945. М., 1965.
4. История Югославии. М., 1963.
5. Писарев Ю. А. Образование югославского государства. М., 1975, с. 352.
6. Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968, с. 337.
7. Могаба Р. К. Р. Jugoslavije u stvaranju narodnoy fronta u oslobođilačkom ratu i revoluciji 1941—1945. — In: Narodni front i komunisti 1938—1945 g. Beograd — Prag — Warszawa, 1958.
8. Сборник документов и податка о народно-ослободилачком рату југословенских народа. Београд, 1953.



9. *Станишић М.* Тринаестојулски устанак — јединствен феномен II свјетског рата. — Историјски записи (далеко — ИЗ). Год XXIV, књ. XXVIII, св. 1—2. Титоград, 1971, с. 21—57.
10. Документи историје омладинског покрета Југославије. Т. I, књ. II, 1941—1942.
11. *Стругар В.* Југославија в огне войны 1941—1945. М., 1985.
12. *Ђуретић В.* Зета у црногорском устанку 1941. године. — ИЗ. Год. XXIV, књ. XXVIII, св. 1—2. Титоград, 1971, с. 103—122.
13. *Миљанић Г.* Неки проблеми руковођења народно-ослободилачком борбом у Црној Гори у првој половини рата. — ИЗ, год. XXIV, књ. XXVIII, св. 1—2. Титоград, 1971, с. 127—154.
14. *Боричић Р.* Прво ослобођење Берана и формирање првог народног одбора (јула 1941 године.) Иванград, 1959.
15. *Вулесич М.* Народзене влади трудящих. — Прапор комунизму, 1981, 21 VII.
16. *Вулесич М.* Становление народной власти в Югославии. — Радњанске право, 1983, № 12.
17. *Лакић З.* Инструкција Народни-ослободилачког комитета Црне Горе и Боке и фанчански документи. — ИЗ, год. XXXI, књ. XXXVII, св. 4. Титоград, 1978, с. 103—116.
18. *Васовић М.* Народна власт у Андријевичком срезу јула 1941 годин. — ИЗ, год. XXIV, књ. XXVIII, св. 1—2. Титоград, 1971, с. 95—102.
19. *Стругар В.* Појава народно-ослободилачких одбора. — ИЗ, год. XXVII, књ. XXXI, св. 3—4. Титоград, 1974, с. 243—260.
20. *Боричић Р.* Конференција делегата среских народно-ослободилачких одбора у Беранама од 2 августа 1941 године. — ИЗ, год. XXI, књ. XXV, св. 2. Титоград, 1968.
21. *Вујовић Д.* Остројска скупштина. — ИЗ, год. XX, књ. XXIV, св. 2. Титоград, 1967, с. 115—145.
22. *Ђуровић М.* Остројска скупштина. Четрдесет година. Зборник сјећења. Књ. VII, 1941—1945. Београд, 1961.
23. *Лековић М.* Значај Скупштине родољуба Црне Горе, Боке и Санџака, одржане 16 јуна 1942 године у Тјеншишту у борби за разобличавање Д. Михаиловића у светској јавности и за међународну афирмацију НОПа — ИЗ, год. XIX, књ. XXIII, св. 4, Титоград, 1966, с. 725—745.
24. *Гибанский Л. Я., Зеленик В. В.* СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945). — Советское славяноведение, 1970, № 6.
25. Прво и Друго заседање АВНОЈа. Загреб. 1963.
26. *Лакић З.* Вијећници Првог и другог заседања АВНОЈа из Црне Горе. — ИЗ, год. XXI, књ. XXV, св. 4. Титоград, 1968, с. 639—647.
27. *Живковић Д.* Стварале Земањског антифашистичког вијећа народног ослобођења Црне Горе и Боке. — ИЗ, год. XXI, књ. XXV, св. 4. Титоград, 1968, с. 517—527.
28. Конституција и основне законотворне акте ФНРЈУ. М., 1956.
29. Земањско антифашистичко веће народног ослобођења Црне Горе и Боке. — Збирка документа. Титоград, 1963.
30. ЦАСНО — Црногорска антифашистичка скупштина народног ослобођења 1944—1945 гг. — Збирка докумената. Титоград, 1975.
31. *Лакић З.* Реферат Вељка Зековића на III заседању ЦАСНО јула 1944 године. — ИЗ, год. XXXIII, књ. XLIII, св. 1. Титоград, 1980, с. 83—101.
32. *Лакић З.* Дјелатност органа народне власти у Црној Гори у јесен 1944 г. и зиму 1945 године. — ИЗ, год. XXVI, књ. XXXI, св. 3—4. Титоград, 1974, с. 261—314.
33. *Лакић З.* Основне карактеристике развоја народне власти у Црној Гори 1941—1945 гг. — ИЗ, год. XXX, књ. XXXIV, св. 1. Титоград, 1977, с. 129—139.



## ЧЕШСКИЙ МОТИВ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «НЕСЧАСТНАЯ»

Исследователи неоднократно отмечали, что в повестях и рассказах И. С. Тургенева, созданных в 1867—1870 гг., образы, прочно связанные с русским бытом, имеют «непосредственное отношение к наблюдениям... над жизнью современной Европы» [1]. Это характерно и для повести «Несчастливая», в которой среди главных действующих лиц присутствует проживший в России более тридцати лет чех Иван Демьяныч Ратч. В научной литературе образ Ратча рассматривается в контексте русско-чешских литературных взаимосвязей как одно из проявлений внимания русской литературы XIX в. к чешской теме [2]. Нас он интересует с точки зрения более частного вопроса об отношении И. С. Тургенева к Чехии в 1860-е годы.

Правомерность постановки проблемы «Тургенев и Чехия» была подтверждена разысканиями советских и чешских ученых [3—7]. В процессе этой работы проявилась специфика проблемы и обозначился основной подход к ее решению. По поводу отношения И. С. Тургенева к Чехии — ее людям, культуре, общественной жизни и истории — А. П. Соловьева справедливо заметила, что «материал здесь крайне ограничен и не лежит „на поверхности“» [5, с. 327], указав тем самым на необходимость аналитического изучения скудных источников, сохранных для нас временем. Анализ, как нам представляется, дает возможность расширить и круг сведений, привлекаемых для освещения вопроса об особенностях интереса И. С. Тургенева к Чехии.

Благодаря кропотливому труду многих исследователей мы располагаем сейчас хроникой чешских контактов писателя. Известно, что его знакомство с Прагой произошло в 1858 г., когда он посетил знаменитого в ту пору поэта и филолога В. Ганку; что в 1862 г. он познакомился в Париже с участником революции 1848 г. в Чехии, поэтом и публицистом И. В. Фричем; что в 1873, 1874 и 1875 гг. И. С. Тургенев посещал курорт Карловы Вары; что 14 декабря 1875 г. в связи с сорокалетием творческой деятельности он был избран почетным членом общества «Умелецка беседа» и что в конце жизни он вел оживленную переписку с И. Пенижеком, переводившим его произведения на чешский язык. Как видим, на период с 1863 по 1873 г. в этой летописи приходится пробел. Между тем, в 1869 г. была опубликована повесть «Несчастливая», которая не привлекалась еще в качестве литературного документа при изучении проблемы «Тургенев и Чехия».

В «Несчастной» И. С. Тургенев разрабатывал сложную тему социальной адаптации личности. Героиня повести Сусанна — незаконнорожденная, дочь знатного русского барина. Утратив последнюю надежду на счастье, брошенная женихом, она не примиряется с обстоятельствами и гибнет. Интерпретируя замысел «Несчастной», В. Я. Брюсов писал о Сусанне: «...не надо представлять ее себе сильной, способной бороться; ее сила — в противодействии, в способности не покориться; это пассивная,

не активная сила; судьба во всех отношениях была немилостива к ней, но она из всех испытаний вынесла свою душу светлой и чистой. Она не героиня — она несчастная; в этом мораль и смысл повести» [8]. Сюжет произведения И. С. Тургенева строится на параллельной основе: линия Сусанны развивается одновременно с линией ее отца Ивана Демьяныча Ратча, который ненавидит свою падчерицу и всячески ее унижает, особенно после смерти первой жены. В противостоянии активно действующему Ратчу выявляются душевные силы героини и твердость ее моральных принципов. Противоположность характеров Сусанны и Ратча раскрывается благодаря тому, что первоначально эти персонажи находятся в сопоставимой ситуации: Сусанна — еврейка по материнской линии, Ратч — чех, она — незаконнорожденная, и ее материальное положение полностью зависит от милости родственников отца, он — не имеет ни сословных привилегий, ни богатства. К моменту трагической развязки Ратч, проявивший желание приспособиться к условиям жизни в царской России, получает чин надворного советника и с ним права потомственного дворянства, становится домовладельцем и состоятельным человеком, а Сусанна, не принявшая оскорбляющих человеческое достоинство сторон действительности, оказывается на грани самоубийства.

Историки русской литературы, внимательно изучавшие «Несчастную», обоснованно видят в Ратче явление, инородное для России, по характерное для ее официальной идеологии [9], «собирательный тип авантюриста-дельца, перебравшегося в Россию с целью наживы» [10]. Необходимо возразить, однако, против абсолютизации этих наблюдений и утверждения о том, что выбор национальности для Ратча не играл существенной роли в замысле повести. В связи с обещанием писателя, данным своему немецкому корреспонденту Ю. Шмидту, — «резче выдвинуть чешское происхождение Ратча» [11, VIII, 1964, с. 141] — авторитетный исследователь творчества И. С. Тургенева Л. М. Лотман пишет: «Однако никаких доволнительных указаний на чешское происхождение Ратча Тургенев в последующих изданиях в текст повести не внес. Ссылка на народную этимологию („немец“ — всякий иностранец, говорящий на непонятном языке) в данном случае была не убедительна, так как не только рыбный торговец, но и главный герой повести Фустов выражал мысль о немецком происхождении Ратча (...). Теряя самообладание, Ратч начинает говорить с немецким акцентом (...). Все эти детали не были уничтожены при переиздании повести» [10]. Л. М. Лотман допускает в данном случае неточность. Словам Фустова о том, что Ратч — немец, предшествует фраза: «Одни языки ему (Фустову. — В. З.) не дались: даже по-французски он изъяснялся довольно плохо» [12, с. 74]. Эта реплика рассказчика «Несчастной» Петра Гавриловича объясняет причину ошибки Фустова, который, слабо владея немецким языком, не заметил, что фамилия «Ратч» звучит не по-немецки. Главное все же не в словах Петра Гавриловича, хотя они очень важны, а в том, что «немецкие черты» Ратча, о которых говорит Л. М. Лотман, очень точно указывают на его принадлежность к состоятельной части населения Праги и к чешской интеллигенции конца XVIII — начала XIX в.

В 1871 г. немецкий язык был провозглашен общегосударственным языком Австрийской империи. Обучение в землях Чешского королевства, кроме «тривиальных школ» грамотности, в соответствии с императорским патентом велось только на немецком языке. За годы учебы студенты-чехи отвыкали от родной речи. Богатые пражане, стремясь отделиться от «простонародья», говорившего по-чешски, и в быту предпочитали пользоваться немецким языком. На рубеже XVIII—XIX вв. даже патриотически настроенные чешские ученые вынуждены были писать свои апологии родного языка по-немецки или на латыни, потому что не владели чешской письменной речью [13, с. 142]. Ратч, по его собственным словам, родился в Праге; он учился, что требовало больших затрат денежных средств, и получил образование, позволившее ему занять место преподавателя в русском кадетском корпусе. Поэтому он мог вовсе не знать чешского языка, но с детства должен был говорить по-немецки. Русский читатель конца

1860-х годов, когда чешский вопрос, германизаторская политика Австрийской империи и перипетии чешского национально-освободительного движения подробно освещались в периодической печати, не испытывал необходимости в столь подробных разъяснениях, и неудивительно, что И. С. Тургенев воздержался от них в повести.

Выбор национальности для Ратча нельзя объяснить следованием фактам биографии Эмилии Гебель — прототипа Сусанны. Эмилия, как и Сусанна, жила в доме неродного отца, о чем говорится в письме И. В. Станкевича к Я. Н. Неверову [14]. Гебель, фамилию которого носила Эмилия, был известным в России музыкантом, а потому его имя попало в энциклопедии. В них сообщается, что он происходил из немецкой семьи и в Праге до переезда в Москву никогда не жил. Стремясь отыскать прототипы для образа Ратча, Л. М. Лотман обратила внимание на то, что «некоторые стороны биографии и характера Ратча напоминают Грета и Булгарина» [10]. Это замечание справедливо, если иметь в виду поведение Ратча — фискала по натуре и из расчета, но оно не имеет отношения к вопросу о национальности персонажа повести: Греч был по рождению немцем, а Булгарин — ополченным шляхтичем. Вопрос о подходе И. С. Тургенева к выбору национального происхождения для Ратча несколько проясняется, если учесть, что в процессе работы над «Несчастной» писатель пересмотрел план, по которому мать Сусанны «была русская, дочь почтмейстера» [12, с. 330], не сообразуясь с тем, что было известно о национальности Эмилии Гебель. Поэтому правомерно предположить, что, изображая Ратча чехом, И. С. Тургенев тоже не связывал себя биографией какого-либо лица, но руководствовался прежде всего идейно-художественным замыслом произведения. Последний же сформировался в пору, когда ход событий в Чехии привлек к себе пристальное внимание современников в России и Западной Европе.

Работа над «Несчастной» была начата весной и завершена осенью 1868 г., который был отмечен необычайным подъемом чешского национально-освободительного движения. Уличные демонстрации в Праге против централистского министерства Гербста — в январе; начало многолюдных «таборов» и закладка фундамента Национального театра — в мае; празднование семидесятилетия политического деятеля, историка и философа Ф. Палацкого — в июне; паломничества в Констанц, где был сожжен Ян Гус, и на Белую гору, которая в 1620 г. стала местом гибели армии чешских протестантских сословий, — в июле; введение в октябре месяце (рукопись «Несчастной» тогда уже была готова к печати) осажденного положения в Праге и ее окрестностях — события, вызвавшие живой интерес за пределами Чехии. В научной литературе о творчестве И. С. Тургенева и в комментариях к академическому «Полному собранию сочинений и писем» не было обращено внимания также и на то, что повесть создавалась через год после Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда 1867 г., ставших объектом полемики в печати. Особо острую дискуссию вызвало тогда поведение чешской делегации, поскольку «Палацкий, Ригер и другие политики поехали на этнографическую выставку в Россию, чтобы показать австрийскому правительству, что его политика бросает их в объятия панславизма» [15].

В такой ситуации появление чешской темы в произведении И. С. Тургенева было вполне закономерным. Оно находится в соответствии с характерным для писателя стремлением откликаться на животрепещущие вопросы современности. Актуальность повести не ослаблялась тем, что время описываемого действия отнесено к тогда уже „давнему“ 1835 г.: «в „Несчастной“, как и в других „повестях о старине“, И. С. Тургенев изображал русскую жизнь, „воспринимая прошлое глазами человека 1860—1870-х годов и оценивая его с точки зрения современных проблем“» [16]. Среди них был и вопрос о панславизме, громко заявившем о себе на Славянском съезде 1867 г. В настоящее время «панславизм» означает идею объединения славянских народов под главенством русского царя, существовавшую в конце XVIII — начале XX в., и националистическую идеологию и соответствовавшее ей политическое течение в среде русского дворян-

ства и буржуазии во второй половине XIX — начале XX в. [17]. Термин «панславизм» появился в 1830—1840-е годы, когда еще не сформировались обозначаемые им идеология и политическое течение [18]. Поэтому неудивительно, что в «Несчастной», где речь идет о частной жизни людей 1830-х годов, ни разу не встречается это новое для политического лексикона слово.

Как идея панславизм зародился в среде чешских патриотов еще в XVIII в. И. С. Тургенев, как нам кажется, в известной мере пародировал его, представив в повести подданным русского царя не чеха-патриота, а онемеченного чешского мещанина, который в угоду славянофильству своих господ «проникается» чувством национального достоинства («...я чех, и родина моя — древняя Прага!» [12, с. 76]), — говорит о себе Ратч. В то же время писатель иронизировал над русским панславизмом 1860-х годов, принявшим триаду православия, самодержавия и народности и выступавшим за создание общеславянского государства с единым языком — русским. Ратч изображен в «Несчастной» носителем идей православия, самодержавия и народности в области бытового сознания, не обрусевшим, а руссифицировавшимся чехом («...у него то и дело вырываются выражения, подобные тем, которыми испещрены все ультранародные стихотворения князя Вяземского...» [12, с. 82]). Действительно, Иван Демьяныч Ратч, будучи лютеранином, крестился «истово, совершенно как православный» [12, с. 152]; помещик, у которого он служил управляющим, с полным на то правом назвал его «мой Аракчеев» [12, с. 122]; наконец, Ратч сам рекомендует своему новому знакомому Петру Гавриловичу «русским по духу» [12, с. 77] и в то же время с гордостью сообщает о своем чешском происхождении [12, с. 76].

Национализм панславистов в 1830-е годы еще не оформился в четко выраженную идеологию, но тенденция к нему уже существовала. И. С. Тургенев отметил ее и осудил в короткой реплике Петра Гавриловича: «Ах, Александр! Заметил ты, с какой он (Ратч. — В. З.) особенной насмешкой отозвался при ней (Сусанне. — В. З.) о жидках? Разве она еврейка?» [12, с. 85]. Ирония писателя над панславизмом, который не поименован в повести, станет понятной, если учесть особенности морального облика Ратча. Только «скверный, на все гадости способный, хитрый и наглый человек», который «жаден до денег до чрезвычайности» [12, с. 332], смог уложиться в мерки, заданные политическими идеалами панславистов. Поскольку в 1835 г., к которому относится время действия «Несчастной», панславизма в понимании 60-х годов еще не было, то Петр Гаврилович справедливо называет Ратча «странным человеком» [12, с. 77] и сравнивает его речь с языком книги «В дороге и дома. Собрание стихотворений князя П. А. Вяземского», изданной в 1862 г. Видя в Иване Демьяныче Ратче «воплощение» в миниатюре идей панславизма XVIII — первой половины XIX в. и «предтечу» идеологии русского панславизма 1860-х годов, мы склонны считать, что в «Несчастной» И. С. Тургенев вел полемику с этим политическим течением. Выбор чешской национальности для Ратча можно, на наш взгляд, объяснить тем, что идея объединения славян под властью русского царя получила особое распространение в Чехии, где ход событий 1868 г. достаточно ясно показал беспочвенность панславистских иллюзий.

В пользу высказанных нами предположений говорит уничтожающая критика, которой писатель подверг действия на Славянском съезде 1867 г. идеолога панславизма М. П. Погодина («...Погодин так лихо вывертывает па с гармошкой под осеняющей десницей Филарета» [11, VI, 1963, с. 260]). Тургеневская оценка деятельности Славянского съезда — «всеславянская пляска с присядкой» [11, VI, 1963, с. 260], «всеславянское фанданго с кастанетками» [11, VI, 1963, с. 258] — страдала односторонностью. Авторы академической «Истории Чехословакии» отмечают, в частности, что «участие чешских буржуазных деятелей в Славянском съезде 1867 г. способствовало установлению культурных и научных связей чешского народа с представителями других славянских народов и в первую очередь с представителями русского народа» [19]. Однозначно негативная оценка

Славянского съезда говорит о степени непримиримости И. С. Тургенева к панславистам, стремившимся задавать тон на заседаниях этого форума.

Чешская делегация, как известно, выступила на Славянском съезде 1867 г. против нивелирующих тенденций русского панславизма, который представлял себе решение славянского вопроса таким образом, что Россия должна была не только политически объединить всех славян, но и русифицировать их в национальном и культурном отношениях. Между проявившимся в письмах И. С. Тургенева и в его повести «Несчастная» неприятием панславистской доктрины и критикой ее со стороны старочехов существовало принципиальное различие. Чешская делегация расходилась с панславизмом в одном пункте, тогда как И. С. Тургенев отвергал это политическое учение в целом. Поэтому в «Научном словаре», который редактировал старочех Ф. Ригер, статья о творчестве великого русского писателя содержала вздорное обвинение в «отрицании русской и славянской жизни как таковой» [20] и давала крайне необъективную характеристику «Несчастной» (анонимный критик ссылался именно на эту повесть и на роман «Дым», «обосновывая» свою инвективу). По раздраженному тону статьи, опубликованной через три года после выхода в свет «Несчастной», можно судить о силе удара, нанесенного И. С. Тургеневым по позициям панславистов, чьи взгляды в определенной мере разделяли и старочехи.

Соблазнительно видеть в изображении Ратча продолжение многолетней полемики писателя-западника со славянофилами. Несомненно, что чуждый идеализации «славянской души» образ Ратча и выпад в адрес кн. П. А. Вяземского [12, с. 82] задевали славянофилов. Однако в письмах к Н. В. Анненкову и И. П. Борисову И. С. Тургенев выступил против приписывания ему нападок на славянофилов в «Несчастной» и даже просил поместить по этому поводу опровержение в «С.-Петербургских ведомостях» [11, VII, 1964, с. 239]. Очевидное, на первый взгляд, противоречие между письмами и текстом произведения оказывается мнимым при допущении, что, прося опубликовать упомянутое опровержение, писатель стремился к тому, чтобы интерпретация повести только как антиславянофильской не создала ложного представления о ее замысле, не сузила последнего в глазах читателей. По этой же причине мы не намерены сводить все идейное содержание повести и к антипанславистской направленности.

Среди обвинений, выдвинутых анонимным старочешским критиком в статье «Научного словаря», было и такое — живя долгое время на Западе, И. С. Тургенев не знает славянского мира, о котором он пишет. Оставим на совести критика сделанные им натяжки (значительная часть «Несчастной», например, была создана летом 1868 г. в Спасском) и, обойдя вопрос об источниках, которыми пользовался автор повести в процессе своей работы, обратимся к вопросу о типичности характера Ивана Демьяныча для чешского общества XIX в. «Что касается Ратча в „Несчастной“, то он ведь уже по одному имени чех» [11, VIII, 1964, с. 462], — подчеркивал И. С. Тургенев в письме к Ю. Шмидту. Поиски типичного имени, которое бы ясно указывало на национальное происхождение персонажа, оказались довольно сложными. И. С. Тургенев несколько раз менял написание фамилии Ратча — Ratsch, Прач, Ратч. Отказ от использования чешской фамилии «Прач» был продиктован, видимо, несколькими мотивами. Возможно, что писатель не хотел создавать ассоциаций с именем Иоганна Готфрида Прача, чье «Собрание русских народных песен с их голосами», положенное на музыку И. Прачем, было очень популярно в России и неоднократно переиздавалось. К тому же И. С. Тургенев избегал «говорящих» имен, а «град» по-чешски означает «драчун, забияка, задира». Что же касается фамилии «Ратч», то она одновременно свидетельствовала и о национальности, и об опсеченности ее носителя, не замечающего искажения чешского слова. Увлечение Ратча музыкой — «Какой же я был бы в противном случае богемец, чех сиречь?» [12, с. 76] — также типичная черта, свойственная на рубеже XVIII—XIX вв. жителям чешских городов и сел. Пристрастие к пению и игре на музыкальных инструментах было особенно распространено тогда в Праге. Об этом написал яркие страницы

в романе «Ф. Л. Век» (1888—1906) А. Ирасек, специально изучавший чешскую бытовую и духовную культуру эпохи «будительства».

В плане «Несчастной» И. С. Тургенев изложил историю становления характера Ратча довольно подробно: «Ратч И. Д. (Johann Dietrich Ratsch) родился в Праге от довольно зажиточных родителей, но закутил, был в университете на все руки, а в 1800 г. был вывезен в Россию князем Голицыным в качестве не то камердинера, не то секретаря» [12, с. 332]. В повести о том же самом сказано гораздо короче: Ратча «чуть ли не в тысяча восемьсот втором году какой-то князь из-за границы вывез... в качестве секретаря... скорее полагать надо, камердинера» [12, с. 77]. Столь лаконичное замечание говорило читателю о моральном облике Ратча не меньше, чем развернутая запись в плане. У Фустова, которому принадлежит процитированные выше слова, есть основания не доверять Ратчу, когда тот утверждает, что был секретарем у князя, поскольку не служив ни в русской армии, ни в ополчении, он повсюду представляется «ветераном двенадцатого года» [12, с. 76]. Человеку же с образовавшим, даже если он не окончил университетского курса, нужно было не просто обеднеть, но чем-то скомпрометировать себя или опуститься достаточно низко, чтобы в начале XIX в. стать камердинером, т. е. слугой. О внимании, с которым писатель отнесся к изображению молодости Ратча, говорит и другая деталь. В первоначальном плане Ратч значится католиком, в «Несчастной» — он лютеранин. В 1781 г. Иосифом II был издан «Толерантный патент», по которому подданным Австрийской империи предоставлялась свобода избирать лютеранское, кальвинистское и православное вероисповедание, либо оставаться католиками. Многие чехи порвали тогда с насильственно навязанным им католицизмом и приняли либо лютеранство, либо кальвинизм, потому что возвращение к чешским разновидностям протестантизма патент не допускал. Разрыв с католицизмом требовал известного гражданского мужества: католическим большинством он воспринимался как вероотступничество и вызывал яростную травлю тех, кто менял вероисповедание [13, с. 132]. Таким образом, в повесть вошла и незаметная для нашего современника, но выразительная черта, характеризующая родителей Ратча.

Иностранец-авантюрист, преследующий сугубо личные цели, был типичной фигурой русской действительности первой половины XIX в. Однако такая фигура была типична и для стран Западной Европы, производившей авантюристов, тех, кто ехал в Россию «на ловлю счастья и чинов». Жизнь Ратча до его появления в России, очерченная всего в нескольких фразах им самим и Фустовым, дает исторически точную картину формирования характера авантюриста, способного к мимикрии. Корыстолюбие побуждает его приравливаться ко всем власть имущим, к любой политической ситуации. Ратч свободно говорит по-немецки, делает ошибки в идиоматических выражениях, когда пользуется русским языком, в его речи мелькают польские фразы, но он не произносит ни одного чешского слова. Незнание чешского разговорного языка показывает, что в годы юности он не пользовался языком своих предков и в быту. О времени, которое Ратч провел в Праге, современница И. С. Тургенева чешская писательница Каролина Светлая заметила: «Если и в наши дни, anno domini 1858, чешское слово, произнесенное в высоких и высших кругах, считается либо бунтарством, либо бестактностью, то полстолетия тому назад такой поступок сочли бы либо проявлением грубости, либо оскорблением всех присутствующих» [21]. Отношение Ратча к чешскому языку было свойственно той части пражского мещанства, которая приспособилась к норме, принятой в высшем обществе, и не являлось сугубо индивидуальным свойством характера.

Мимикрия Ратча получила дальнейшее развитие в России и наглядно проявилась в выборе имен, которые он дал своим детям. Будучи на службе у знатного барина Ивана Матвевича Колтовского, поклонника французских энциклопедистов, он назвал своего сына Виктором; находясь при младшем брате Ивана Матвевича — Семене Матвевиче Колтовском, он стал подобно своему патрону «русским патриотом» [12, с. 121] и дал своим детям, как он считает, русские имена — «Коля, Оля, Сашка да Машка» [12, с. 79]; двой-

ню же, родившуюся в пору, когда произошла «встреча московских славянофилов с петербургским славянофильством Николая» [22, IX, 1958, с. 137], окрестил Брячеславом и Вячеславом [12, с. 158]. Выбор имен двойни — дань славянофильской моде: св. Вацлав считался покровителем чешской земли, а имя Брячеслав существовало в древности на Руси. Здесь не лишне обратить внимание на то, что в начале XIX в. чешские «будители» избирали для себя значащие имена-девизы. О таком «крещении», происходящем в 1811 г., рассказывает патер Циглер в романе А. Ирасека «Ф. Л. Век»: «Нас, „новокрещенцев“, уже немало, это мой почин. Я сам Либослав, Полак — Милота, патер Краль — Мировит. Патрчка тоже принял патриотическое имя, он Силорад, потому что он увлекается физикой (...). Главное, это чтобы каждый патриот показал таким путем свои убеждения (...). Надо показать миру, что в нас, чехах, живет национальная гордость» [23]. Ратч не руководствовался такими высокими целями, когда давал имена своим младшим сыновьям, и И. С. Тургенев высмеял «простяка, русака» [12, с. 77], нарекшего сына крайне устарелым именем «Брячеслав» (в рукописи повести писатель заменил «Ростислав» словом «Брячеслав» [12, с. 365]).

Реалистический метод творчества И. С. Тургенева позволяет сделать вывод о том, что писатель видел в Ратче представителя типа, существовавшего в чешском мещанстве XIX в. Точка зрения И. С. Тургенева в данном случае совпадала со взглядом А. И. Герцена, который писал, что австрийская монархия «употребляла два столетия на систематическое забивание всего независимого и национального в Чехии и добилась того, что аристократическая помещь и часть мещан сделались немцами, а народ остался чешским» [22, X, II полутом, 1959, с. 5]. Иван Демьяныч Ратч принадлежал именно к тем чешским мещанам, которые «сделались немцами» и готовы были стать кем угодно ради своего благополучия. И. С. Тургенев не прослеживает в «Несчастной» моральную деградацию представленного им типа мещанина, но он дал для размышлений о нем знакомому с чешской историей читателю: родители Ратча еще сохраняли твердость в вопросах веры — их сын беспринципен во всем.

Тип онемеченного мещанина неоднократно становился объектом сатирического изображения в чешской литературе XIX в. Социальная мимикрия была типична для состоятельной части чешского мещанства, о чем свидетельствует созданное С. Чехом «Повое эпохальное путешествие папа Броучека на этот раз в пятнадцатое столетие» (1888). В романе чешского писателя один из таборитов, подводя итог авантюрам пражского домовладельца Матея Броучека, под влиянием алкоголя «чудесным образом» перенесшегося из XIX в. в XV в., говорит: «...этот мерзавец в течение нескольких минут превратился из немца и католика в чеха и гусита, затем из пражанина в таборита и бог знает в кого еще может превратиться и заслуживает смерти хотя бы за эту бесстыдную, трусливую ложь» [24]. Основной вывод, который сделал, пробудившись в кадке для сбора дождевой воды, недостойный потомок славных предков, состоял в том, что не следует рисковать собой из-за убеждений. Отдавая должное оригинальности произведения С. Чеха, нельзя не признать прозорливости И. С. Тургенева, раскрывшего в 1860-е годы сущность того типа чешского мещанина, к которому принадлежит Матей Броучек.

В свете отношения И. С. Тургенева к панславизму яснее становятся некоторые моменты в развитии контактов автора «Несчастной» с деятелями чешской культуры. В 1860-е годы, когда радикализировались общественно-политические взгляды писателя, среди его чешских знакомых появляется демократ Й. В. Фрич, о котором И. С. Тургенев отзывался с большой теплотой. Острая критика славянофильства в романе «Дым» усилила симпатии к его автору со стороны либеральной и радикально настроенной части чешской интеллигенции. В то же время «Дым» и «Несчастная» создали непроходимую преграду между И. С. Тургеневым и консерваторами-староцепами: у писателя не было ни встреч, ни переписки ни с одним из представителей этой партии. Столь же показательным, что предложение избрать И. С. Тургенева почетным членом общества «Умелецка беседа» исходило



от Й. Барака, либерального журналиста, контактировавшего с Й. В. Фричем [25], и что к кругу либералов принадлежал переводчик Й. Пенижек.

Зная сочувственное отношение великого русского писателя к национально-освободительной борьбе славянских народов, легко предположить, что неприятие панславизма не означало для него отрицания идеи славянской общности. Действительно, положительное отношение к ней И. С. Тургенева нашло прямое выражение в ответе на письмо Й. Барака от 10 января 1876 г.: «Спешу взяться за перо, чтобы от всего сердца поблагодарить вас за высокую честь, которой вы меня удостоили (имеется в виду избрание писателя почетным членом общества „Умелецка беседа“. — В. З.) и которая тем особенно мне дорога, что она служит выражением и доказательством духовной связи, обнимающей все славянские народности и долженствующей, посредством обмена мыслей и чувств, принести со временем прекрасные и благотворные плоды» (Цит. по: [26]).

Принято считать, что посещение Праги, встречи с В. Ганкой и Й. Фричем не нашли отражения в творчестве И. С. Тургенева. Это справедливо лишь постольку, поскольку речь идет о прямом и непосредственном выражении жизненного опыта в художественных произведениях писателя. Столь же несомненно и то, что живые впечатления от пребывания в Праге и сведения, полученные из бесед с В. Ганкой и Й. В. Фричем, сказались во время работы над повестью «Несчастная». Отсутствие в плане ее указаний относительно конкретного лица, явившегося прототипом Ратча (для остальных героев прототипы были названы писателем), вовсе не означало, что Ратч — плод одного лишь творческого воображения создателя повести. «Я никогда не мог творить из головы, — говорил И. С. Тургенев. — Мне для того, чтобы вывести какое-нибудь вымышленное лицо, необходимо избрать себе живого человека, который бы служил мне как бы руководящей нитью. Оттого-то я никогда и не брался за исторический роман» [27]. То, что И. С. Тургенев не назвал имени какого-то одного человека, послужившего толчком к созданию образа Ратча, говорит в пользу предположения, что характер этого персонажа был результатом более сложного, чем обычно опосредования увиденного.

Суммируя наблюдения над развитием чешской темы в «Несчастной» можно, как нам думается, утверждать, что в 1860-е годы, когда у И. С. Тургенева не было прямых связей с деятелями чешской культуры, он не утратил интереса к Чехии и чешскому вопросу. Изображение «пражского периода» жизни Ратча свидетельствует о том, что И. С. Тургенев был знаком не только с жизнью современной ему Чехии, но и серьезно интересовался историей этой страны. Сатирический пафос, присутствующий в изображении Ратча, был следствием не предубежденности западника, а результатом внимательного изучения социальной ситуации, сложившейся в Чехии.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Измайлов Н. В.* Вводная статья. — В кн.: И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах. Т. X. М. — Л., 1965, с. 418.
2. *Ровда К. И.* Чехи и русские в их литературных взаимосвязях (50—60-е годы XIX в.). Л., 1968, с. 16.
3. *Измайлов Н. В.* Тургенев, Вацлав Ганка и Йозеф Фрич. — В кн.: И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Орел, 1960.
4. *Назарова Л. Н.* Тургенев в Карлсбаде. — В кн.: Тургеневский сборник. Т. II. М. — Л., 1966.
5. *Соловьева А. И.* И. С. Тургенев и чешско-русские связи 60—80-х годов XIX в. — В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII — начало XX в.). М., 1968.
6. *Dolanský J.* Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1950.
7. *Parolek R.* Vilém Mrštík a ruská literatura. — In: Acta Univ. Carolinae. Philologica. Monographia 5. Praha, 1964.
8. Брюсов о Тургеневе. (Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова). — В кн.: Тургенев и его современники. Л., 1977, с. 185.
9. *Муратов А. Б.* Повести и рассказы И. С. Тургенева 1867—1871 гг. Л., 1980, с. 153.
10. *Лотман Л. М.* Примечания. — В кн.: Тургенев И. С. Полное собрание сочинений

- ний и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах. Т. X. М.—Л., 1965, с. 462.
11. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах. М.—Л.
  12. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах. Т. X. М.—Л., 1965.
  13. *Koší J.* České národní obrození. Praha, 1978.
  14. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914, с. 245—248.
  15. *Dějiny CSSR.* Praha, 1954, s. 193.
  16. *Шаталов С. Е.* Художественный мир И. С. Тургенева. М., 1979, с. 268—269.
  17. Советский энциклопедический словарь. М., 1980, с. 974.
  18. *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пашгерманизм» и «панславизм». — В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 68—69.
  19. История Чехословакии в трех томах. Т. II. М., 1959, с. 96.
  20. *Slovník naučný.* Red F. L. Rieger. Sv. 9. Praha, 1872, s. 657.
  21. *Světla K.* První Češka. Z roku 1861. Praha, 1975, s. 132.
  22. *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. М.
  23. *Ирасек А.* Сочинения в восьми томах. Т. 6, второй полутом. М.
  24. *Чех С.* Избранное. М., 1954, с. 550.
  25. *Záček J. Josef Václav Frič.* Praha, 1979, s. 244.
  26. *Неупокова И. Г.* Незвестные автографы писем Тургенева. — Вопросы литературы, 1961, № 1, с. 210.
  27. *Островская Н. Я.* Воспоминания о Тургеневе. — В кн.: Тургеневский сборник. Петроград, 1925, с. 94.



СИМОНОВА И. А.

## О ВЗАИМОСВЯЗИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА С ИДЕОЛОГИЕЙ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО ОБЩЕСТВА. Ф. В. ЧИЖОВ И КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВЦЫ

В 40-е годы XIX в. в России сложилась ситуация, в которой отразился процесс дальнейшего разложения крепостнической системы и зарождения новых черт, характерных для буржуазной эпохи. Наблюдаемый в это время в стране рост национального самосознания с присущим ему критическим восприятием окружающей действительности, интересом к прошлому своего народа и верой в его призвание в будущем был сродни тому, который переживают все народы в эпоху становления буржуазных отношений; он стал одним из побудительных мотивов возникновения славянофильского кружка в Москве и Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве. При всем своеобразии и характерных особенностях славянофильства и идеологии Кирилло-Мефодиевского общества между ними прослеживается определенная связь.

Собственно вопрос о родстве взглядов славянофилов и кирилло-мефодиевцев ни в дореволюционной историографии, ни в советской исторической литературе специально не ставился, хотя история Кирилло-Мефодиевского общества и характеристика воззрений его членов получила в разное время достаточно широкое освещение [1]. Лишь С. А. Никитин в рецензии на книгу П. А. Зайончковского, посвященную Кирилло-Мефодиевскому обществу, высказал сожаление, что автор монографии обошел молчанием проблему взаимоотношений идеологии общества со славянофильством, и указал на существование как личных контактов между деятелями обоих идейных течений, так и на известную роль славянофильской теории в выработке кирилло-мефодиевцами собственных представлений о ранних периодах истории славян и русском языке как общеславянском [2]. О влиянии славянофильства на буржуазно-либеральную часть кирилло-мефодиевцев упоминается также в учебнике «История СССР (XIX — начало XX в.)» под редакцией И. А. Федосова [3]. Близость идеологии Кирилло-Мефодиевского общества к славянофильству становится наиболее очевидной на примере изучения взглядов и деятельности привлекавшегося по делу кирилло-мефодиевцев славянофила Федора Васильевича Чижова.

В России интерес к зарубежным славянам возник в середине XVIII в. [4, с. 7; 5]. Уже в первые десятилетия XIX в., по мере накопления сведений о южных и западных славянах, усиливается понимание общеславянских исторических и культурных связей, делаются неоднократные попытки определить роль славян в мировой истории. Начинают усиленно изучаться их языки, литература, история, этнография, право, фольклор. К концу первой половины XIX в. в землях южных и западных славян побывало немало русских путешественников и ученых-славистов. Среди них был и профессор математики Петербургского университета Федор Васильевич Чижов, впоследствии известный общественный деятель, публицист, искусствовед, крупный предприниматель и финансист.

Изучая духовную жизнь зарубежных славян, обнаруживая на конкретных примерах родство их культурных традиций, Чижев вскоре исподволь заинтересовался вопросами политического бытия славянских народов в землях, находившихся в составе габсбургской и османской монархий. Факты притеснения славян со стороны австрийских и турецких властей, встречи с политическими и общественными деятелями славянского возрождения («будителями») и простым народом заставили Чижева увлечься славянским национально-освободительным движением и порой принимать в нем самое непосредственное участие. «Я всею душою отдался славянскому вопросу; в славянстве видел зарю грядущего периода истории; в нем чаял перерождения человечества», — писал он впоследствии [6, к. 3, д. 5, л. 105]. Убеждения, близкие к славянофильским, развившиеся у Чижева самостоятельным путем, привели его в начале 1846 г. в кружок московских славянофилов.

После кратковременного редактирования И. В. Киреевским погодинского журнала «Москвитинин», Чижев взял на себя инициативу издания первого собственно славянофильского печатного органа. Вместе с Н. М. Языковым он задумал выпускать с 1848 г. еженедельный журнал «русского направления» «Русский вестник», в котором собирался делать обзоры литератур всех славянских народов и печатать отрывки из своих дневников о путешествиях по славянским землям [7, с. 256].

Осенью 1846 г. Чижев вновь отправился за границу — в земли южных славян, с целью вербовки корреспондентов для будущего журнала [7, с. 251]. «В своем путешествии, — вспоминал И. С. Аксаков, — как-то удалось ему помочь черногорцам выгрузить оружие на Далматском берегу. Это обстоятельство, а равно и посещение им австрийских славян, вызвало донос на него австрийского правительства русскому» [8, с. 10]. Последним по времени было агентурное допесение из Бреслау (Вроцлав), полученное III отделением в конце 1846 г. через наместника Царства Польского. В нем приводилось смутившее агента простодушное объяснение Чижева, отчего он, дворянин, носит бороду: «...около Москвы много помещиков закупают бороды, дабы сблизиться с русскими купцами и крестьянами, . . . это для них очень нужно, дабы скорее уничтожить разницу между дворянством и низшим классом жителей» [9, ч. 15, л. 6].

Когда в начале 1847 г. на Украине было раскрыто тайное «Славянское общество святых Кирилла и Мефодия», ставившее целью создание конфедеративного союза всех славян на демократических началах наподобие Североамериканских Штатов, причастность Чижева к деятельности общества не вызвала у III отделения сомнений [9, ч. 1, л. 51]. Чижев неоднократно, с 1838 г., бывал на Украине и подолгу жил там (последний раз — во второй половине 1845 — начале 1846 г., когда создавалось тайное общество и шла активная работа по вербовке новых членов). В круг его украинских знакомых входило немало кирилло-мефодиевских «братчиков» (среди них были Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров, А. В. Маркевич, В. М. Белозерский, Н. И. Савич), которые знали про оппозиционные настроения, а также прославянские симпатии петербургского профессора и не могли не попытаться привлечь его в число своих сторонников. У шефа жандармов, начальника III отделения гр. А. Ф. Орлова были даже сведения, что на Чижева члены общества возлагали «особо большие надежды» [9, ч. 1, л. 144 об.].

Признанный, как ему казалось, быть апостолом всеславянства [6, к. 2, д. 2, л. 111], Чижев широко пропагандировал свои взгляды, не опасаясь навлечь на себя подозрения. Так, в 1845 г. по дороге из Киева в Секирицы, имение своего друга Г. П. Галагана, имя которого впоследствии также фигурировало в деле о кирилло-мефодиевцах [9, ч. 19, л. 120—121 об.], он записал в дневник: «Я успел пропустить мысль о славянстве во все слои общества — многие узнали, что есть славяне, и многие из таких, которые о том никогда не мыслили...» [6, к. 2, д. 2, л. 176 об.].

С тем, чтобы убедиться в неблагонамеренности Чижева, чиновниками III отделения были взяты свидетельские показания у знавших его лиц. Титулярный советник А. Галлер, бывший в 30-е годы студентом Петер-

бургского университета, подтвердил, что «Чижев всегда был в высшей степени либерал, как в политическом, так и в нравственном отношении» [9, ч. 15, л. 15]. П. А. Зайончковский в своей монографии писал, что непосредственным поводом для ареста Чижева послужили его письма, взятые при обыске у Н. И. Гулака, одного из организаторов и руководителей Кирилло-Мефодиевского общества [10, с. 115]. Но ни в деле Гулака, ни в деле Чижева таких писем не обнаружено, о них не упоминается и в материалах следствия.

III отделение направило в западные пограничные губернии Российской империи «весьма секретные отношения» с предписанием арестовать Чижева в числе двух других выехавших в 1846 г. за границу кирилло-мефодиевцев: П. И. Савича и П. А. Кулиша. При этом сообщалось, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил при возвращении означенных (лиц)... в Россию задержать их на самой границе, опечатать, не рассматривая на месте, все их бумаги и вещи и тотчас вместе с оными отправить в С.-Петербург в III-е отделение собственной Его Величества канцелярии» [11].

В середине мая 1847 г. возвращавшийся на родину Чижев был схвачен у таможенной заставы поджидавшими его там русскими полицейскими агентами и «в качестве опасного славянофила, со своей бородой» [12, с. 305] препровожден в Петербург. Подобно Н. И. Гулаку, Н. И. Костомарову, Т. Г. Шевченко, П. А. Кулишу, А. А. Навроцкому, Чижев упорно отрицал свое отношение к «преступному обществу», находившемуся к моменту ареста его членом лишь в стадии организационного оформления. Среди вещей Чижева не оказалось главных улик — кольца и образа во имя святых Кирилла и Мефодия [13, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 4129, л. 18об; 9, ч. 19, л. 113, 114]. На первом же допросе Чижев показал, что принадлежал к кружку московских славянофилов и в дальнейшем последовательно отстаивал это утверждение (см. письмо Ю. Ф. Самарина к А. С. Хомякову из Риги, 1847 г. [14, т. XII, 1911, с. 280]). Из близких друзей Чижева к следственному делу о кирилло-мефодиевцах был привлечен чиновник киевского генерал-губернатора Н. А. Ригельман, по мировоззрению славянофил [4, с. 292]. В 1843—1845 гг., путешествуя по славянским землям, он познакомился с видными деятелями чешского и словацкого национального возрождения: В. Ганкой, Л. Штуром, П. Шафариком, Я. Колларом, и в дальнейшем в письмах к ним из России употреблял, по словам перлюстраторов из III отделения, «сомнительные выражения о славянском развитии, о возвышении простого народа, о чувстве общего братства и равенства» [9, ч. 19, л. 162]. Чижев совместно с Ригельманом совершал поездки по землям южных славян, благодаря Ригельману он значительно расширил круг своих знакомств среди славян-учебных, писателей и политических деятелей [4, с. 292].

Центральное место во взглядах Ригельмана занимала идея о возвращении всех славян к единой православной вере и распространении среди них единого письменного языка — русского, как наиболее употребительного в славянском мире; по мнению Ригельмана, единение на религиозной и языковой основе в совокупности с «особой духовной организацией» славян обеспечит в будущем славянскому племени всемирно-историческую роль [6, к. 50, д. 3, л. 3].

Кроме Чижева Ригельман имел тесные контакты со всеми московскими славянофилами, особенно с А. Н. Поповым, П. С. Аксаковым и А. И. Кошелевым. Живя на «благословенной Украине» [6, к. 50, д. 3, л. 5], он часто приезжал к друзьям в Москву (последний раз был в Москве за год до ареста — в начале 1846 г., вместе с Чижевым [9, ч. 12, л. 7 об.]). В то же время Ригельман поддерживал связи с кирилло-мефодиевцами в Киеве (Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишом, А. В. Маркевичем, В. М. Белозерским, Т. Г. Шевченко) [9, ч. 12, л. 10, 11] и с позиций «славянофила киевского» [9, ч. 12, л. 13 об.] критиковал москвичей за забвение ими культурно-языковых интересов украинцев [6, к. 50, д. 4, л. 1—2 об.]. Значительную роль в грядущем единении славянских народов он отводил Киеву. Так, в одном из писем к Чижеву Ригельман подчеркивал: «Киев —

очень важное место в системе русского славянства; тут можно завязать и скрепить узел, соединяющий Восточную и Северную Русь с Южной и Западной» [6, к. 50, д. 3, л. 12 об.].

К следствию о Кирилло-Мефодиевском обществе Ригельман был привлечен после того, как у кирилло-мефодиевца П. А. Кулиша, командированного Академией наук за границу для изучения славянских языков, при аресте были отобраны данные ему Ригельманом рекомендательные письма к В. Ганке и Л. Штуру [9, ч. 12, л. 1]. Из писем следовало, что Кулиш, «известный своими замечательными заслугами в отношении к Украине», должен сообщить братьям-славянам на Западе «обстоятельные известия» о ходе славянского культурно-национального движения в России [15, с. 4]. С неудовольствием отмечая равнодушие отечественной журналистики (и как следствие — публики) к проблеме славянской взаимности, славянофилы и кирилло-мефодиевцы были объединены в это время общностью стоявших перед ними просветительских задач [15, с. 4, 180]. Большие надежды связывали они с изданием в Москве Чижовым первого «самостоятельного русско-славянского журнала» «Русский вестник». Кулиш, например, в ноябре 1846 г. дал Чижову согласие стать постоянным сотрудником журнала и передать в него для публикации свой роман «Черная рада» [9, ч. 5, л. 107 об.; ч. 15, л. 118]. От лица славянофилов и кирилло-мефодиевцев Ригельман писал Ганке и Штуру: «Известные вам доблестные качества издателя делают почти несомненными наши ожидания всего хорошего от этого издания. Это будет явление замечательное в нашей словесности, если только Чижову удастся исполнить его сообразно своим предположениям... Мы все просим наших западных братьев не отказывать ему в своем живом содействии» [15, с. 3, 4].

Остановимся теперь более подробно на том, какие конкретно положения славянофильской теории разделялись кирилло-мефодиевцами, что делало представителей этих двух направлений общественной мысли предреформенной России в определенной мере единомышленниками, и что их разъединяло, причем, о взглядах славянофилов, в ряде случаев довольно-разноречивых, будем судить в настоящей статье по высказываниям Чижова, отмечая при этом, насколько его точка зрения типична для остальных членов кружка. Необходимо при этом иметь в виду, что либерально-буржуазный демократизм Чижова, сближавший его с кирилло-мефодиевцами, объясняется в какой-то мере общностью их социального происхождения. Известно, что из членов Кирилло-Мефодиевского общества двое были выходцами из крестьян (Шевченко — из крепостных, Посяда — из государственных крестьян), Костомаров был сыном крепостной и помещика-крепостника, остальные принадлежали к семьям офицеров, разночинцев и к обедневшему дворянству, которое к тому времени уже целиком деклассировалось и входило в межклассовый слой интеллигенции. В свою очередь, Чижов, в отличие от подавляющего большинства славянофилов, не принадлежал к родовитому дворянству — ему было двенадцать лет, когда его отец, учитель Костромской гимназии, выходец из духовного сословия, за долголетнюю службу был произведен в коллежские асессоры и получил право на потомственное дворянство [6, к. 1, д. 3, л. 4 об.]. Социальное происхождение Чижова повлияло и на известную, по сравнению с другими славянофилами, радикализацию его взглядов.

Прежде всего славянофилов и кирилло-мефодиевцев объединяла вера в великую, спасительную для всего человечества будущность славян, обусловленную двумя исторически сложившимися факторами: извечным существованием общины («мира») и православной религией.

Община — краеугольный камень славянофильских теоретических построений. С ней связаны все их надежды на справедливое общественное устройство как славянских народов, так и всего человечества в целом. Подлинную демократию и особый нравственный климат видел Чижов «в составе „мира“ и мирской сходимости..., в поголовной подаче голосов старших в семье. ... в единогласном решении, не подчиненном случайности одного голоса при решении большинством...». «Круговая порука и общинность землевладения, держащая всю деревню в полном соединении», слу-

жила, по его мнению, гарантией против зла индивидуализма, разъедающего западную цивилизацию и высшие слои русского общества [6, к. 3, д. 5, л. 121]. Именно существованием в южнославянских землях крестьянской общины, схожей с русской, объясняется повышенный интерес к югославянам Чижова и других членов славянофильского кружка.

Схожим взгляд на общину был и у кирилло-мефодиевцев. Они считали, что будущее общество, в котором не будет угнетения и унижения человека человеком, должно вырасти из недр сельской общины; именно община, по их убеждению, содержит в себе ростки таких социально-политических установлений, которые в будущем обеспечат крестьян землей и позволят народу принимать деятельное участие в жизни общества (см. записку В. М. Белозерского, опубл. в [16]; также бумаги Г. Л. Андрузского [9, ч. 8, л. 201—209]; показания Н. И. Костомарова, опубл. в [17]).

По мнению славянофилов и кирилло-мефодиевцев, залог осуществления надежд на социальное равенство, основанное на общинном устройстве жизни, — в преобразующей силе духовного влияния славян, а именно — в «первозданной чистоте» и «соборном», религиозно-коллективном характере их православного вероисповедания. В одном из писем к художнику А. А. Иванову Чижов утверждал, что «революционные смуты на Западе неизбежно вызовут там духовный голод и нравственное «борение, которое должно решиться в пользу православия... Люди западные поймут, что ум человеческий» не высший судия в делах «человеческих и... обратятся к тому источнику, без которого трудно ждать улучшений, — к Церкви» [18, 1884, № 1, с. 419]. Соответственно в Уставе Кирилло-Мефодиевского общества под 4-м пунктом записано: «...правление, законодательство, право собственности и просвещение у всех славян должно основываться на святой религии Господа нашего Иисуса Христа» [10, с. 85]. Предполагалось склонять славян-католиков к употреблению славянского языка в богослужении [19, с. 39]. В план кирилло-мефодиевцев входила также задача разъяснения славянам-христианам неправославного исповедания и славянам-мусульманам «вопроса о первоначальном введении христианской веры у славян и доказать древнейшее исповедание ими веры греческой»; истинность православия заключается в «ее неискаженности, сохранившейся со времен апостольских, и духе любви, который в ней преобладает» [15, с. 179].

На общественно-политические взгляды славянофилов и кирилло-мефодиевцев определенное влияние оказали идеи, почерпнутые из социально-утопических учений Запада [20, с. 94, 95]. В частности, Чижов, как и кирилло-мефодиевские «братчики», увлекался в свое время нашумевшей в Европе брошюрой Ламенне «*Paroles d'un croyant*», ощущая настоящую «потребность в деятельном христианстве» [6, к. 2, д. 2, л. 204, к. 1, д. 3, л. 130об., 131; 10, с. 80, 81]. Евангельское учение о правде, справедливости и любви наполнялось при этом конкретным содержанием и соединялось со стремлением к национальному и социальному освобождению славян.

Знакомый с фурьеризмом и сен-симонизмом, Чижов видел главный недостаток этих теорий в том, что их авторы принимают во внимание лишь одну материальную сторону жизни человека [6, к. 2, д. 2, л. 207]. Тем не менее, он признавался на следствии: «Я видел и вижу, что настоящий порядок европейской нравственной, умственной, политической и гражданской жизни нисколько никого не удовлетворяет, ... что все системы Сен-Симона, Фурье и всех социалистов не прихоть, а необходимость как-нибудь выйти из того, что теснит» народы; эти социальные теории являются следствием «хода и устройства самой жизни» [9, ч. 15, л. 50]. Небезынтересно, что при аресте на границе у Чижова была найдена запрещенная в России книга Прудона [6, к. 3, д. 5, л. 102об.].

Славянофилы и кирилло-мефодиевцы изучали труды идеологов славянского возрождения: П. Шафарика, В. Ганки, Я. Коллара, Л. Штура, В. Караджича, А. Мицкевича и других, поддерживали с ними личные связи. Так, в 1845 г. в Пеште (Будапешт) Чижов по рекомендации Ригельмана посетил словацкого поэта и ученого Яна Коллара, автора кон-

цепции славянской взаимности. В беседах с Колларом у Чицова выявилось несоответствие взглядов по вопросу о необходимости единого вероисповедания у всех славян: «Коллар стал уговаривать меня быть проповедником терпимости и безразличия религий, — я возразил, что это у нас невозможно..., у нас проповедовать терпимость — значит брать противуславянскую сторону» [21, с. 252]. В гораздо большей степени общность взглядов на славянский мир и его будущее обнаружилась во время встречи Чицова в Пресбурге (Братислава) с известным словацким публицистом Людевитом Штуром, адрес которого сообщил Чицову все тот же Ригельман. «В Штуре, — писал Чицов, — я нашел самого даровитого и умного из всех... славянских писателей»; «Штур понимает славянство в современном его виде... Странно, что, идя совершенно иными путями в ходе мышления, воспитываясь под совершенно различными и обстоятельствами и влияниями, мы беспрестанно сходимся с ним на одних заключениях» [9, ч. 15, л. 95об.; 21, с. 253, 258]. Годом ранее, в 1844 г., в Париже, Чицов слушал лекции о славянстве Адама Мицкевича, сочинения которого навели Костомарова на мысль о написании на русском и украинском языках программного произведения кирилло-мефодиевцев «Закона Божьего» [19, с. 40]. Идею Мицкевича о необходимости взаимного сближения всех славянских народов и создания ими единого славянского федеративного государства Чицов разделил полностью. В то же время его смущал экзальтированно-болезненный мистицизм Мицкевича [18, 1884, № 1, с. 399]; притязание поэта на признание за поляками особой исключительности вызвало у Чицова решительный протест [6, к. 2, д. 2, л. 182, 203об.]. Чицов заинтересованно читал и конспектировал произведения «опального поляка», некоторое время состоял с ним в переписке [6, к. 2, д. 2; 9, ч. 19, л. 112]. Отправлявшийся за границу Кулиш взял у Чицова адрес Мицкевича, предполагая с ним встретиться в Париже. Впоследствии этот факт неоднократно фигурировал в материалах следствия [9, ч. 5, л. 50, 107, ч. 19, л. 38об., 63, 63об.], ибо имя Мицкевича, его деятельность, а также контакты с ним подданных Российской империи внушали III отделению опасения.

Применительно к бытию восточных славян членов Кирилло-Мефодиевского общества и славянофилов объединяло резко отрицательное отношение к современной им самодержавно-крепостнической действительности. Ход исторического развития России укладывался в гегелевскую триаду: тезис (допетровское прошлое России) — антитезис (послепетровское настоящее) — синтез (обновленное будущее, основанное на разумном диалектическом соединении «старого» и «нового»).

Объективно буржуазное требование уничтожения крепостного права было одним из главных в системе взглядов кирилло-мефодиевцев и славянофилов. Причем, последние подводили под него экономический базис, основанный на теоретическом анализе и собственных хозяйственных наблюдениях: «производительность труда находится в прямом отношении к свободе трудящегося» [14, т. II, 1878, с. 37]. Чицов писал: «Чем свободнее и шире будет у нашего народонаселения право переходить с одного места на другое, из городов в села, из сел в города, тем ровнее можно распределяться народному труду... Это — главное и могучее условие в развитии и умножении народного богатства» [22].

Учитывая запросы реальной жизни, славянофилы и кирилло-мефодиевцы выступали за отмену дворянских привилегий, ибо сословная структура общества, подтачиваемая новыми, буржуазными отношениями, все более приходила в противоречие с процессами социально-экономического развития страны. В программных документах кирилло-мефодиевцев «Книге Бытия, или Законе Божиим», «Уставе», а также «Главных правилах Общества» нашла отражение идея о всеобщем равенстве и свободе на основе ликвидации сословных преимуществ и льгот господствующего класса [10, с. 149, 153, 154; 23]. В будущем предполагалось существование лишь производительных сословий: крестьян, купечества, мещан, также признавалась необходимость существования духовенства [9, ч. 19, л. 42—42об.].



Об отношении Чижова к сословной структуре общества недвусмысленно говорят его дневниковые записи: «Неравное разделение имущества не может быть следствием предвечного порядка, или еще того менее, его последним определением. Как все устроится — нельзя вдруг понять, однако... мне кажется, что в славянском мире больше данных ко всеобщему равенству. Первое преобразование — и у нас должны полететь к черту все богатые... Только богатое сословие, по крайней мере, относительно богатое, пользуется всеми выгодами», «езде работающий класс народа в ужаснейшем угнетении. Неужели следующий, наш славянский период жизни не переменит нравственного состояния в мире?..». «Вся надежда в общем ходе истории» [6, к. 1, д. 5, л. 65, 182об., 183].

Социальному неравенству, разделившему народы на сословия высшие, правящие, и низшие, бесправные, противопоставлялось идеализированное прошлое славян, свободное от каких бы то ни было классовых противоречий. «Племя славянское, — читаем мы в „Законе Божием“ у кирилло-мефодиевцев, — еще до принятия веры Христовой, не имело ни царей, ни господ, и все были равны» (§ 61). И позднее, в средние века, «не любила Украина ни царя, ни пана и составила у себя казацтво...; и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собраниях и должны были служить всем...» (§ 76) [10, с. 11]. Беды Украины начались, по мнению кирилло-мефодиевцев, со времен Петра Великого, который насадил чуждые славянам европейские порядки. Так, в поэме «Сон» Шевченко резко критиковал деспотизм Петра, его враждебное отношение к свободолюбивому казачеству. С петровской эпохой связывали кирилло-мефодиевцы введение в России крепостного права, окончательно распространившегося на Украину при Екатерине II.

Представления славянофилов о донетровском прошлом восточных славян были также идеально гармоничны: между властью и народом на протяжении веков существовали хорошие, патриархальные отношения; «славяне смотрели на владение землею как на грех» [6, к. 2, д. 2, л. 207]; «негосударственный» русский народ не посягал на политические права и государственную власть [6, к. 2, д. 1, л. 48об.], а власть, в свою очередь, не вмешивалась в дела народа, но в необходимых случаях собирала земские соборы для выяснения мнения «земли». «Петр Великий разделил нас на два народа, — и дворянское сословие резко отделилось от остального», — писал Чижов [6, к. 2, д. 2, л. 178об.].

Недовольство славянофилов онемеченной правящей династией Романовых, засильем иностранцев в России, бюрократизмом и взяточничеством чиновников («немецкая семья два века безобразничает над народом, а народ все терпит», — записал Чижов однажды в своем дневнике [6, к. 3, д. 3, л. 117]) полностью отвечало аналогичным взглядам членов Кирилло-Мефодиевского общества: «Деспот-царь... не славянин, а немец, и чиновники у него немцы, оттого и дворяне... скоро переделываются в немцев или французов... И царствует деспот над тремя славянскими народами; правит ими посредством немцев, заражает, калечит добрую породу славянскую» [10, с. 159, 25]. Однако в критике самодержавно-крепостнического строя России кирилло-мефодиевцы шли дальше славянофилов, выдвигая требование уничтожения самодержавия. К ним по своим антимонархическим воззрениям примыкал Чижов, неоднократно заявлявший: «Я — демократ» [6, к. 2, д. 2, л. 175].

О неприятии Чижовым авторитарного образа правления красноречиво свидетельствует его дневник. Так, еще в годы работы в Петербургском университете он записал в дневник услышанный рассказ о том, как Николай I безуспешно пытался подвергнуть строгому административному взысканию профессора медицины Хотовицкого, не явившегося во дворец по зову камердинера, и с юношеской горячностью прибавил: «Дай Бог побольше таких вещей, авось-либо понакопится, авось и мы услышим, когда к черту пойдут эти императорские короны с их венчанными главами» [6, к. 1, д. 3, л. 129—130об.]. Спустя десять лет, в 1844 г., попавшаяся ему на глаза французская газета, описывавшая ход торжеств, связанных с приездом в Англию короля Людовика Филиппа, вызвала в нем целую

бурю негодования: «Я читал, читал и, наконец, не мог продолжать; неужели суждено бедным людям так протянуть весь век людской? неужели не придет время, когда имя короля будет то же, что теперь имя городского бургомистра, головы или тому подобное?». «Вот славянское племя без королей, — развивает он далее свою мысль, — правда, что Россия имеет царя, но царь ее — отец по понятию русских, только уничтожится временно это понятие, прощай и царство» [6, к. 1, д. 5, л. 143об., 144]. И в конце жизни, за два месяца до смерти, он сделал в дневнике следующую запись: «Пока существуют монархи и монархии, не достигнет человечество своего полного развития, или лучше наоборот: чем полнее будет развитие человечества, тем более будут стираться с лица земли монархии и монархи, — разумеется, они сойдут со сцены управления... не вдруг, но сойдут непременно» [6, к. 3, д. 5, л. 137].

Как для кирилло-мефодиевцев, так и для Чижова идеалом политико-государственного устройства славян была демократическая славянская федерация, мысль о которой восходит к планам членов масонской ложи Соединенных славян, существовавшей в Киеве в 1818 г., и программным положениям декабристского Общества соединенных славян [24, с. 21, 22], с тем лишь уточнением, что члены Кирилло-Мефодиевского общества видели в создании единого Славянского союза путь обретения Украиной подлинной национальной свободы, ибо самостоятельное политическое существование ее невозможно [10, с. 14]. От имени славянофилов Чижев утверждал: «Мы все... очень и очень далеки от мысли о завоевании славян, но надобно желать одного, чтобы славяне освободились» [6, к. 1, д. 5, л. 103]. В его понятия о политическом будущем славян входили мечты о конституции, о республике, и он, по его собственному признанию, «давши себе полную волю, на несколько времени сделался больше славянином, без роду, без племени, чем русским» [7, с. 245].

Предоставляя широкую автономию для каждой входящей в союз пации, кирилло-мефодиевцы предполагали, что основным дипломатическим языком в нем должен стать язык великорусский, как самый распространенный [19, с. 39]. С этим был согласен и Чижев: «...русский язык должен сделаться языком славян, по крайней мере книжным и политическим» [18, 1884, № 1, с. 403, 404].

Идея славянской федерации не чужда была и остальным славянофилам [25]. «В панславизм» (т. е. объединение славянских земель под властью русского царя) «мы не верим и считаем его невозможным», — писал И. С. Аксаков [26]. «Пусть все славянские племена, сколько бы их ни было, составят союз конфедеративный, оставаясь вполне независимыми, сохраняя каждое свою личную самостоятельность...». Правда, в состав этого союза, по мысли И. С. Аксакова, не входила Россия, оставлявшая за собой Украину и Белоруссию, но отказывавшаяся от Польши [27]. Схожее мнения был и Ю. Ф. Самарин. Полемизируя по поводу утверждений Кулиша о «владычестве Москвы, убивающей народность Украинный» (цит. по: [18, 1877, № 2, с. 229]), он, признавая тяжесть и крутость перехода от казачьего разгула к самодержавию, порицая произвол представителей государственного начала — великороссийских чиновников — по отношению к украинцам, все же не был согласен с целесообразностью отделения Украины от России: «Что бы ни говорили, а Московское государство спасло материальное существование простого народа в Украине...; оно положило конец притязаниям Польши, спасло православие и вывело ненавистную Унию. Всего этого Украина для себя не могла сделать. Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства... свою духовную самобытность... Историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского» [18, 1877, № 2, с. 231, 232].

В то время как революционно-демократическая часть кирилло-мефодиевцев в лице Т. Г. Шевченко, Н. И. Гулака, А. А. Навроцкого, И. Я. Посяды, Г. Л. Андрузского выдвигала радикальные пути осуществле-

ния своей политической программы, Чижев, будучи славянофилом, а значит — сторонником реформистского пути общественного развития, был близок к буржуазно-либеральному течению в Кирилло-Мефодиевском обществе. Его представители: Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, В. М. Белозерский, Д. П. Пильчиков, А. Д. Тулуб, А. В. Маркевич разделяли тактические положения общества, зафиксированные в «Главных правилах»: «Как все общество в совокупности, так и каждый член должен свои действия соотносить с евангельскими правилами любви, кротости и терпения; правило же — цель освещает средство — общество признает безбожным» [28]. Возможность сосуществования двух течений с различными тактическими принципами в одной тайной политической организации объясняется тем, что в общественном движении России размежевание между революционными демократами и буржуазными либералами начнется только после 19 февраля 1861 г. [29].

В отличие от кирилло-мефодиевцев, славянофилы всегда стремились действовать легально, используя любую возможность печатно высказывать свое мнение по волнующим их вопросам, порой отнюдь не академического свойства. Ни о каком организационном оформлении своего кружка и превращении его в тайное общество с далеко идущими политическими целями они не помышляли. Предпринимавшиеся были попытки создать общеобязательную писанную славянофильскую программу так и не увенчались успехом [20, с. 88]. Когда дело кирилло-мефодиевцев «вышло наружу», славянофилы поспешили отмежеваться от «преступных заблуждений» киевлян. Хомяков в письме к Самарину от 30 мая 1847 г. писал: «Малороссиян, по-видимому, заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость... Не знаю, до какой степени преступно заблуждение бедных малороссиян, а знаю, что бесполокость их очень ясна. Время политики миновало. Это Киреевский напечатал тому уже два года...» [18, 1879, № 11, с. 327, 328].

Идейная связь Кирилло-Мефодиевского общества с московским славянофильством была понята еще современниками [12, с. 304]; (см. отрывки из дневника Н. А. Момбелли за май 1847 г. [30]; см. также письмо В. А. Серебрякова к А. А. Иванову от 11. VI. 1847 г. [6, к. 51, д. 43, л. 8]). Не ускользнула она и от внимания правительства. Помимо фактов, свидетельствовавших о личных контактах кирилло-мефодиевцев с участниками славянофильского кружка в Москве, а также непосредственной причастности к делу о раскрытом обществе славянофилов Чижова и Ригельмана, III отделение приняло к сведению показание предавшего кирилло-мефодиевцев студента А. М. Петрова, из которого следовало, что заговорщики, «стремившиеся произвести переворот в государстве, . . . составляли огромное общество с главным центром в Москве» [28, с. 3; 9, ч. 1, л. 1, 1об., ч. 2, л. 167, 167об.].

Шеф жандармов гр. А. Ф. Орлов предписал чиновнику особых поручений Н. А. Кашинцову подробнейшим образом разузнать «как о каждом из московских ученых и писателей, преданных славянству, так и о том, не соединяют ли они свои занятия с какими-либо политическими идеями» [9, ч. 18, л. 17об.]. Лично за А. С. Хомяковым, «скомпрометировавшим» себя «участием в намерении Чижова издавать журнал в духе славянофилов» учреждалось «секретное, но бдительное наблюдение» [9, ч. 18, л. 21, 21об.]. Поручено было обратить особое внимание на все выходящие в Москве журналы, сборники и книги славянофилов, «перечитывать их тотчас по напечатании и о всех возгласах полуполитических и двусмысленных, равно обо всем, что может скрывать в себе вредную цель или порождать сомнительные толки, доносить... немедленно» [9, ч. 18, л. 20]. Одновременно было дано указание поощрить издателя органа демократического направления «Отечественных записок» А. А. Краевского «к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней» [9, ч. 19, л. 102, ч. 18, л. 23об.].

Анализ сочинений славянофилов, проведенный чиновниками III отделения, показал, что они написаны в тех же «темных выражениях», как и бумаги, найденные у участников преступного общества; отсюда

делался вывод: «первое, что... киевские славянофилы не так виновны, как с первого раза представлялось, ибо делали то, что (другие) делают печатно...; и второе, ...надобно положить, наконец, предел опасным возгласам московских славянофилов, тем более, что здесь одних преследуют, а там другие продолжают делать то же самое» [9, ч. 18, л. 23, 23об.].

Во «всепоподданнейшем докладе» царю гр. А. Ф. Орлов писал: «Производство дела о Славянском обществе св. Кирилла и Мефодия показало, что идеи о восстановлении в каждой земле народности, языка, собственной литературы, об улучшении положения людей и соединении всех славянских племен в одно целое не принадлежат одним лицам, прикосновенным к делу Славянского общества. В Париже... Мицкевич, в землях западных славян Шафарик, Ганка, Штур, Гай и другие знаменитые ученые... убеждают славян нашего поколения соединиться в одно патриархальное, народно-представительное государство. Славянские идеи проникли в Россию. Особенно в Москву... /Там/ многие молодые люди называются и сами именуют себя славянофилами... Выражаясь напыщенно и двусмысленно, они нередко заставляют сомневаться, не кроются ли под их патриотическими возгласами... противные нашему правительству цели. Киевские ученые пошли еще далее и составили... общество святых Кирилла и Мефодия, присоединяя к ученым рассуждениям политические... Если правительство не примет мер и в отношении великороссийских славян, то легко случиться может, что они сами впадут в преступление...» [9, ч. 18, л. 70—74].

27 мая 1847 г. министром народного просвещения С. С. Уваровым по высочайшей воле был написан и разослан попечителям Московского, Петербургского, Харьковского и Киевского учебных округов циркуляр, разъяснявший официальную точку зрения на славянофильство в связи с делом кирилло-мефодиевцев. Друг Чижова, известный историк литературы, критик и цензор А. В. Никитенко, присутствовавший при чтении уваровского циркуляра на чрезвычайном собрании совета Петербургского университета, так передавал в своем дневнике его общий смысл: «Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию, славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия. Оно само по себе, а мы сами по себе... Оно и не заслуживает нашего участия, потому что мы без него устроили свое государство, без него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало в зависимости от других, не умело ничего создать и теперь окончило свое историческое существование. На основании всего этого министр желает, чтобы профессора с кафедры развивали нашу народность не иначе, как по этой программе и по повелению правительства» [12, с. 306].

Таким образом, официальный Петербург, испытывая страх перед «подрывными силами», заботясь об «охранении духа народного от заразы возмутительных идей» [13, ф. 735, оп. 10, д. 193, л. 12], а также опасаясь ухудшения дипломатических отношений с Габсбургской и Османской монархиями, исходил из мнения о вредности каких-либо «мечтаний» о культурном и политическом объединении славян и подменял их «идеей русской национальности», культивировавшей патриотизм не из созданного игрой воображения «весславянства», но из «русского первоисточника», другими словами — из теории официальной народности [4, с. 15].

Одновременно продолжалось следствие по делу об арестованных. Чижову было предложено письменно ответить на ряд вопросов: с кем он виделся за границей, в чем сущность славянофильских идей, какие он имеет суждения о соединении славянских земель, кто в Москве разделяет его убеждения, зачем он носит бороду, по какому случаю находился в переписке с филологом Людовиком Льюсьеном Бонапартом, племянником Наполеона и т. д. Ответы Чижова, составившие свыше 50 листов, по отзыву И. С. Аксакова, были полны «достоинства и благородной смелости» [8, с. 10]. Так, на вопрос о том, действительно ли он в Петербурге, в 1834 и 1835 гг., «обнаруживал либерализм в политическом и нравственном отношении» и занимался тайно какой-то статьей, Чижов, отвергнув обвинение в последнем, от своих либерально-оппозиционных взглядов не

отрекся [7, с. 260]. В то же время Чижов обошел молчанием «демократические начала славянофильской проповеди» и постарался представить своих единомышленников «горячими патриотами, безоговорочными сторонниками „самодержавия, православия и народности“» [12, с. 305, 306]. Он настаивал: «...все понятия о славянстве, как мои, так и других московских писателей, суть чисто дело науки, принадлежат чисто историческому взгляду, без всякого политического направления»; все славянофилы «убеждены, что Россия и царь слиты в одно нераздельное (целое), что любить одну, не любя другого, нет возможности» (см. показания Чижова: [9, ч. 15, л. 72об., 73, 111об., 112, 113, 117, 117об., 120об., 123]).

Подобно остальным, привлеченным по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе, Чижов повторил версию, подсказанную во время следствия чиновниками III отделения [10, гл. V «Арест и следствие»]. В обобщенном виде она была выражена гр. А. Ф. Орловым в докладе на имя царя. Орлов писал, что «доносы и первые сведения, как всегда бывает, преувеличили важность и дело оказалось в виде менее опасном... они (кирилло-мефодиевцы. — И. С.) полагали соединить (славянские) племена под скипетром Вашего Императорского Величества. Не касаясь до настоящего образа правления в России, они желали только, чтобы имеющие присоединиться к нам иноземные славянские племена устроены были по примеру Царства Польского. Им казалось, что Ваше Величество, по силе духа Вашего, одни можете совершить это великое дело; но сомневаясь, чтобы Ваше Величество, занятое внутренним благоустройством государства, соизволили принять участие в этом предприятии, они надеялись достигнуть соединения славян своими средствами» [9, ч. 1, с. 167].

«Откровенные» ответы Чижова были прочтены Николаем I, который увидел в них, как и в показаниях других арестованных, «ученый бред» молодых людей, проистекающий от избытка любви к отечеству [30]. Гр. А. Ф. Орлов в своем представлении по поводу Чижова дал ему следующую характеристику: «...без сомнения, он есть только славянофил, вроде других московских славянофилов, даже патриот русский, но патриот, не знающий никаких пределов, и мечтатель бесполезный. Самыми заботами и направлением своим он не только не обещает ничего существенного и истинно важного, напротив того, может сбивать с толку молодое поколение и сделаться источником вреда... Посему я полагал бы освободить Чижова из-под ареста, но не позволять ему издания журнала, воспретить выезд за границу и учредить над ним секретное наблюдение». Это предложение было утверждено Николаем I [10, с. 137]. Чижову отныне запрещалось проживать в обеих столицах [31]. Вместе с тем ему было «Высочайше разрешено, отстранив все идеи и мечты славянофилов, продолжать литературные занятия, но с тем, чтобы он свои произведения вместо обыкновенной цензуры представлял на предварительное рассмотрение шефа жандармов» [18, 1892, № 7, с. 336]. П. А. Ригельмана предложено было перевести на службу в одну из великороссийских губерний, но благодаря поручительству Д. Г. Бибикова, киевского военного генерал-губернатора, он был оставлен в Киеве под строгим полицейским надзором, без права выезда за границу [9, ч. 12, л. 15, 16, 18].

События 1847 г., надолго лишившие славянофилов надежды на издание собственного периодического печатного органа, упрочили их оппозиционность к деспотизму самодержавной власти. В то же время 1847 г., как и урок, вынесенный из трагедии на Сенатской площади в 1825 г., укрепил их в уверенности, что альтернативы прогрессу путем мирных, постепенных изменений «сверху» при активном участии общественных сил, не существует. В свою очередь, официальный Петербург так и не решившись провести политического процесса над славянофилами и их «малороссийской партией», продолжал видеть в славянофильстве «подрывную силу», вполне способную «посягнуть на правительство и общее спокойствие Отечества» [13, ф. 735, оп. 10, д. 193, л. 12].

Революционные события 1848 г. на Западе посеяли у царских властей новые опасения. Последовавшие в 1849 г. аресты Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова преследовали цель запугать славянофилов и раскрыть

их «преступные замыслы». Исключительной ловкостью «московских словен» объясняло правительство то обстоятельство, что ни один из них не оказался замешан в «заговор петрашевцев» [32]. Лишь последовавшая за смертью Николая I «александровская весна», открывшая для России эпоху либерально-буржуазных реформ, позволила славянофилам вздохнуть свободнее.

Сложившиеся в условиях разложения и кризиса крепостнической системы, возникновения новых буржуазных отношений, обострения классовой и общественно-политической борьбы славянофильство и идеология Кирилло-Мефодиевского общества имели между собой много точек соприкосновения. Их объединяла общность взглядов на особую, мессианскую роль славянского мира, обусловленную его общинным бытом и верой, сентиментально-идеализированное представление о прошлом славян и неприятие современной им крепостнической российской действительности. Славянофилы и кирилло-мефодиевцы выступали за отмену дворянских привилегий, тормозивших новые процессы, наблюдаемые в стране, звали высшие сословия к «опрочению», к слиянию с народом, критиковали засилье «немецкой» бюрократии и произвол чиновников, требовали предоставления буржуазных прав и свобод. На становление их убеждений оказали влияние идеи христианского и утопического социализма, концепция славянской взаимности, изложенная в трудах ученых-славистов.

В то же время между славянофильством и идеологией Кирилло-Мефодиевского общества были и существенные различия. Из славянофилов антимонархические устремления кирилло-мефодиевских «братчиков» разделял один Чижев. Ему же была близка мысль членов общества объединить всех славян в федеративную республику. Не чужды федеративной идеи были и остальные славянофилы, но в состав славянской федерации, по их мнению, не должна была входить Россия, сохранявшая за собой из славянских стран Украину и Белоруссию. Тактика мирной пропаганды сближала буржуазно-либеральную часть кирилло-мефодиевцев со славянофильством, в то время как радикальные методы борьбы, предлагавшиеся революционно-демократическим течением в Кирилло-Мефодиевском обществе, были для славянофилов неприемлемы.

Тем не менее, перечисленные различия между славянофильством и идеологией Кирилло-Мефодиевского общества не мешают единства социальной природы этих двух родственных направлений общественной мысли России середины XIX в., а именно: и теория славянофильства и программные положения кирилло-мефодиевцев отражали прогрессивные устремления зарождавшейся русской и украинской буржуазии. При этом, конечно, нельзя упускать из виду национально-освободительную направленность идеологии Кирилло-Мефодиевского общества, выражавшую интересы всего украинского народа. Взгляды славянофилов и кирилло-мефодиевских «братчиков» способствовали развитию в России интереса к зарубежным славянам, росту славянского национального самосознания, изучению дисциплин славистического комплекса.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Семевский В. И.* Кирилло-Мефодиевское общество.— Русское богатство 1911, № 5; *Семевский В. И.* Кирилло-Мефодиевское общество.— Голос минувшего, 1918, № 10—12; *Бортников А. И.* Кирилло-Мефодиевское общество.— В сб.: Труды исторического факультета РГУ. Т. I. Киев, 1940; *Гончарук П. С.* Исторические взгляды кирилло-мефодиевцев (1846—1847). АКД. Киев, 1970; *Иванова Р. П.* М. И. Костомаров у суспільно-політичному русі XIX сторіччя.— Український історичний журнал, 1967, № 5; Історія Української РСР. Т. 3. Київ, 1978; *Ковмір Ю. О.* Т. Г. Шевченко і Кирилло-Мефодіївське товариство.— Український історичний журнал, 1966, № 3; *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. 1826—1850. Київ, 1971; *Сергієнко Г. Я.* Яскрава сторінка визвольного руху (До 125-річчя Кирилло-Мефодіївського товариства). Київ, 1971; *Сергієнко Г. Я.* Т. Г. Шевченко і Кирилло-Мефодіївське товариство. Київ, 1983; *Денисенко М. С.* Кирилло-Мефодіївське товариство.— Зісторії філософської думки на Україні. Київ, 1963.
2. *Никитин С. А.* Рецензія на книгу П. А. Зайончковського «Кирилло-Мефодиевское общество».— Вопросы истории, 1960, с. 192.

3. История СССР (XIX — начало XX в.) / Под ред. Н. А. Федосова. М., 1981, с. 103.
4. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
5. *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». — В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969; *Дьяков В. А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.). — В сб.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978; *Лециловская И. И.* Конденции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX в. — Вопросы истории, 1976, № 12; *Ненашева З. С.* Идея славянской общности в современной советской и чехословацкой историографии. (Некоторые терминологические и теоретические аспекты.) — В сб.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981; *Фрейдзон В. И.* Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в. — Вопросы истории, 1979, № 9.
6. РО ГБЛ, ф. 332.
7. *Чижов Ф. В.* Воспоминания (Из ответов на вопросы III отделения). — Исторический вестник, 1883, т. 1.
8. *Аксаков И. С.* Федор Васильевич Чижов. Речь, произнесенная 18 декабря 1877 г. М., 1878.
9. ЦГАОР СССР, ф. III отд. с. е. и. в. канцелярии (№ 109), 1 экз., 1847, д. 81.
10. *Зайончковский П. А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959.
11. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2998, л. 1, 1об.
12. *Никитенко А. В.* Дневник в 3-х томах. Т. 1. М., 1955.
13. ЦГИА СССР.
14. *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М.
15. Киевская старина. Т. 56. Киев, 1897.
16. Украина, кн. 1—4. Київ, 1914, с. 81.
17. Матеріали до історії Кирило-Мефодіївського братства. Признання кирило-мефодіївців. Київ, 1915, с. 136.
18. Русский архив.
19. *Семеновский В. И.* Н. И. Гулак. — В кн.: Галерея шлисесбургских узников. Ч. I. СПб., 1907.
20. *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство. — Историк-марксист, 1944, № 1.
21. Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» 1845 г. — В сб.: Славянский архив. М., 1958.
22. Акционер, 1860, 18 III, № 12, с. 47.
23. К истории Общества святых Кирилла и Мефодия. — Былое, 1906, № 2, с. 67.
24. *Дьяков В. А.* Идея славянского единства в общественной мысли дореформенной России. — Вопросы истории, 1984, № 12, с. 17.
25. *Дудзинская Е. А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство. — В сб.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1979, с. 267—271.
26. И. С. Аксаков в его письмах. Ч. 1, т. II. М., 1888, с. 156.
27. Русская мысль, 1916, № 9, с. 11.
28. *Стороженко Н.* Кирилло-Мефодиевские заговорщики. Киев, 1906, с. 6.
29. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 176.
30. Голос минувшего, 1918, № 10—12, с. 147, 148.
31. *Чероков А.* Федор Васильевич Чижов и его связи с Н. В. Гоголем. Биографический очерк. М., 1902, с. 23.
32. *Сакулин П.* Русская литература и социализм. Ч. I. М., 1924, с. 479.



ИВАНОВ С. А.

## К ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАРΟΣЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ С ГРЕЧЕСКОГО<sup>1</sup>

(по данным житий Супрасльского сборника)

Супрасльский или Ретков сборник представляет собой месяцеслов за март; в нем соединены жития и проповеди, переведенные с греческого, по всей видимости, в X—XI вв. в Болгарии. Это самая обширная рукопись на старославянском языке. Научная литература, посвященная сборнику, огромна и насчитывает уже около двухсот работ [1, с. 13—16<sup>2</sup>; 2, с. 66—79]. Однако среди них лишь немногие [3; 2, с. 103—106; 4] посвящены историко-культурной проблематике, если понимать под ней не историю самого текста, а историю, как она проявляется себя через текст.

Если в лингвистических исследованиях, построенных на материале данного памятника, да и всего фонда переводной славянской литературы, сравнение текста с его греческим оригиналом практикуется издавна и повсеместно, то историки культуры не прибегают к этому методу почти совсем, хотя в общем плане проблема «трансляции» византийской культуры славянским народам привлекает в последнее время все большее внимание.

«История культурных контактов есть история постоянного взаимоневверного истолкования», — пишет современный исследователь [5], и это не кажется преувеличением. Дело не в ошибках переводчиков — в своем подавляющем большинстве они были высокопрофессиональными специалистами, — но в самих контактирующих культурах; у каждой из них свой уровень развития, свои реалии и денотаты, свои системы ценностей. Даже сферы, представляющиеся общечеловеческими, в действительности имеют в любой культуре особые, неповторимые коннотации. Все эти явления крайне трудноуловимы для исследователя: сами носители культуры часто не отдают себе в них отчета. Замечательным подспорьем тут может оказаться техника перевода: что переводчик брал, что выпускал, а что добавлял от себя; какие реалии приводил без перевода, а каким подыскивал собственный аналог — все это может оказаться важным для понимания культуры-«реципиента».

Ниже мы рассмотрим агиографический раздел Супрасльского сборника (19 житий), пользуясь новейшим изданием с параллельным греческим текстом [1]. Четыре жития, прототип которых до сих пор неизвестен, нами не использовались. Нашей задачей будет выяснение того, в каких сферах и как славянский переводчик позволял себе отклоняться от оригинала. Поскольку в греческом тексте также могли иметь место разночтения и нет гарантии того, что непосредственный источник перевода

<sup>1</sup> В основу статьи положено выступление автора на конференции «Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси». Редакция надеется поместить ряд других публикаций по тематике конференции.

<sup>2</sup> В обоих томах [1] нумерация страниц сквозная.



до нас дошел, мы будем обращать внимание не на единичные отклонения, но лишь на устойчивые тенденции, прослеживаемые через всю рукопись.

Нет нужды объяснять, как много в жизни греков значило море. Соответствующее место занимает оно и в греческой литературе; метафорика, связанная с темой моря, хорошо исследована. Легко догадаться, что для славян эта образность оказалась довольно чуждой (разумеется, говоря о славянах, мы пока имеем в виду лишь переводчика Супрасльского сборника и аудиторию, к которой он обращался — матерпал для сколько-нибудь уверенных выводов еще не собран). Слово 'тавань' переводится как *тишина* [1, с. 67, 523], 'кормчий' — как *наставник* [1, с. 523], 'прийти в порт' — как *на ону страну* [1, с. 151, 152], 'попавшим в бурю — якорь' — как *вльняюштимъ отише* [1, с. 251] и т. д. (ср. опущение переводчиком слов 'в море' [1, с. 127, 273]).

Еще большие различия обнаруживаются в неприродной сфере. Переводчик явно плохо разбирается в особенностях римского язычества, в устройстве храмов (ср. [1, с. 1, 131, 129, 137]), в пантеоне: так, 'великого Аполлона и героя Геракла и вселенского царя Зевса' он превращает в *великааго Аполона добыаго, и Еракла иже вьсехъ урь и Дия* [1, с. 115], т. е. владыкой мира оказывается Геракл (ср. [1, с. 8]). Не вполне сознавал славянин и то, как именно осуществлялось религиозное поклонение языческому императору [1, с. 132, 101].

Во времени перевода Супрасльского сборника города у болгар существовали во множестве — и все же они не играли той роли, какая принадлежала им в Византии. Видимо, поэтому переводчик равнодушно пропускает множество подробностей городской топографии, упоминаемых в житиях. Когда агнограф описывает невероятное стечение народа, сбегавшегося на казнь святого, он пишет: 'всех их не могли вместить ни площадь, ни улицы' — это скупо переведено: *не быше вьмстити ся народуу* [1, с. 109]. Или, например, фраза: 'Вся агора заполнилась народом, и со стороны Восточного портика, и со стороны Двойных ворот' [1, с. 125] — заменена на: *Испльни же ся вьсе то место*. Дальнейший же греческий текст: ... 'люди влезали даже на постаменты и янчики, чтобы лучше было видно' — вообще не переведен.

Публичная жизнь средиземноморского города также оставалась славянскому переводчику чуждой: например, его не интересовало, чем отличались друг от друга триумф, театральное представление и народное собрание на ипподроме — и то, и другое, и третье передается как *позоръ* [1, с. 130, 150, 221]. Разумеется, и само слово 'агора', столь много говорившее греку, не имело аналога у славян и в разных местах переводится по-разному: то как *стъгны* [1, с. 133, 137], то как *събор* [1, с. 125, 127], то просто как *место* [1, с. 125].

Обратимся теперь к другой сфере — летосчислению. Принятая в Византии система индиктов (15-летних циклов) была известна славянам, но тем не менее ни в одном из шести случаев ее употребления в супрасльских житиях переводчик не подхватывает этого обозначения [1, с. 65, 279, 288, 293, 295]. Античные календари, к которым автор обращается иногда в целях стилизации, также не представляют для болгарина никакого интереса: выражения типа 'в четвертый день до мартовских ид для римлян, а для жителей Азии — в 19 день шестого месяца' передано как *месяца марта в 10 днь* [1, с. 142]. Если агнограф рассчитывает, что его византийский читатель ориентируется в римской хронологии, то переводчик вынужден пояснить: так, слова 'за четыре дня до мартовских календ' он расшифровывает так: *прежде четыре калан'дъ мар'та сиречь вь 27 феуроара* [1, с. 81]. К этой теме мы еще вернемся ниже.

Византийцы не разделяли спортивных пристрастий своих предков, однако во времена отцов церкви дух древнегреческой палестры был еще жив, и потому в их сочинениях атлетическая метафорика занимает солидное место. То же и в житиях, но не в их славянских переводах: *ἀγων βασάνων* 'состязание мучений' превращается просто в *раны* [1, с. 261], *ἀθλησικῆ* 'атлетическое достижение', т. е. мотаческий подвиг — в *чрьно-*

рицство [1, с. 272], *μαρτυρῶν* — *μαρτυρῶν* *στυγίων* 'мученическое ристание' — в *мученичье* [1, с. 55], а слово 'палестра' [1, с. 273] вообще никак не переводится.

Но если в наличии спорта у славян еще можно сомневаться, то уже совершенно несомненна их воинская опытность. Между тем, и все метафоры, связанные с боем и оружием, почему-то не находят отклика у переводчика. Возможно, отклонения от оригинала вызваны различиями в боевых навыках — например, допустимо считать, что выражение 'сошел с колесницы' заменяется на *сълезе отъ коня* [1, с. 146] потому, что у славян не было колесниц, а 'оружие, способное захватывать крепости' передается как *оружие на оутвърждение себе* [1, с. 273] — потому, что они не владели в достаточной степени осадным искусством. Впрочем, и в этом случае трудно объяснить, почему ни разу не переведена метафора, связанная со стрельбой по мишени [1, с. 55, 56, 58, 103, 234, 273], — ведь лук был славянам известен. Вопрос гораздо глубже, чем может показаться. Одной из важнейших черт христианства является постулат о всемирной войне сил добра и зла, в которой каждый верующий — солдат воинства Христова [6; 7]. Вот почему боевая толика буквально пронизывает церковно-учительную литературу. Не миновала она, естественно, и агиографию. Но в славянские переводы Супрасльского сборника не попала: там, где в греческом тексте стоит *εὐσεβεῖς ἐπίται* 'священные воины' (о мучениках) — переводчик пишет *чъстѣнни* [1, с. 67], где *προσευχῆ ἐπίλειστο* 'вооружился молитвой' — *молитву творяше* [1, с. 275], где *στρατία* 'воинская служба' (в значении иноческого служения) — *спасение* [1, с. 54], где *γενησθε στρατιώτης* 'бравый солдат' (о святом) — *преблаженный мученикъ* [1, с. 100] и т. д. Наиболее рельефно выступает функция военной метафоры для церковного греческого текста в житии св. Кюдрата; наиболее ясно видно отмирание этой метафоры в славянском переводе этого жития. Вот что сказано в оригинале: 'Подобно тому, как некий доблестный полководец, убежденный в собственной мощи, идет вперед на выстроившихся против него иноплеменников и одним грозным взглядом на врагов обращает в бегство неприятельскую фалангу, так и прекрасный воин Христов шел впереди остальных святых'. А вот перевод: *Яко некоторые добили воинъ пъвая своею силою на сыитие ратьникъ преди идыи грде на ратьники възираеть крѣсть на лицѣ показая оустрашаеть ратьничьскъ плѣк, такожде и добили сии предъ всеми стъими идеаше* [1, с. 105]. На первый взгляд, развернутая метафора передана почти без искажений. Заметим, однако, что в греческом тексте сначала дана картина боя, никак не намекающая ни на что божественное — а затем самостоятельная агиографическая картинка. Как и положено в метафоре, одно призвано раскрыть глубинную суть другого: святой подобен полководцу, а язычники подобны неприятелю, но этот потаенный смысл вовсе не должен реализоваться на материальном уровне, «потому что наша брань не против крови и плоти, но против... духов злобы поднебесных» [8]. Но переводчик разрушает эту цепочку; формула уподобления (*яко... такожде*) практически повисает у него в воздухе, ибо в славянском тексте нарисованы не две, а как бы одна картинка: мирской полководец (*στρατηγός*) из первой части метафоры не противопоставлен христову воину (*στρατιώτης*) из второй — сам превращается в него (*воинъ*): и вообще вся «светская» часть уподобления теряет обособленность, ибо этот *воинъ* сокрушает врагов средством, как бы позаимствованным из второй части: *крѣсть на лицѣ показая*, тогда как в оригинале таких слов нет.

Чрезвычайно любопытно проследить, как обращается болгарский переводчик с государственно-политическими реалиями житий. К примеру, из римско-византийских должностей некоторые воспринимаются как чистая экзотика и потому сохранены в их греческом звучании — (*принцепс, дукс, анфипат, спафарий, протоспафарий, капиклярий, сакелларий, коментарисий* и персидский чин *аламундар*), — другие, напротив, чем-то отзывались для славянского уха, и переводчик стремился найти для них подходящий эквивалент, что представляет больший интерес. Не будем специально останавливаться на том, как когда переводятся *ἡγεμόν, ἀρχων, ἀρχηγός* — этот материал можно найти в славяно-гре-

ческом словаре К. Мейера [9] (осталась недоступной работа [10]). Обратим лишь внимание на то, как много в этих соответствиях непонятного нам: например, титул патрикия лишь единожды [1, с. 64] передан точно, в остальных случаях он любительным образом превращается в *комис*, т. е. в другой позднеримский титул, который по неизвестной нам причине казался переводчику понятнее [1, с. 220, 221, 224, 226, 229, 231]. А в тех двух случаях, когда слово *πατρικιος* употреблено в звательном падеже, оно переведено как *быля* [1, с. 230, 233] — это древний протоболгарский титул 'болл', который для переводчика Супрасльской рукописи звучит уже исключительно как обращение к знатной особе. Что же касается вышеупомянутого слова *κόμης*, то само оно передается не всегда *комис*, но однажды — как *князь* [1, с. 230]. Интересному переосмыслению подвергается чин *ἐπιταρχος* 'начальник конницы' — по созвучию он передается как *эпархъ* [1, с. 136, 137]: поскольку употребленный в жизни термин *эпипарх* вышел в Византии из употребления, он не был известен и славянам, так что переводчик не удержался от искушения заменить его хорошо знакомым словом «эпарх», обозначавшим городского голову — с эпархом имел дело всякий болгарин, приезжавший торговать в византийские города. Точно так же арабский титул *أمير*: 'эмир' превращается в более знакомый славянам по агиографической литературе персидский титул *аменоуръмниш* [1, с. 57]. Наконец, *ὁ ἐπιταμὸς τῆς φυλακῆς* 'начальник темницы' вообще не понят в славянском тексте как особая должность [1, с. 134]. Такие славянские попятя, как *болере*, *старейшины* соответствуют каждое нескольким византийским [1, с. 17, 37, 39, 40, 100, 254, 292, 277, 278, 281, 58, 61, 66, 101, 104], что дает основания для определенных выводов о семантическом спектре данных терминов.

Итак, переводимый славянином текст ложился на априорную достаточно сложную сетку представлений, в которой одни должности и титулы считались актуальными, другие — экзотичными, одни казались доступными «транспонированию» в местные категории, другие — нет.

Наиболее интересно, как воспринимали в славянской среде образ императора. Хорошо известно, какое место занимала эта фигура в жизни Византии, и какое влияние она оказала на формирование политических концепций у славян. Особенно велика была роль византийского образца для соседней Болгарии; ее правители «лепили» представление о себе по имперской модели, а, например, царь Симеон стремился даже не уподобиться, а попросту стать василевсом ромеев. Однако царские титулы и печати свидетельствуют лишь об амбициях правящей верхушки, но не об ее самосознании. Посмотрим, есть ли различия между славянскими и греческими текстами, когда речь заходит об императоре.

Никакого специального интереса к этому уникальному для византийцев образу переводчик не выказывает. Так, греческий агиограф неизменно титулет персидского владыку *βασιλεὺς τῶν βασιλέων* 'царь царей', чтобы отделить его от христианского василевса, а переводчик ни разу не следует этому принципу, ограничиваясь обычным *цесарь* [1, с. 257, 258, 260, 264, 269]. Равнодушным он остается и к особенностям титулатуры: *αὐτοκράτωρ* 'самодержец' иногда переводится как *цесарь* [1, с. 13, 71, 125; ср. 5, с. 198—199]; определения василевса передаются часто неточно [1, с. 48, 65, 100, 148, 253, 254]. Дважды *ἄρχων* передается как *цесарь* [1, с. 66, 269] и наоборот, *βασιλεὺς* — как *князи* [1, с. 219].

Человеческая природа василевса представляла для византийцев интригующий парадокс: пришедшие на смену языческим «императорам-богам» христианские «императоры божьей милостью» не могли не признавать своей тленности, но исключительный статус этой фигуры неизбежно сообщал такому признанию демонстративный характер: мепочек праха, повсюду сопровождавший василевса, был необходимой антитезой для стоявшего в Хрисотриклине константинопольского дворца особого трона, который благодаря потайной пружине мог физически возносить сидевшего на нем под потолок, высоко над головами подданных. Весь этот комплекс противоречивых эмоций нашел отражение и в супрасльских житиях. Святые Иона и Варахисий отвечают язычникам на требования

поклоняться царю: «Не можем же мы уверовать в человека, который и живет недолго, и умирает, и предается земле, подобно нам...». Славянский переводчик здесь останавливается и знаменательным образом опускает конец греческой фразы: «...и сопричисляется к сонму собственных подданных» [1, с. 258]. Такому же сокращению подвергается и следующая фраза: «Услышав от них такое, главные маги очень разгневались...». И дальше опять не переведено: «...и преисполнились величайшего негодования и крайнего кощунства, поскольку для их незаконного царя поношением звучали слова, сказанные святым, о том, что он умрет». Переводчик выпустил эти пассажи не потому, что его оскорбляла мысль о человеческой смертности царя, а наоборот, потому, что эта недолговечность представлялась ему совершенно естественной и не трагической: ведь на глубинном уровне византийцам в идее тленности отзывалась общая нестабильность жизни и, в частности, отсутствие законного престолонаследия — славянам же все эти проблемы были чужды: умершему князю наследовал его сын, жизнь продолжалась, естественная в своем круговороте.

Важным элементом византийской имперской идеологии был пафос римской государственности; тот факт, что Христос родился в правление Августа, при расцвете римского могущества, был исполнен для ромеев мистического смысла. Этим объясняется и стремление агиографа включить свой рассказ в русло общеимперской хронологии. Так, житие св. Пиония кончается словами: «Это случилось при анфипате Азии Юлии Прокле Квинтиллиане, в консульство самодержца Гая Месия Квинта Траяна Деция Священниного (отправлявшего консулат вторично) и Веттия Грага» [1, с. 142]. Можно быть уверенным, что столь архаичная датировка (по консульствам) выглядела для агиографа ничуть не менее экзотично, чем для переводчика; но автор жития старательно воспроизвел незнакомые ему слова, поскольку Деций был в его глазах не только сказочным злодеем — гонителем христианства, но одновременно и вехой в тысячелетней имперской истории. Переводчику же изысканная датировка казалась неуместным щегольством, а полное титулование записного душегуба — кощунством по отношению к замученным при Деции христианам. Вместо пышной греческой фразы в славянском тексте стоит: *Мучень же бысть стый Пионии... при Наме цри*. Сказочный элемент жития здесь усилен, но неизбежно утрачивается «историзм» оригинала: болгары, естественно, не могли проникнуться историей чужой страны, но без эпатирующего пафоса не было и полнокровной Kaiseridee.

Государственная традиция — это то, что соединяло христианскую Византию с ее римским языческим прошлым, и агиограф, стремясь создать у читателя иллюзию документальности своего рассказа, безбоязненно вводит туда хорошо знакомый ему самому и его читателю современный материал, дабы усилить сопереживание герою жития. Поэтому многочисленные сцены судебного разбирательства в житиях даны со всеми казуистическими подробностями. Но эта магия тавтологичности никак не действовала на славянского читателя, привыкшего, видимо, к куда менее формалистической процедуре, и переводчик безжалостно выбирает протокольные подробности типа: «Затем он спросил Асклепиада: „Как тебя зовут?“, — тот ответил: „Асклепад“» [1, с. 132] или «Затем тот его начал допрашивать в письменной форме. „Как твое имя?“ А нотарий все записывал. Он ответил: „Пионий“» [1, с. 132], или «Пров сказал: „У тебя есть родители?“ Ответ был: „Не имею“» [1, с. 253, ср. 226, 230, 263, 269].

Видимо, следует признать, что и сама идея чинопочитания была у славян развита куда слабее, чем в империи. Приведем примеры. В житии Кодрата есть эпизод, когда два языческих чиновника, анфипат и коментарисий, убеждают святого отречься. Когда старший по званию анфипат выбивается из сил, с увещеваниями выступает коментарисий. Кодрат обрывает его: «Если здесь судит анфипат, то кто ты такой, чтобы подавать голос в его присутствии? Хватит с нас и его. Если же и ты рвешься в начальники, кесарь тебя уничтожит». Святой играет здесь на понятном

всякому византийцу страхе чиновника перед обвинением в узурпации не присвоенных ему прав. С точки зрения греческого агиографа, сцена должна была выглядеть комично: сам святой не боится языческого кесаря, но точно знает, как боится его коментарисий; сам святой отвергает машину несправедного государства, но ведаёт её тайные механизмы и искусно ими пользуется. Византийский читатель улыбнулся бы здесь — но славянский переводчик не рассчитывает на такую же реакцию, и потому переделывает конец речи Кодрата: «...*Аште ли и ты старешина хощеши быти, то бог тя проклъни*» [1, с. 102]. Та же игра повторяется и в житии св. Пиония. Когда толпа язычников хочет выволочь героя из тюрьмы, тот укрощает их такими словами: «Ввергнутом в темницу положено дожидаться анфипата. На каком основании вы присваиваете себе его полномочия?» В переводе его речь звучит так: *Иже суть въведени въ темницу, то лепо имъ есть дожждати анфупата, да видимъ, что имъ велитъ* [1, с. 136—137]. Когда святой совершенно запутывает своих гонителей юридической казуистикой, гиппарх говорит ему: «Но и с принцепсом можно переговорить. Если же ты этого не желаешь, то я тебе начальник, при всем моем к нему уважении». Переводчик опять изменяет конец фразы: *... князи есмь, да еже хощу творю* [1, с. 137].

В житии папы Григория Римского явившийся святому ангел говорит: «Господь послал меня, дабы я был с тобою в жизни сей...». Но переводчик оставляет без внимания дальнейшие слова ангела: «...и о каком деле ты ни захочешь попросить, обращайся к господу через меня» [1, с. 123]. Запрет обращаться к высшему начальству минуя непосредственное сформулирован здесь с предельной четкостью — но славянскому читателю этот принцип, видимо, не казался абсолютным.

В заключение остановимся на внешнеполитическом аспекте житий. Отметив, что славяне остались равнодушны к борьбе Византии с арабами (в Супрасльском сборнике последовательно опущены те ругательные эпитеты, которыми награждает сарацинов агиограф — [1, с. 55, 57, 59]), перейдем к восприятию главной имперской концепции: постулата о превосходстве ромеев над «варварами». Оказывается, что *βάρβαρος* переведено как *ратъници* [1, с. 67, 292, 293], как *безбожьнии* [1, с. 56], как *поганни* [1, с. 292] или вообще не переведено [1, с. 29, 31], но слово *варваръ* встречается в сборнике единственный раз в цитате из апостольских посланий [1, с. 101]. Это дает основание предположить, что к моменту перевода сборника славяне воспринимали дихотомию «ромей — варвары» уже как оскорбительную для себя.

Таким образом, как бы близко не подходила правящая верхушка Болгарии к восприятию византийской имперской идеологии, самый «привкус», культурный контекст ее оставался для болгар чуждым. «Трансплантации» поддавалось только то, для чего была готова сама славянская среда.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Супрасльски или Ретков сборник. София, 1982—1983. Т. I—II.
2. Проучвания върху Супрасльския сборник. София, 1980.
3. Aitzetmüller R. Kulturkundliches aus dem Codex Suprasliensis. — In: Festschrift für M. Vasmer zum 70-Geburtstag. Wiesbaden, 1956, S. 23—27.
4. Malingoudis Ph. Zu einigen Verfassungstermini des Codex Suprasliensis. — Cyrillomethodianum, 1981, V, S. 197—201.
5. Franklin S. Byzantine literature among the Slavs. — In: Major Papers of the XVI Congress of Byzantine Studies. Washington, 1986, p. 385.
6. Harnack A. Militia Christi. Tübingen, 1905.
7. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 121—128.
8. Epistola ad Ephesios, VI, 12.
9. Meyer K. H. Altkirchenslavisch-Griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935.
10. Meyer K. H. Altkirchenslavische Studien 1. Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis. Halle, 1939.



## К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ ОКСИТОНИРОВАННОЙ АКЦЕНТНОЙ ПАРАДИГМЫ

Долгое время считалось, что праславянская окситонированная акцентная парадигма (далее — а.п.) генетически связана с индоевропейской окситонированной а.п., утраченной в литовском языке [1—3]. В. А. Дыбо, анализируя распределение праславянских имен и глаголов по акцентным парадигмам, обратил внимание на тот факт, что баритонированная а.п. включает слова лишь с акутированным корнем, окситонированная а.п. — лишь с циркумфлектированным и краткостным корнем, тогда как в подвижную а.п. входят слова как с акутированным, так и с циркумфлектированным и краткостным корнем. Такое распределение позволило сделать вывод, что акцентное различие баритонированной и окситонированной парадигм не может быть древним, что в определенный период праславянского языка названные парадигмы были дополнительно распределены по качеству интонации корневого слога [4—6]. Этот вывод вскоре был подтвержден В. М. Иллич-Свитычем, который убедительно доказал, что индоевропейским окситонированным именам соответствуют славянские имена с подвижным ударением, а индоевропейским баритонированным именам соответствуют славянские баритонированные имена с долготным корнем (с долгим гласным или долгим дифтонгом в корне) и окситонированные имена с краткостным корнем (с кратким гласным или кратким дифтонгом в корне). При этом В. М. Иллич-Свитыч подчеркивает, что преобразование колонной баритонированной а.п. в колонную окситонированную а.п. у слов с краткостным корнем является специфически славянским процессом [7, с. 157].

Положение В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыча о раздвоении индоевропейской баритонированной а.п. на славянские баритонированную и окситонированную а.п. в зависимости от первоначальной интонации корневого слога (при акутированном корне сохранялась баритонеза, при циркумфлектированном или краткостном корне возникала окситонеза), изложенное обоими учеными также в их общем докладе на V Международном съезде славистов [8], мы будем называть правилом Дыбо — Иллич-Свитыча. В этом правиле основным моментом является зависимость между просодическим качеством корневого слога (акутированность или неаккутированность) и типом славянской акцентной парадигмы — баритонированная или окситонированная. Правило Дыбо — Иллич-Свитыча шире «принципа Иллич-Свитыча», под которым понимается преобразование в славянском баритонированной а.п. слов с краткостным корнем в окситонированную а.п. [9], или «закона Иллич-Свитыча», согласно которому в славянском ударение сдвигается с неаккутированного корневого слога на следующий слог, независимо от его интонации [10; 11], поскольку и в принципе Иллич-Свитыча, и в законе Иллич-Свитыча выделяется лишь та часть указанной выше зависимости, которая относится к славянской окситонированной а.п.

Установление правила Дыбо — Иллич-Свитыча, блестяще аргументированного, является значительным достижением славянской акцентологии. Однако некоторые ученые, в частности Х. С. Станг, сомневались в действии этого правила [12, S. 288—289]. Сомнения Х. С. Станга были вызваны тем, что в праславянском среди окситонированных имен и глаголов встречаются слова с долготным по происхождению корнем (ср. русск. *бел*, *белá*, *бѣлô*, чак. *běl*, *bělâ*, *bělô*: русск. *плáчу*, *плáтишь*, схрв. *плáтити*, *плáти̋м*; русск. *травлô*, *трав̋ишь*, схрв. *трав̋ити*, *трав̋и̋м*), в то время как согласно правилу Дыбо — Иллич-Свитыча, в славянский окситонированный тип должны входить лишь слова с краткостным по происхождению корнем [12, S. 289]. Но, во-первых, нужно иметь в виду, что действие правила Дыбо — Иллич-Свитыча относится к раннепраславянскому периоду, а на основании свидетельств славянских языков реконструируется позднепраславянская акцентная парадигма слов. Несомненно, что в процессе многовекового развития праславянского языка часть слов изменила свою первоначальную акцентную парадигму, и как раз правило Дыбо — Иллич-Свитыча позволяет выявить такие изменения. Во-вторых, следует считаться с возможностью вторичного удлинения корневого гласного слов в праславянском, что, в частности, относится к прилагательному\* *bělъ* (см. [13; 14]).

Х. С. Станга не удовлетворяет также объяснение В. М. Иллич-Свитычем причин преобразования индоевропейской баритонированной а.п. имен с неаккутированным (циркумфлектированным или краткостным) корнем в славянскую окситонированную а.п. [12, S. 289]. По мнению В. М. Иллич-Свитыча, указанное преобразование имело фонетический характер. Ученый допускает, что первоначально нисходящее ударение в баритонированной а.п. переносилось на следующий слог только в сочетаниях имени с проклитиками (предлогами), где подударный корневой слог, оказавшись средним слогом фонетического слова, не мог удерживать нисходящее ударение. В позднепраславянский период, как известно, ударение со среднего слога с нисходящей интонацией оттягивалось на предшествующий слог, приобретавший в результате этого новоаккутовую интонацию. «Можно предположить, — пишет В. М. Иллич-Свитыч, — что тенденция к устранению нисходящего ударения в середине слова возникла в праславянском достаточно рано; первоначально оно могло устраняться путем переноса ударения на последующий слог» [7, с. 161]. Под влиянием окситонированных форм, возникших из форм баритонированной а.п. с предлогами (\**въ lǫkǫ* > \**въ lǫkǫ*), окситонезу получили остальные баритонированные формы (\**lǫkǫ* > \**lǫkǫ* под влиянием \**въ lǫkǫ*, \**lǫka* > \**lǫkâ* под влиянием \**lǫkǫ*, \**въ lǫkǫ*), что привело к окончательному преобразованию баритонированной а.п. в окситонированную [7, с. 161].

В цепи допущений В. М. Иллич-Свитыча самым слабым звеном, на наш взгляд, является ничем не доказуемое предположение, что первоначально нисходящее ударение в середине слова устранялось путем перемещения ударения на следующий слог. Югославский ученый М. Пешакан указывает на другие слабые стороны приведенного объяснения В. М. Иллич-Свитыча. Он считает, что, имея в виду большую частоту употребления именительного падежа и косвенных падежей без предлога, трудно поверить, чтобы сочетания с предлогом могли вызвать столь значительные изменения акцентных отношений. С другой стороны, такое объяснение неприемлемо для глагола. Поэтому югославский ученый предполагает, что начальное ударение в словах с подвижной а.п. имело иную природу по сравнению с ударением баритонированных слов, ставших в праславянском языке окситонированными [15].

Одним словом, объяснение В. М. Иллич-Свитычем преобразования индоевропейской баритонированной а.п. слов с циркумфлектированным или краткостным корнем в славянскую окситонированную а.п. нельзя признать убедительным. В связи с этим мы предлагаем принципиально новое объяснение происхождения славянской окситонированной а.п., которое тем не менее основывается на правиле Дыбо — Иллич-Свитыча, в частности на выводе о том, что славянская окситонированная а.п. связана с

краткостью или циркумфлектированностью корневого слога (наличием в корневом слогe краткого гласного, краткого дифтонга или дифтонгического сочетания), в то время как славянская баритонированная а.п. связана с акутированностью корневого слога (наличием в корневом слогe долгого гласного, долгого дифтонга или дифтонгического сочетания).

Славянская баритонированная а.п., как и соответствующая ей литовская 1-я а.п., развилась из балто-славянской баритонированной а.п. с акутовой интонацией корня [16]. Большинство исследователей, говоря о природе балто-славянского акута, указывают, что он имел восходящий характер (см., например, [12, S. 125]). По мнению Ф. Ф. Фортунатова, индоевропейская (и балто-славянская) акутовая интонация (длительная долгота) была восходяще-нисходящей [17]. Это положение Ф. Ф. Фортунатова, принятое рядом исследователей [18, S. 116; 19, s. 163], мы считаем правильным и реконструируем балто-славянский акут как восходяще-нисходящую интонацию. Она характеризовалась повышением тона на первой море долгого гласного и понижением тона на второй море этого же гласного<sup>1</sup>. Динамическая сторона шла параллельно с тонической. Своей вершины тон достигал на переломе между восходящим и нисходящим движениями. Это значит, что тоническая (и динамическая) вершина могла находиться или в конце восходящей части, или в начале нисходящей части (т. е. могла приходиться или на конец первой моры, или на начало второй моры долгого гласного). В протославянских говорах (и в праславянском языке, где акутовая интонация оставалась восходяще-нисходящей [18, S. 118]) тоническая и динамическая вершины находились при акутовой интонации в начале второй моры долгого гласного (ударяемой была вторая мора) [19, s. 165]. В протолитовских говорах (и в пралитовском языке) тоническая и динамическая вершины при акутовой интонации приходились на конец первой моры долгого гласного (ударяемой была первая мора), что послужило основой для трансформации в аукштайтских говорах литовского языка былой акутовой интонации в нисходящую (через стадию — долгота с иктусом на первой море)<sup>2</sup>. Рефлексом пралитовской акутовой интонации в жемайтских говорах литовского языка является прерывистая интонация, которая в основном сохраняет природу старой акутовой: она является восходяще-нисходящей, тоническая и динамическая вершины находятся в конце восходящей части (приходятся на первую мору долгого гласного или на первый элемент дифтонга/дифтонгического сочетания) [21—25].

На наш взгляд, в балто-славянском языке повышение тона могло иметь место не только на первой море долгого гласного, но и на кратком гласном. При этом понижение тона происходило уже на следующем слогe: на кратком гласном (если следующий слог был краткостным) или на первой море долгого гласного (если следующий слог был долготным). Такую балто-славянскую восходяще-нисходящую интонацию, охватывающую две моры соседних слогов (на первом слогe — повышение тона, на втором слогe — понижение тона; при долготности второго слога понижение тона происходило только на первой море долгого гласного), будем называть двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией, а акутовую интонацию (охватывающую две моры одного и того же слога) — однослововой восходяще-нисходящей интонацией.

Следует подчеркнуть, что в балто-славянском языке краткостным являлся не только слог, содержащий краткую гласную, но и слог, содер-

<sup>1</sup> По своей природе балто-славянская акутовая интонация, очевидно, тождественна древнегерманскому облегченному ударению (циркумфлексу), которое является восходяще-нисходящим и «падает лишь на долгий двухморный гласный с восходящим тоном на первой море и нисходящим на второй» [20].

<sup>2</sup> Мы считаем, что, в отличие от жемайтских говоров литовского языка, в аукштайтских говорах, легших в основу литовского литературного языка, старые интонационные различия были полностью утрачены, а новые возникли в результате сочетания долготы с иктусом (динамической вершиной старых интонаций). При сочетании долготы с иктусом на первой море возникла нисходящая интонация (акут). При сочетании долготы с иктусом на второй море возникла восходящая интонация (циркумфлекс).



жащий краткое дифтонгическое сочетание, поскольку согласные сонанты *ī, ū, r, l, m, n*, являющиеся вторым элементом дифтонгических сочетаний (как долгих, так и кратких), не имели количества. Количество дифтонгического сочетания состояло только из количества слогового элемента. Именно по количеству слогового элемента долгие дифтонгические сочетания противопоставлялись кратким. Предполагать, что неслоговой элемент (согласный сонант) каким-то образом удлинял слоговой элемент краткого дифтонгического сочетания, нет оснований: такое удлинение действительно имело место в отдельных славянских языках, но оно было обусловлено утратой слоговости вторым элементом дифтонгического сочетания. Слог, содержащий краткое дифтонгическое сочетание, стал долготным лишь тогда, когда второй элемент дифтонгических сочетаний получил слоговость (сонанты *ī, ū* были вокализированы, а плавные и носовые сонанты стали слогаобразующими), но это произошло не в балто-славянском языке, а уже в праславянском и пралитовском языках. И тот факт, что слог, содержащий краткий гласный (краткостный слог), и слог, содержащий краткий по происхождению дифтонг или краткое по происхождению дифтонгическое сочетание (циркумфлектированный слог), в акцентном отношении вели себя одинаково, объясняется именно тем, что оба указанные слоги первоначально были краткостными.

В протославянских говорах (и в праславянском языке) при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации тоническая и динамическая вершины находились в начале второго интонированного слога (поскольку при однослоговой восходяще-нисходящей интонации тоническая и динамическая вершины находились в начале второй моры долгого гласного) т. е. из двух интонированных слогов ударяемым являлся второй. В связи с этим акцентная парадигма слов с двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией зависела от места в слове второго компонента интонации. Если он приходился на основу (например, двуслоговая восходяще-нисходящая интонация охватывала первые два слога трехсложных слов), акцентная парадигма таких слов была баритонированной, ср. \**konǫrja*, \**vъnŭkъ*, \**mozǫlъ* (знаком ' обозначаем понижение тона на кратком гласном, знаком ^ — понижение тона на долгом гласном). Если второй компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации приходился на тематический гласный (флексию), акцентная парадигма таких слов в протославянских говорах и в праславянском языке была окситонированной, ср. \**vъdovā*, \**gvъzdā*, \**dvorъ*, \**šcītъ*, \**dъnǫ*.

Таким образом, на наш взгляд, протославянская (и праславянская) окситонированная а. п. являлась вариантом протославянской (и праславянской) баритонированной а. п. Обе парадигмы характеризовались восходяще-нисходящей интонацией: баритонированная а. п. — однослоговой или двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией (второй интонированный слог был корневым или суффиксальным), окситонированная а. п. — только двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией (второй интонированный слог содержал в себе тематический гласный).

В протолитовских говорах (и в пралитовском языке) при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации тоническая и динамическая вершины находились в конце первого интонированного слога (поскольку при однослоговой восходяще-нисходящей интонации тоническая и динамическая вершины находились в конце первой моры долгого гласного), т. е. из двух интонированных слогов ударяемым являлся первый. В связи с этим акцентная парадигма слов с двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией в протолитовских говорах и в раннем пралитовском языке (до действия закона де Соссюра) была баритонированной даже тогда, когда второй компонент интонации приходился на тематический гласный (флексию). Но в раннем пралитовском языке (до сокращения долгих дифтонгических сочетаний) некоторые формы слов, характеризующиеся двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией на двух последних слогах, испытали перемещение ударения (иктуса) с предпоследнего слога на конечный, ср. лит. *gankā* (им. п. ед. ч), по *gāikā* (вин. п. ед. ч.); *vedū* (1 л. ед. ч.), но *vēda* (3 л.). Указанное литовское передвижение ударения на конечный

слог обусловлено действием закона де Соссюра. Этот закон Ф. де Соссюр сформулировал так: «в некоторую эпоху, предшествующую распадению на диалекты (которая во всем остальном не определена), ударение регулярно переносилось на последующий слог, когда оно падало на слог с циркумфлексной (*geschliffen*) интонацией, непосредственно после которого находился слог с акутовой (*gestossen*) интонацией» [26]. Речь идет, собственно, о перенесении ударения слога с восходящей интонацией на последующий слог с нисходящей интонацией<sup>3</sup>. На наш взгляд, литовское передвижение ударения по закону де Соссюра является передвижением в пределах двух последних слогов, охваченных двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией: с первого интонированного слога (краткостного), характеризовавшегося повышением тона, на второй интонированный слог (с сокращающимся долгим гласным), характеризовавшийся понижением тона, а точнее, с конца первого интонированного слога на начало второго интонированного слога. Указанное передвижение ударения происходило только при сокращении долгого гласного второго интонированного слога<sup>4</sup>. Если второй интонированный слог был краткостным, ударение оставалось на первом интонированном слоге (краткостном), ср. лит. *pīštās* 'палец', *bėbrus* 'бобр', *dūgnas* 'дно'.

В праславянском и в пралитовском языках долгие дифтонгические сочетания претерпели сокращение долготы слогового элемента. Поскольку однослоговая восходяще-нисходящая интонация долгих дифтонгических сочетаний находилась на долгом слоговом элементе, то указанное сокращение привело к определенной трансформации однослоговой восходяще-нисходящей интонации: теперь на сократившемся слоговом элементе оставался только первый компонент восходяще-нисходящей интонации (повышение тона, в пралитовском языке — с тонической и динамической вершинами), второй же компонент восходяще-нисходящей интонации (понижение тона, в праславянском языке — с тонической и динамической вершинами) переместился на получивший слоговость сонант (в позиции сонанта перед согласным, а также в конце слова)<sup>5</sup> или на следующий слог (в позиции сонанта перед гласным), ср., например, в праславянском: инф. \**bōrtei* <\**bōrtei*> \**bōrtī* (= \**bortī*), но 1 л. ед. ч. през. \**bōrōn* > \**borōn* > \**borō*; в пралитовском: инф. \**bārtei* > \**bārtei*, но 1 л. ед. ч. \**bārō* > \**bārō* (знаком ' в пралитовском языке обозначаем повышение тона на кратком гласном, понижение тона на следующем слоге не обозначаем). В первом случае восходяще-нисходящая интонация сохранялась в слоге, во втором случае она выходила за пределы одного слога (становилась двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией).

Чередясь с однослоговой восходяще-нисходящей интонацией, праславянская (и пралитовская) двуслоговая восходяще-нисходящая интонация несомненно являлась позиционным вариантом однослоговой восходяще-нисходящей интонации. Поскольку при праславянской двуслоговой восходяще-нисходящей интонации тоническая и динамическая вершины находились, как и при однослоговой восходяще-нисходящей интонации, в начале второй интонированной моры, т. е. они приходились на начало второго интонированного слова (из двух интонированных слогов

<sup>3</sup> Ф. де Соссюр, говоря о причинах установленного им перенесения ударения, указывает на близость тонических вершин при восходящей интонации ударяемого слога и нисходящей интонации последующего (неударяемого) слога, что создавало кригическое положение для ударения [26; ср. 27].

<sup>4</sup> В отношении закона де Соссюра наша позиция очень близка к позиции Е. Курловича, который этот закон тоже понимает как передвижение ударения с предпоследнего слога на конечный и причиной указанного передвижения ударения тоже считает сокращение некоторых литовских окончаний [28].

<sup>5</sup> Следует отметить, что получение слоговости согласным сонантом — вторым элементом долгих дифтонгических сочетаний — в праславянском и пралитовском языках, происходившее притом в обоих языках в одних и тех же позициях (в позиции сонанта перед согласным, а также в конце слова), было вызвано, на наш взгляд, одной и той же причиной: сокращением долготы слогового элемента долгих дифтонгических сочетаний. Под влиянием долгих дифтонгических сочетаний согласный сонант кратких дифтонгических сочетаний (в позиции перед согласным, а также в конце слова) тоже получил слоговость, как в праславянском языке, так и в пралитовском.

ударяемым являлся второй), то в том случае, когда второй интонированный слог был копечным, чередование однослоговой и двуслоговой восходяще-нисходящих интонаций обуславливало чередование баритонезы и окситонезы в различных формах одного и того же слова (типа \*bórti, \*borġ). Действительно, кроме глагола \*bórti, целому ряду глаголов с дифтонгическим сочетанием в корне, утратившим долготу слогового элемента, свойственно чередование баритонированной а. п. (однослоговая восходяще-нисходящая интонация) и окситонированной а. п. (двуслоговая восходяще-нисходящая интонация), например: \*porġi, \*porġ; \*kólġi, \*kolġ; \*mélġi, \*melġ; \*pélġi, \*pelġ; \*tǃġi, \*tǃġ; \*dǃġi, \*dǃmġ; \*mǃġi, \*mǃmġ; \*žǃġi, \*žǃmġ; \*čúġi, \*čǃvġ; \*plǃġi, \*plǃvġ; \*bǃġi, \*bǃjġ; \*súġi, \*sovġ и др.

В пралитовском языке тоническая и динамическая вершины двуслоговой восходяще-нисходящей интонации, являющейся позиционным вариантом однослоговой восходяще-нисходящей интонации, находились (как и при однослоговой восходяще-нисходящей интонации) в конце первой интонированной моры, т. е. в конце первого интонированного слога, но в дальнейшем они переместились с первого интонированного слога на второй интонированный слог (точнее, с конца первого интонированного слога на начало второго интонированного слога): \*bàrō > лит. barù. В пралитовском языке чередование однослоговой восходяще-нисходящей интонации с двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией типа \*bártei, bārō (> лит. bárti 'бранить', barù) было свойственно целому ряду глаголов с дифтонгическим сочетанием в корне, ср. лит. kálġi 'вбивать', kalù (3 л. kála); máġi 'молоть', malù (māla); tirti 'исследовать', tiriù (tìria); dùmġi 'дуть', dumiù (dùmia); mǃġi 'мять', minù (mǃna).

В праславянском и в пралитовском языках слоговость получил не только второй элемент долгих дифтонгических сочетаний, но и второй элемент кратких дифтонгических сочетаний (в позиции перед согласным, а также в конце слова). Слог, содержащий краткое дифтонгическое сочетание, при получении слоговости вторым элементом дифтонгического сочетания (согласным сонантом) становился долготным. Если долготным становился первый из двух слогов, охваченных двуслоговой восходяще-нисходящей интонацией, то в праславянском языке и в протоаукштайтских говорах пралитовского языка повышение тона происходило на обоих элементах дифтонга или дифтонгического сочетания, причем в протоаукштайтских говорах тоническая и динамическая вершины, которые при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации всегда находились в конце первого интонированного слога, прились на второй элемент дифтонгов и дифтонгических сочетаний; понижение тона (с тонической и динамической вершинами в праславянском) оставалось на следующем слоге. В связи с утратой в аукштайтских говорах литовского языка старых интонационных различий повышение тона на ставшем долготным первом интонированном слоге (содержащем дифтонг или дифтонгическое сочетание) трансформировалось в литовскую восходящую интонацию — циркумфлекс (через стадию — долгота с иктусом на втором элементе), ср. лит. pĩštas 'палец', skištas 'бердо', vārtai 'ворота'. Циркумфлекс в литовском языке имеют также удлинившиеся гласные a, e некопечного слога, на которые в пралитовском языке приходился первый компонент двуслоговой восходяще-нисходящей интонации, ср. лит. pādas 'под; подошва', šāmas 'сом', bēbrus 'бобр'. Считается, что в литовском языке подударные краткие гласные a, e в неокпечном слоге удлинлись (в отличие от подударных кратких гласных i, u, сохранивших краткость) и получили циркумфлекс (см., например, [29]). На наш взгляд, циркумфлекс удлинвившихся гласных a, e является рефлексом повышения тона (первого компонента двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) на удлинвившихся гласных (повышение тона охватило весь удлинвившийся гласный, причем тоническая и динамическая вершины прились на конец удлинвившегося гласного), т. е. мы считаем, что во время удлинения подударных кратких гласных a, e в аукштайтских говорах литовского языка еще существовала двуслоговая восходяще-нисходящая интонация пралитовской природы. Если гласный с повышением тона (первым компонен-

том двуслоговой восходяще-нисходящей интонации) в литовском языке оставался кратким (гласные *i*, *u*), на нем возникло литовское краткое ударение (динамическое ударение на месте динамической вершины былой двуслоговой восходяще-нисходящей интонации), ср. лит. *dūgnas* 'дно', *dūgys* 'двери', *kibiras* 'ведро'.

Следует подчеркнуть, что до получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации как в праславянском языке, так и в пралитовском, происходило только на краткостном слоге, после получения слоговости вторым элементом кратких дифтонгических сочетаний (и превращения в связи с этим краткостного слога, содержащего краткое дифтонгическое сочетание, в долготный слог) повышение тона при двуслоговой восходяще-нисходящей интонации и в праславянском языке, и в протонауштайтских говорах пралитовского языка происходило как на краткостном, так и на долготном слоге.

Балто-славянская восходяще-нисходящая интонация была свойственна не только протославянским и протолитовским говорам, но также протолатышским и протопрусским говорам. В связи с этим, исходя из предложенного нами объяснения происхождения праславянской окситонированной а.п. (и отсутствия такой парадигмы в пралитовском языке), можно сделать общий вывод, что окситонированная а.п. имела место в тех балто-славянских говорах, в которых тоническая и динамическая вершины при восходяще-нисходящей интонации находились в начале второй интонированной моры (ударяемой являлась вторая интонированная мора). Показание латышского языка — в частности, тот факт, что при латышской длительной интонации, которая по происхождению соответствует литовскому акуту в баритонированной а.п., голос под конец дифтонга или долгого гласного становится сильнее и выше [30] — позволяют предположить, что в протолатышских говорах и в пралатышском языке тоническая и динамическая вершины при восходяще-нисходящей интонации находились в начале второй интонированной моры, а это свидетельствует, на наш взгляд, о существовании в протолатышских говорах и в пралатышском языке окситонированной а.п. Аналогичный вывод можно сделать также в отношении протопрусских говоров и прапрусского языка, учитывая показания древнепрусского языка (факты типа *rogaut*: лит. *ragauti*, боит: лит. *būti*). На существование в древнепрусском языке окситонированной а.п. указывают, кроме того, и иного рода факты (см. 12, S. 300). То обстоятельство, что в древнепрусском языке, по всей вероятности, имела место окситонированная а.п. [31; 32; 3; 12, S. 288—289, 300], являлось одной из причин неприятия Х. Стангом правила Дыбо—Иллич-Свитыча [12, S. 289]. Но обстоятельство, о котором идет речь, имеет непосредственное отношение не к самому правилу Дыбо—Иллич-Свитыча, а к объяснению В. М. Иллич-Свитычем преобразования индоевропейской баритонированной а.п. слов с краткостным корнем в славянскую окситонированную а.п., в частности к выводу о том, что указанное преобразование — специфически славянский процесс. С этим выводом, как и с объяснением В. М. Иллич-Свитыча происхождения славянской окситонированной а.п., действительно, трудно согласиться, но само правило Дыбо—Иллич-Свитыча является, на наш взгляд, надежным и убедительным. На нем основывается и предложенное нами объяснение происхождения праславянской окситонированной а.п.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Hirt H.* Akzentstudien.— Indogermanische Forschungen, 1899, Bd. 10, S. 44—48.
2. *Meillet A.* Sur l'accentuation des noms en indo-européen.— Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1916, v. 19, p. 74—75.
3. *Stang Ch. S.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957, p. 174.
4. *Дыбо В. А.* Рец. на кн.: L. Sadnik. Slavische Akzentuation. I. Die vorhistorische Zeit. Wiesbaden 1959.— Вопросы языкознания, 1960, № 6, с. 116.
5. *Дыбо В. А.* Рец. на кн.: Ch. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.— В кн.: Структурно-типологические исследования. М., 1962, с. 222—224.
6. *Дыбо В. А.* О реконструкции ударения в праславянском глаголе.— Вопросы славянского языкознания, 1962, вып. 6, с. 3—6.

7. *Иллич-Свитич В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском: Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
8. *Дыбо В. А., Иллич-Свитич В. М.* К истории славянской системы акцентуационных парадигм.— В кн.: Славянское языкознание: Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963, с. 74—81.
9. *Колесов В. В.* Относительная хронология просодических изменений в праславянском.— В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л. 1979, с. 124.
10. *Герценберг Л. Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981, с. 16, 18.
11. *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave, t. 1. Paris, 1976, p. 16.
12. *Stang Ch. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo etc., 1966.
13. Этимологический словарь славянских языков, вып. 2. М., 1975, с. 80.
14. *Етимологічний словник української мови. Т. 1.* Київ, 1982, с. 196.
15. *Пешикан М.* О пореклу словенских акцентатских типов (осврт на студију советског акцентолога В. М. Иллича-Свитича).— *Јужнословенски филолог*, 1966—1967, књ. 27, св. 1—2, с. 249—262.
16. *Дыбо В. А.* Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981, с. 22, 26.
17. *Фортуатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. 1. М., 1956, с. 358.
18. *Mikkola J. J.* Urslavische Grammatik, T. 1. Heidelberg, 1913.
19. *Гршић S.* Slavenska poredbena gramatika. Zagreb, 1970.
20. *Тронский И. М.* Древнереческое ударение. М.—Л., 1962, с. 41.
21. *Gerullis G.* Litauische Dialektstudien. Leipzig, 1930, S. 43. 44.
22. *Laigonaite A.* Dėl lietuvių kalbos kirčio ir priegaidės supratimo.— *Kalbotyra*, 1. Vilnius, 1958, p. 93.
23. *Григнавецкис В.* Историческое развитие ударения и интонаций жемайтских говоров литовского языка (в сравнении с латышским).— *Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР*, 1964, вып. 41. Славянская и балтийская акцентология, с. 8.
24. *Zinkevičius Z.* Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966, p. 34.
25. *Лаучюте Ю. А.* Акцентуационные особенности имен существительных в жемайтском диалекте литовского языка.— В кн.: Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979, с. 151.
26. *Соссюр Ф. де.* Литовская акцентуация.— В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 620.
27. *Дыбо В. А.* Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии.— В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 586.
28. *Kuryłowicz J.* L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952, p. 243—245, 507.
29. *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego, t. 1. Warszawa, 1958, s. 223—226.
30. *Endzelin J.* Über den lettischen Silbenakzent.— *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, Bd. 25. 1899, S. 259.
31. *Фортуатов Ф. Ф.* Об ударении и долготе в балтийских языках. 1. Ударение в прусском языке.— *Русский филологический вестник*, 1895, кн. 33, с. 271—272.
32. *Van Wijk N.* Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme: Ein Beitrag zur Erforschung der baltisch-slavischen Verwandtschaftsverhältnisse. Amsterdam, 1923, S. 46.



## ПОЭТ И У[ПЫРЬ]

(к 150-летию со дня смерти А. И. Полежаева)

Изучение мотивов вампиризма в русской литературе выявляет инославянские (южнославянские) их истоки. В специальной статье на эту тему упоминался и Полежаев, но бегло, вскользь [1], между тем как относящийся к данному вопросу материал заслуживает пристального и углубленного внимания. Здесь имеются неразгаданные, спорные моменты, возможность предложить некоторые гипотетические решения текстологического и смыслового порядка. Реконструируется целый и довольно связный лирический сюжет, окруженный ореолом романтической легенды. Начнем с попытки изложить этот сюжет в самых общих чертах.

Распорядившись отдать автора возмутительной поэмы «Сашка» в солдаты, царь Николай I поцеловал его, о чем повествует со слов Полежаева Герцен в «Былом и думах» и пишет сам поэт в одном из стихотворений: «лобызая удушил». Этот Иудин поцелуй оказался укусом вампира. Император-кровосос высочайше обрек свою жертву на страшные муки, лишив ее ценнейшего дара — свободы:

В те времена, когда вампир  
Питался кровию моей,<sup>1</sup>  
Когда свобода, мой кумир,  
Узнала ужасы цепей...

Эти муки были смертельными, и страдалец увядал, погибал, расставался с жизнью, погружался во мрак небытия, но не мог раствориться в нем окончательно — оставался одиноким страшником-отверженцем. Отсюда оксюморонные автохарактеристики поэта: «труп живой», «живой мертвец», который проклят небом и «не приемлется землей». Имеется в виду заразительность вампиризма. Укушенного упырем смерть не успокаивает, он сам становится кровопийцей, вурдалаком, через силу несущим бремя ожесточенного человеконенавистничества. Такова демоничная, inferнальная фигура романтического героя этой разновидности, который неутолимо жаждет самоуничтожения:

Всем постылый, чужой,  
Никого не любя,  
В мире странствую я,  
Как вампир гробовой!..

Свою жажду мщения байронический герой-вампир стремится «живую кровью утолить». Но еще более алчет покоя. Согласно славянскому поверью, для того чтобы обезвредить вампира — изгнать из него нечистую силу и тем самым умиротворить его, нужно вбить в его тело осиновый кол. И еще — воткнуть такой кол (а то и несколько колов) в его могилу. Но никто не найдет могилу таинственного полежаевского героя, с тем

чтобы почтить ее хотя бы вот таким вниманием:

И нет ни камня, ни креста,  
Ни огородного шеста  
Над гробом узника тюрьмы,  
Жильца ничтожества и тьмы...

Отсутствующие камень и крест — традиционные атрибуты надгробья (ср. со словами известной песни: «Не скажет ни камень, ни крест, где легли...»). Но огородный шест? По-видимому, это и есть тот осиновый кол, которого так не хватает при захоронении вампира — мертвеца, но отнюдь не покойника. И герою суждено остаться кровопийцей до той поры, пока не будет совершен спасительный для людей и успокаивающий его самого обряд.

Таков вкратце изложенный лирический сюжет, объединяющий указанные мотивы разных стихотворений Полежаева («Арестант. Александр Петрович Лозовскому», «Песнь погибающего пловца», «Живой мертвец», «Вечерняя заря», «Цепи», «Красное яйцо»). В контексте полежаевской поэзии он представляется магистральным — очень характерным и значительным: да к тому же и политическим, поскольку все началось с жуткой царской «милости». Николай I — главный вампир великой державы, а укусы его лобзаний губительны для подданных. Впоследствии ассоциация «царь — кровопийца» стала, кажется, вполне привычной, подсказана же она впервые неким иным, как Полежаевым.

Теперь попробуем «прочитать» одно зашифрованное место в стихотворении «Арестант», которое в разные времена расшифровывалось поразному. Речь там как раз идет о том, как царь «лобызая удушил» поэта. Царь назван иносказательно, заглавными буквами слов. В рукописи (факсимиле воспроизводилось в изданиях Полежаева) это выглядело следующим образом:

Вторый Н... Ис.....  
У..... Б. .. и Н...

В академическом издании полежаевских стихотворений 1933 г. В. В. Баранов предложил свое чтение данного фрагмента и такую аргументацию: «Начальные буквы имени Ис..... с обусловленную ритмически мужскою рифмой, подсказывают, в связи со следующей ниже строкой: „И лобызая — удушил“, слово „Искариот“. Тип ненарушаемого смежного рифмования обывал в окончании парной рифмы искать двусложного (неясно, почему именно двусложного? — А. И.) имени, начинающегося на Н, с окончанием на „от“ или „од“. Поиски исторического или библейского имени, удовлетворявшего этим требованиям, дали нам одно лишь имя — Немврод, тем более вероятное, что оно в поэзии приобрело широко нарицательный смысл, обозначая упорного гонителя, каким и является для поэта Николай I. Славянская форма „второй“ вместо „второй“ ограничивает искание следующего на Н имени пределами царственных или библейских имен; наиболее вероятным из них является имя Нерон. Первое слово 63-го стиха: „у...“, как соотношенное к „удушил“, оказывается слово „удав“, второе той же строки может быть эпитет к слову Немврод — „божественный“. Нагромождение образов: Нерон, Искариот, Немврод, удав — кажущееся, так как образы являются цепью единой гневной диатрибы:

Вторый Н[ерон], Ис[кариот],  
У[дав], Б[ожественный] Н[емврод]  
Его враждой своей почил  
И, лобызая, удушил [2].

Тут очень убедительна расшифровка первой строки и явно неубедительна расшифровка второй. Немврод — божественный?? и почему-то вообще исчез из стиха союз «и». В 1939 г. Н. Ф. Бельчиков предложил новое чтение, восстанавливающее этот союз, но никак не аргументированное

и совершенно неправдоподобное:

Второй Н[ерон], Ис[карпот],  
У[бывший] Б[ратъев] и Н[арод] [3].

Несмотря на небоснованность такого текстологического решения, оно было не только не отведено, но даже и ухудшено в 1977 г. И. Д. Ворониным и А. К. Чебаковой, воспроизведшими данный стих в невозможной редакции — с нарушением рифмы и с женской клаузулой (в то время как в «Арестанте» используются исключительно мужские): «Убийца Братъев и Народа» [4].

В. В. Баранов не собирался отступаться ни от «удава», ни от «Немврода», тем более, что последний лег в стих как-то особо внушительно: в самом деле веришь, что там именно Немврод. В 1957 г. исследователь, восстанавливая пропущенный им ранее союз «и», заменил вариант «Удав, Божественный Немврод» вариантом «Удав Бразильский и Немврод» [5]. К настоящему времени, можно считать, как раз этот последний вариант и победил: его принял В. С. Киселев-Сергенин, которым подготовлен итоговый, предьобидный сборник стихотворений Полежаева [6]. Однако едва ли этот итог — окончательный и безупречный.

Топонимическое прилагательное *бразильский* (предпочтительные старье формы — бразильский или бразилианский, т. е. неподходящие к данному стихотворному метру) неупотребительно в поэзии XIX в.; естественное в детском стихотворении Маршака или в песне Ножкина, оно отнюдь не органично для полежаевского текста. Мотивировано оно лишь необходимостью подобрать логически уместное определение к слову удав — в свою очередь весьма сомнительному.

Дело в том, что и слово *удав* чуждо поэтическому языку полежаевской эпохи, хотя к тому времени зафиксировано в словаре. Оно не встречается ни у Пушкина, ни у Лермонтова, не обнаружено в стихах многих их современников. Иллюзию его уместности в рассматриваемом фрагменте «Арестанта» создает соседство глагола *удушить*. Удушил — значит, удав. Но заметим, что змеи в стихах Полежаева не душат, а жалят, впиваются, высасывают сердце. Душителями же, с которыми ассоциируется образ царя, являются не змеи. В том же «Арестанте»:

Поймешь ли ты, что царский долг  
Есть не душить, как лютой волк,  
По алчной прихоти своей  
Милльоны страждущих людей...

Волк, а не удав. Кстати, представление о волке входит в вампирственный комплекс: вурдалак — вукодлак (волчья шкура). В стихотворении «Рок» душитель-царь напоминает лису или хорька, но не удава:

И Русь, как кур, передумил  
Ефрейтор-император.

Судьба этого стихотворения — и не только его — крайне удивительна. В 1829 г. в III Отделение поступил донос на Полежаева, прилагались списки стихотворений «Рок», «Вечерняя заря» и других, содержащих антиправительственные мотивы. А в 1832 г. опубликован сборник опального поэта, в который вошли названные вещи. Разумеется, строчки об императоре, задумавшем Русь, в публикации отсутствуют, но все остальное в сохранности, включая гладиатора, с которым рифмуется замененный точками император. Столь же естественно, в книге не напечатано о том, что «...родная страна Палачу отдана» — точки вместо этих слов, однако, за их вычетом элегия «Вечерняя заря» цензурой пропущена в печать [7]. Вот вам и «гонения царской цензуры», о которых обычно принято писать с негодованием! Можно было бы ожидать (и такое казалось бы нам вполне закономерным), что стихи политически скомпрометированного поэта-солдата, поэта-узника вовсе не увидят печати. Но нет же. Потери тут как раз минимальны, и в советское время их удалось восполнить благодаря тому са-



тому доносу 1829 г., в котором полежаевские тексты даны без купюр. В книге же 1832 г. сами по себе ряды точек, вклинивающиеся в стихотворные тексты, информировали читателя о том, что вот здесь у поэта нечто политически взрывчатое — скорее всего высад против государя. Такие ряды заметны даже при беглом просмотре, при торопливом перелистывании книги! Умолчание, которое может быть громче слов...

Но вернемся к «Арестанту». Если нас не устраивает слово *удас* на букву «у», то чем его заменить? Каким осуждающим царя названием? Вариант с «убийцей» или «убившем» уже рассматривался. Существительное *урод* дало бы стиху богатую внутреннюю рифму *урод — Немрод*, однако Николай I был внешне достаточно благообразен и приписывать ему физические недостатки не было оснований (другое дело — «кривоногий штаб-солдат», которого притесненный им Полежаев назвал уродом в стихотворении «Еще нечто»). Наиболее вероятным представляется тут *упырь*. Слово древнее, и в современном его значении оно употреблялось в те годы. У Пушкина: «Съест упырь меня совсем». Через несколько лет у А. К. Толстого — целый филологический этюд об этом слове. В контексте полежаевского стихотворения оно уместно ввиду изложенных выше соображений. Кстати, упоминавшийся уже мотив «огородного пестя», связанный с темой вампиризма, — из того же «Арестанта».

Труднее восстановить второе слово этой строки, начинающееся буквой Б. Оно должно быть трехсложным с ударением на втором слоге, чтобы уложиться в метр стиха, поэтому исключено, скажем, имя Бриарей (а жаль, ибо Бриарей и Немрод составили бы удачную пару). Легче всего предположить, что это прилагательное, определение к слову *упырь*; возможно, начинающееся префиксом *без-*, типа *бездушный* или что-нибудь в этом духе. Впрочем, гадать здесь не приходится, почва для этого слишком зыбкая. Итак: у[п[ырь]Б. ..и Н[емрод]. На *упыре* все же хотелось бы настаивать: литера У располагает к решению очень соблазнительному и, так сказать, «укладывающемуся в концепцию».

Литера У явилась камнем преткновения и в другом антицарском стихотворении Полежаева «Опять нечто», тоже с пропусками и сокращениями некоторых слов до одной начальной буквы. Оно выдержано в форме обращения обездоленных солдат к ненавистному императору. Там есть такие строки: «Так у..... / Православный наш царь / Николай государь». Н. Ф. Бельчиков в свое время предложил следующую расшифровку первой из них: «Так умри же теперь». Впоследствии она была принята И. Д. Ворониным, но справедливо отвергнута — еще в 1955 г. — В. И. Безъязычным, заявившим: «Это чтение пами не принимается ввиду его произвольности» [8]. В самом деле, оно не оправдано логикой текста и к тому же еще нарушает рифму: *теперь — царь* (?). Однако другого чтения не предложено. Попытаемся восполнить этот пробел.

Солдаты, обращаясь к Николаю, сетуют на то, что были им обмануты: доверились его обещаниям облегчить их жизнь, возвели его на престол — и остались ни с чем, положение их еще хуже прежнего. Как долго это может продолжаться? «Или думаешь ты / Нами вечно играть?» — спрашивают они его. Но не выйдет! Они достаточно поумнели для того, чтобы не быть обманутыми еще раз, и накопили много злобы на царя. Предлагаемое нами чтение загадочного стиха: «Так умней мы, чем встарь». Таким образом восстанавливается тройная рифмовка, и конфигурация рифм в концовке стихотворения (ааабвбв) оказывается идентична той, какая принята в элегии «Вечерняя заря». Сопоставим тексты:

Так у[мней мы чем встарь],  
П[равославный] наш [царь],  
Н[иколай] г[осударь].  
Ты бо[лван] наших р[ук].  
Мы склеили тебя  
И на тысячу штук  
Разобьем, разлюбим!  
(«Опять нечто»)

Я не цвет полевой:  
Не губительный зной  
Пролетел надо мной.  
Я увял — и увял  
Навсегда, навсегда.  
И блаженства не знал  
Никогда, никогда!  
(«Вечерняя заря»)

Разумеется, наши построения гипотетичны и не могут претендовать на авторитетность непреложно-единственного решения проблемы. Они «...стремятся удовлетворить любопытство пылешнего читателя и отвечают на те вопросы, которые он может задать. Подлинным текстам нет дела до наших вопросов — они не дают на все ответы, как хорошо подготовленные ученики, а ставят нас перед новыми, неожиданными проблемами» [9]. Слово поэта, тем более не дошедшее до нас, пропущенное или зашифрованное, тяготеет к жанру загадки. Слово восстановителя-реконструктора — к жанру отгадки, которая должна, но далеко не всегда может быть идеально точно, дословно адекватна загадке. Разумный ответ на вопрос — и тот не обязательно точен. Если бы были обнаружены подлинные полежаевские тексты, то, возможно, они поставили бы нас перед новыми вопросами. Какими? Неизвестно. Мы же, восполняя текстовые пробелы, новых вопросов не выдвигаем: лишь бы ответить на те, которые вызваны частичной утратой текста.

Поэтическое слово Полежаева сочетает в себе пласт культуры и пульс так называемой «живой жизни», литературную традицию, этническое начало и личное выстраданное переживание крайнего эмоционального накала, переходящего в трагический надрыв. Измученный солдат полузадушенно хрипит: «Кровопийцы...», проклиная своих гонителей во главе с царем, — какая уж тут, казалось бы, культурность и литературность? Но ведь есть и то и другое. Есть оглядка и опора на традицию, образованность и цитатность. Не простой солдат, а вчерашний студент Московского университета. Народные славянские представления об упырях переплелись в его сознании с мотивами вампиризма у Байрона и, возможно, французских писателей и приумножены страдальческим личным опытом.

Автор последней книги о Полежаеве отмечает многообразные совмещения всевозможных несовместимостей в мировоззрении и творчестве поэта [10]. «Неоднослоен, противоречив». В самом деле: демократ, слитый с солдатской массой, грубовато-общительный, разделивший общие тяготы с простолюдинами в солдатских шинелях, — и одинокий отверженец, в разладе со всем миром, «вампир гробовой», демонический пустынный. Конечно, это совмещение удивительное. Но запечатленной в полежаевских стихах сущностью жесточайшего конфликта между поэтом и царственным «упырем» оно оправдано.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Иљушин А.* О једном југословенском мотиву у руској књижевности.— Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Матица српска. Нови Сад, 1980, с. 158.
2. *Полежаев А. И.* Стихотворения. Редакция, биографический очерк и примечания В. В. Баранова. М.—Л., 1933, с. 618—619.
3. *Полежаев А. И.* Полное собрание стихотворений. Вступительная статья, редакция и примечания Н. Бельчикова. Л., 1939, с. 91.
4. *Полежаев А. И.* Стихотворения. Сост. И. Д. Воронин и А. К. Чебакова. Саратов, 1977, с. 64.
5. *Полежаев А. И.* Стихотворения и поэмы. Вступительная статья Н. Ф. Бельчикова, подготовка текста В. В. Баранова. Л., 1957, с. 72.
6. *Полежаев А. И.* Стихотворения и поэмы. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. С. Киселева-Сергеева. Л., 1987, с. 76.
7. Стихотворения А. Полежаева. М., 1832.
8. *Полежаев А.* Сочинения. Вступительная статья и примечания В. И. Безъязычного. М., 1955, с. 436.
9. *Лотман Ю. М., Лотман М. Ю.* Вокруг десятой главы «Евгения Онегина». — Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986, с. 150.
10. *Васильев Н. Л.* А. И. Полежаев. Проблемы мировоззрения, эстетики, стиля и языка. Саратов, 1987, с. 30—31.



## К ИЗУЧЕНИЮ «ВЕЛИКОГО ЗЕРЦАЛА»

«Великое Зерцало прикладов» является, несомненно, самым известным памятником русской переводной литературы XVII в. Хотя оба существующих перевода неоднократно привлекали внимание исследователей<sup>1</sup>, разрешены далеко не все вопросы литературной истории «Великого Зерцала» на русской почве, в частности, отсутствует полное текстологическое исследование памятника и, как следствие, его научное издание (ср. [1]).

В последнее время целый ряд ценных наблюдений над переводами латинского сборника «Magnum speculum exemplorum» как на польский, так и на русский языки сделала Б. Вальчак-Срочиньская, определившая издания, с которых были сделаны переводы с латинского на польский, а затем с польского на русский языки [3]. В свое время О. А. Державина, подытоживая наблюдения над польскими изданиями «Великого Зерцала» С. Ф. Шевченко (см. [4]), П. В. Владимирова [5, с. 14] и свои собственные, перечислила издания 1621, 1624, 1633 и 1690—1691 гг. [1, с. 20]. Б. Вальчак-Срочиньская, исходя из сведений «Польской библиографии» К. Эстрейхера [6] и фактического наличия книг в польских библиотеках, считает, что были издания 1612, 1621, 1633 и 1690—1691 гг. [3, с. 494]<sup>2</sup>. Экземпляры этих изданий подробно описаны Я. Рудницкой [7, с. 192—194]. Издание 1624 г. польским библиографам неизвестно и Вальчак-Срочиньская считает его упоминание ошибкой [3, с. 496]. Между тем в БАН СССР (шифр: Лопатинский 1171а) и ГБЛ (Музей книги, инв. № VIII—2674) есть экземпляры хорошей сохранности издания 1624 г. Приводим описание по экземпляру БАН.

Wielkie zwierciadło przykładów.— Kraków: Druk. M. Andrzejowczyka, 1624; 2°.

Состав: тит. л. об.: «Do czytelnika»; нн. с. 2—4: Regestr Autorow starych; с. 1—1352: текст; нн. с. 1—4; Regestr Tytułow wielkiego Zwierciadła Przykładów, wedle porządku obiecáń; нн. с. 4—6: Drugi Regestr wedle porządku náuki Chrześciánskiey; нн. с. 6: изд. марка; колофон: W KRAKOWIE || W Drukárni Mácieiá Andrzejowczyká, || Roru Páńsk: M DCXXIV.

Тит. л. в рамке: [антиква, черн.:] WIELKIE || [красн.:] ZWIERCIA-  
DŁO || [черн.:] PRZYKŁADOW: || [красн.:] Więcej nizli z ośmi dzieiá-  
t Pisárzow, po || [черн.:] bożnością, nauką y stárowiecznością przezacnych: ||  
[красн.:] także z rozmaitych Historiy y Tráktatow Kościelnych | [черн.:]  
wyięte, przez iednego nie miánowánego, który żył || około Roku Páńskiego,  
1480. || [готич.:] Potym przez [красн.:] X. Janá Maiorá [ант., черн.:] So-  
cietatis [красн.:] Iesv, [готич., черн.:] dowodem sá- || mych Autorow obi-  
áśnione: tudzież też więcej nozli stem y sześciádzie- || siáť Przykładow roz-  
szerzone. || [курс.:] Potym z [красн.:] X. Antoniego Dauroulciusá [ант.,  
черн.:] Societatis [красн.:] Iesv, [курс., черн.:] Ktory || [готич.:] wielce

<sup>1</sup> История изучения переводов «Великого Зерцала» на русский язык подробно изложена О. А. Державиной и Б. Вальчак-Срочиньской [1, с. 9—16; 2].

<sup>2</sup> Издание 1612 г. называл и С. Ф. Шевченко [4].

známienitą Księgę [ант.:] Flores Exemplorum [готич.:] ábo [ант.:] Cathelichismum || Historialem, [готич.:] wydał/szeroko rozwiedzione. || Y náostátek || [курс.:] Przez [ант., красн.:] X. Symona Wysockiego [черн.:] Societatis [красн.:] Iesv [курс., черн.:] kapłaná/|| ná Polskie znowu przełożone y sporządzone. || [готич.:] Káždy nowy Tytuł y Przykład z gwiazdrą iest náznáczony/ y do swych Tutu-|| łow y máteriy/ porzá dkiem obiecádlá Polskiego na mieyscu swym położony. || [курс., красн.:] Z dozwolemtm [!] Stárzych. || [ант., черн.:] Cum Gratia & Priuilegio [красн.:] S. R. M. || [виньетка] || w Krakowie, || [черн.:] W Drukárni Mácieiá Andrzei owczyvá, || Roki Pánskiego, [красн.:] M DC XXIV.

6 нн. с., 1—149, 250—251, 152, 253—293, 394—399, 300—471, 474, 473—489, 498, 491—498, 409, 500, 501, 452—455, 156, 507—534, 553, 536—540, 542, 542—544, 527, 546—561, 762, 561, 564, 505, 566—584, 385, 586—595, 506, 591, 598, 599, 594, 601, 402, 603—608, 909, 610—613, 641, 615—618, 610, 620—624, 525, 626, 927, 628—634, 636, 636—637, 630, 639—649, 950, 651, 652, 553, 554, 655—666, 668, 668—675, 670, 677—728, 799, 730—795, 769, 797—846, 947, 848—868, 860, 870—876, 878, 878—906, 807, 808, 909—948, 94, 950—952, 935, 954—959, 946, 961, 902, 963, 963, 965—986, 988—1026, 1207, 1028—1073, 1056, 1075—1094, 1995, 1096—1169, 1164, 1171—1208, 1208, 1210—1238, 1238, 1240—1280, 128, 1282—1295, 1266, 1297—1317, 118, 1319—1331, 1324, 1333, 1344, 1335, 1346, 1337—1344, 12345, 1346—1349, 2350, 1351—1352 [=1250] с., 6 нн. с. = 631 л.

Сигнатуры: А—Zzzz<sup>6</sup> Aaaaa—Mmmmm<sup>6</sup> Nnnnn<sup>5</sup>.

В экземпляре БАН отсутствуют с. 125—128, в экземпляре ГБЛ — с. 1340—1344.

Из сравнения издания 1624 г. с подробными описаниями других видно, что оно очень сходно с изданием 1621 г. [7, с. 192—193]. Совпадает (за исключением года выхода) текст на титульном листе, в обращении «К читателю» в обоих изданиях сказано, что это второе издание «Великого Зеркала», совпадает пагинация (с. 1—1352) и нумерация «прикладов» (№ 1—1951), совпадают до известной степени и многочисленные ошибки в пагинации и нумерации, совпадают также сигнатуры (за исключением последней тетради, которая отсутствует в известных экземплярах изд. 1621 г., в том числе и в экземпляре БАН).

Не менее важны и различия между изданиями. Текст на титульном листе издания 1624 г. был набран заново (несколько раз не совпадает деление на строки). Расположение текста на странице, пагинация и нумерация «прикладов», а также ошибки в них сохраняются до с. 497 (сигнатура LI). Начиная с этой тетради, вместо готических инициалов использована антиква, расположение текста иногда не совпадает почти в половине строк, появляется разнорядность в пагинации и нумерации. Граница между совпадающими и не совпадающими частями изданий 1624 г. и 1621 г. проходит между с. 496 и 497. Идентичность первой части изданий 1624 г. и 1621 г. (в том числе и бумаги) позволяет предположить, что в издании 1624 г. были использованы листы издания 1621 г., а остальные листы (кроме листов Oo, Oo<sup>6</sup>, Qq, Qq<sup>6</sup>, Zzz<sup>2</sup>, Zzz<sup>5</sup> также из издания 1621 г.) набраны заново «страница в страницу». Этот принцип соблюдался строго и нарушен всего 13 раз преимущественно на несколько слогов и из них всего 6 раз более чем на одно слово. При этом отметим, что объем самих кустодов не совпадает чаще, более 20 раз (например, s. 878 соответственно более раннего и более позднего издания: twarz iego — twarz; s. 901; insza rzecz — insza).

Из этих наблюдений можно сделать вывод, что издание 1624 г. является вариантом издания 1621 г.

Б. Вальчак-Срочиньская установила, что появившийся в конце XVII в. второй перевод «Великого Зеркала» на русский язык был сделан с издания 1621 г. [3, с. 506—508]. Поскольку издания 1621 и 1624 гг. идентичны по составу, то вывод польской исследовательницы можно уточнить: второй перевод «Великого Зеркала» на русский язык был сделан с издания 1621 или 1624 гг.

1. *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.
2. *Wałczak-Sroczyńska B.* Z dziejów polsko-rosyjskich związków kulturalnych w XVII w. (Wschodniosłowiańska recepcja «Wielkiego Zwierradła Przykładów».) — *Przegląd Humanistyczny*, 1976, № 7, s. 19—29.
3. *Wałczak-Sroczyńska B.* «Wielkie Zwierradło Przykładów» — dzieje tekstologiczne. — *Slavia Orientalis*, 1976, № 4, s. 493—508.
4. *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин 18—20 февраля 1914 г. Киев, 1914, с. 5—6.
5. *Владимиров И. В.* Великое Зерцало. Из истории русской переводной литературы XVII в. М., 1884.
6. *Estreicher K.* Bibliografia polska. T. 22. Kraków, 1908, s. 47—48.
7. *Rudnicka J.* Bibliografia powieści polskiej 1601—1800. Wrocław, 1964.



## НОВОЕ ИЗДАНИЕ КАРЕЙСКОГО ТИПИКОНА САВВЫ СЕРБСКОГО

Среди древнейших памятников сербской письменности конца XII—начала XIII вв. находится Карейский типикон (далее КТ) — устав, данный первым сербским архиепископом Саввой основанному им на Афоне скиту. Это одно из первых, а может быть, и первое оригинальное произведение церковной литературы у сербов. По словам историка православной церкви И. Д. Мансветова, устав Карейской келии «в целом представляет своеобразный строй службы, отличающийся от всех известных уставов и приуроченный к келейному правилу» [1].

КТ стал известен П. Шафарику и Д. Даничичу и публиковался ими по очень поздним спискам. Затем ученые, посещавшие Афон, получили доступ к пергаменному свитку с текстом в 114 строк — древнейшему списку или, может быть, оригиналу КТ. В. И. Григорович, изучавший афонские древности осенью 1844 г., писал: «Типикарница св. Саввы сербского (так называется келия, где безмолвствовал сей святитель) имеет типик, писанный, кажется, собственной его рукой» [2]. Первое наборное воспроизведение этой рукописи осуществил архимандрит Леонид (Кавелин) [3].

В 1858 г. русской научной экспедицией под руководством П. И. Севастьянова были сделаны фотокопии древнейшей рукописи КТ. Снимки, представляющие текст КТ в целости и по частям, хранятся в отделе рукописей библиотеки им. Ленина (фонд П. И. Севастьянова). По этим фотографиям опубликовал КТ Л. Стоянович [4]. Издание не отличалось акуратностью: сличение подготовленного Стояновичем печатного текста КТ с фотокопиями открывает около 40 разночтений, в том числе весьма значительных.

В. Чорович, печатая в 1928 г. КТ вместе с другими приписываемыми Савве сочинениями [5], исправил ряд очевидных погрешностей предыдущего издания, но все-таки не достиг высокой точности. В его воспроизведении КТ обнаруживается около 20 буквенных расхождений с древнейшей рукописью. Это не было своевременно установлено, и издание Чоровича использовалось с презумпцией безупречности. А. Белич, например, рассматривая правописание йотированных букв в древнесербской письменности, оперировал некоторыми недостоверными фактами из публикации Чоровича [6].

Недавно древнейшая рукопись КТ воспроизведена в серии фототипических изданий, выпускаемых Сербской Академией наук, Национальной библиотекой Сербии и Матицей сербской [7]. Публикацию подготовил акад. Димитрие Богданович.

Новое издание КТ выполнено на пяти бумажных листах размером около 860×330 мм. каждый, помещенных в виде свитка в цилиндрический футляр, ради имитации формы афонского пергаменного свитка и условий его хранения. Два листа содержат выходные данные издания и статью Д. Богдановича о КТ на сербскохорватском и французском языках. На

отдельных листах следуют цветная репродукция древнейшей рукописи КТ, наборное воспроизведение ее текста и его перевод на современный сербскохорватский язык.

Д. Богданович сообщает сведения из истории КТ и о современном состоянии памятника. Написанная на тонком пергамене рукопись сильно обветшала. Местами текст неразборчив или совсем утрачен. Касаясь вопроса о датировке рукописи, Богданович признает достаточно вескими аргументы в пользу мнения, что афонский свиток с сохранившейся оригинальной печатью создан еще при жизни Саввы (ум. в 1235 г.).

Издатель указывает, что дата составления КТ, некогда читавшаяся в конце 113 строки, устойчиво повторяется в других списках устава; можно не сомневаться, что и в древнейшей рукописи был назван 1199 год. Позднейшая приписка даты между двумя последними строками появилась, по словам Богдановича, «не ранее XVIII, а вероятнее всего, только в прошлом веке». Можно было высказать определеннее: на снимках экспедиции Севастьянова, а, соответственно, и в изданиях Стояновича и Чоровича этой приписки нет, следовательно, ее внесли только во второй половине XIX или даже в XX в.

Несколькими фразами обобщенно характеризуется во вводной статье язык КТ. Со ссылками на работы А. Белича и П. Ивича отмечается, что в тексте представлена сербская редакция старославянского (церковнославянского) языка с некоторыми примечательными элементами сербской речи XIII в. Очевидны особенности рашской орфографической школы.

Излагая принципы издания КТ, Д. Богданович указывает, что рукопись КТ фоторепродуцирована в натуральную величину, а в сопровождающей снимок наборной транслитерации текста сохранены надстрочные буквы, но не воспроизведены точки, которые видны в рукописи над некоторыми буквами.

Для данного издания, сообщает Д. Богданович, им сделан новый перевод КТ на сербскохорватский язык. При этом первым переводчиком КТ назван Л. Миркович (1934), хотя первый опыт изложения КТ на современном языке принадлежит А. Гавриловичу (1900).

Цветная репродукция афонского свитка КТ, впервые воспроизведенная в печати в полном виде, дает достаточно ясное представление о современном общем виде и состоянии памятника, о трудностях чтения некоторых (немалых по площади) его участков и о необходимости реконструкции утраченных фрагментов текста. Однако возможность получить целостное зрительное представление о древнем памятнике — важная, но не конечная цель при фототипическом воспроизведении и публикации словесных древностей. От издания ожидается, что текст памятника станет доступен для чтения и пристального изучения в максимально возможном объеме. Цветная же репродукция в новом издании КТ недостаточно выразительна для детального исследования памятника. Уместно было бы воспроизвести весь текст или отдельные его участки с применением специальных средств фотографической техники (съемка с увеличением, подбор светофильтров и т. п.). На черно-белых фотографиях КТ, сделанных экспедицией Севастьянова, свободно читаются строки, почти не различимые в цветной репродукции.

Наборный вариант издания КТ в основном достоверно отражает текст древнейшей рукописи. Почти все неточности, присущие предшествовавшим изданиям, здесь устранены. Нельзя, однако, к сожалению, утверждать, что наборный текст безупречен. Так, в строке 20 вместо *д о в о л ь н е* должно быть *д о в о л ь н е*, на переносе со строки 64 на 65 вместо *о у т р е н и* должно быть *о у т р ь в и* (это слово встречается в КТ еще трижды и всегда с -рь-).

При реконструкции темных мест рукописи возможны разногласия и сомнения. Так, не представляется убедительным восстановление (и в этом и в изданиях Стояновича и Чоровича) глагольной формы *Гл̑ љ е т ь* во второй строке. Это, во-первых, единственный случай написания йотированной буквы *е* после согласного, что противоречит орфографическим закономерностям текста; во-вторых, в поздних списках КТ здесь фигури-

рует форма в Ъ щ а ю т ь; в-третьих, коптуры букв, видимые на снимках Севастьянова, более соответствуют последней форме.

Сомнения в прочтении некоторых слов (или букв) вызывают потребность в комментарии, который сопровождал бы наборную транслитерацию. При этом можно было бы описать условия употребления надстрочных двоеточий над некоторыми буквами. Судя по снимкам Севастьянова, две точки ставились над так называемыми двойными буквами, что наблюдается и в некоторых других южнославянских памятниках, например, во Вранешничском апостоле.

Карейский типикон Саввы Сербского, принадлежащий к самым значительным памятникам древнесербской письменности, заслуживает фундаментального критического издания, в работе над которым был бы обобщен опыт изучения этого и родственных текстов, применены современные технические средства и решения и учтены все материальные компоненты его истории, в частности многочисленные поздние списки и фотографические снимки, доставленные с Афона экспедицией Севастьянова, когда Карейский свиток находился, судя по всему, в значительно лучшем состоянии.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Мансветов И. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885, с. 266.
2. Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877, с. 26—27.
3. Леонид, архимандрит. Историческое описание сербской царской лавры Хиландаря и ее отношений к царствам сербскому и русскому.— ЧОИДР, 1867, кн. 4. М., 1867, с. 133—136.
4. Споменик Српске краљевске академије. Т. III. Београд, 1890, с. 163—164.
5. Списи св. Саве. Издао их др Владимир Ђоровић. Београд — Сремски Карловци, 1928, с. 5—13.
6. Гудков В. П. Карейски типик св. Саве као споменик историје српскохрватског језика.— Научни састанак слависта у Вукове дане. 11. Београд, 1981, с. 7—8.
7. Карейски типик светога Саве. Фототипска издања, 8. Београд, 1985.





## ИЗДАНИЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ ПЕСЕН ВУКА КАРАДЖИЧА

При жизни Вука Караджича собранные им произведения сербского песенного фольклора издавались неоднократно. После первых двух сборников — «Мала простонородна славено-српска пјеснарица» (1814) и «Народна српска пјеснарица» (1815) вышло в свет два четырехтомных издания песен — Лейпцигское (1823—1832) и Венское (1841—1862). Вскоре после смерти великого деятеля сербской культуры, в 1865 г. увидела свет пятая книга «Српских народних пјесама», которую готовил к изданию он сам; она была опубликована Венским издательским «Одбором» в составе О. Острожского, Ф. Миклошича и И. Суботича. Караджич предполагал издать и шестую книгу, опубликованную Венским «Одбором» в 1866 г. — «Српске народне пјесме (женске)». Ее составителем стал один из сотрудников Караджича — В. Врчевич. Некоторые песни из собрания Караджича вошли также в изданную в Вене в 1867 г. его книгу «Живот и обичаји народа српскога».

Однако все эти издания далеко не исчерпали сохранившееся не полностью и разрозненное песенное наследие Караджича, в 1881 г. часть рукописей была продана за 100 рублей сыном Караджича Дмитрием в Петербургскую публичную библиотеку, где они хранятся в целости, хотя порядок их нарушен при переплете. Другая часть собрания была откуплена у дочери Караджича Мины в 1884 г. Министерством просвещения Сербии на весьма выгодных для наследницы условиях: до конца ее жизни рукописи оставались у нее в Вене, а ей самой ежегодно выплачивалось 6 тыс. динаров (500 дукатов). После смерти Мины эта часть собрания была доставлена в Сербию и предоставлена в распоряжение «Државног одбора за издавање Вукових дела». Затем эта часть вместе с копиями рукописей, хранящихся в Петербурге, снятыми Л. Стояновичем, были переданы Сербской Академии наук и в годы второй мировой войны разделили участь других национальных достояний сербского народа. Какая-то часть рукописей, вероятно, безвозвратно погибла, а то, что сохранилось, было найдено в подвале здания на Бранковой улице в разбросанном и поврежденном виде. Понадобилась огромная работа сербских архивистов и исследователей, чтобы систематизировать и соотнести этот материал с книгами, издавшимися Караджичем и его преемниками.

Первую, не вполне удачную попытку издать неопубликованные тексты из собрания Караджича произвел «Државни одбор» в составе И. Бошковица, Ж. Лоповича, П. Джорджевича и А. Николича. В 1891—1896 гг. был переиздан Венский четырехтомник, а затем Л. Стояновичем была подготовлена к печати и издана в 1898 г. пятая книга, включившая 715 лирических песен, причем в нее вошли в основном песни, собранные Врчевичем в Герцеговине, и 120 обрядовых песен, опубликованных в книге «Живот и обичаји народа српскога». В пятую книгу включено сравнитель-

но небольшое количество неопубликованных текстов (233), а между тем в собрании Караджича оставалось еще 500 лирических песен, частично уже отредактированных им для печати [1, с. CLXXXVI]. Шестая книга (1899), составленная Стояновичем, содержала уже целиком неопубликованные тексты эпических песен («песме најстарије и неке средњих времена») — главным образом из рукописного сборника Врчевича (25), 10 текстов из записей Вука Поповича и небольшое количество записей других собирателей, послывавших свои рукописи Караджичу, а также два текста в записи самого Караджича («Зиданье Манасије» и «Женидба Ивана Црнојевића»). В седьмую книгу (1900) Стоянович также включил эпические песни («Песме средњих и новијих времена») — 58 юнацких (большая часть из сборника Врчевича), тексты из рукописей В. Поповича, Т. Ивкова, Е. Йоваповича, М. Йоксимовича, М. Шкрлаче и других собирателей и три текста, записанные Караджичем. Восьмая книга (1900) содержала песни нового времени, присланные Караджичу названными и другими его корреспондентами (С. Мартинович, Ф. Радичевич), а также две рукописи П. Негоша и три рукописи Караджича. Девятую книгу (1902) составили, наряду с черногорскими песнями из пятой книги Венского издания, неопубликованные тексты, главным образом из рукописного сборника Врчевича (33 песни «новијих времена Црногораца и Херцеговаца»).

Таким образом, пять книг «Државног издања» (V—IX) далеко не исчерпали рукописное собрание Караджича, а их составитель Стоянович, по заключению современного составителя и историографа Ж. Младеновича, не был на той высоте, какой достиг Вук: он не придерживался последовательно принципов издания, которыми руководствовался Караджич, а как редактор не смог осуществить научную критику текстов [1, с. CLXVII].

Хотя нет уверенности, что известные нам архивные материалы сохранили все песенное собрание Караджича, все же они настолько многочисленны, что объем неопубликованных текстов в два раза превышает объем опубликованных, а из этого общего объема в «Државно издање» вошла приблизительно половина. В собрании Караджича сохранилась часть рукописей — оригиналов и копий, — по которым Караджич готовил свои четырехтомники, и обращение к этим рукописям позволяет идентифицировать принадлежность записей вошедших в издания текстов тому или иному собирателю, а также установить принципы составительской и редакторской работы Караджича, что и сделано Ж. Младеновичем.

Особого внимания заслуживает та часть рукописного собрания Караджича, которая не вошла в пятитомное издание «Државног одбора» и которая составила еще пять книг, опубликованных благодаря стараниям двух выдающихся деятелей современной сербской филологии и фольклористики — Ж. Младеновичем и В. Недичем [1—5]. К сожалению, многолетний труд этих исследователей остался не освещенным в должной мере в советской научной литературе. И хотя тексты их пятитомника вошли в новое издание «Сабраних дела Вука Караџића» и как бы растворились в нем, но предшествующая специальная публикация текстов, ослабленная обстоятельным текстологическим исследованием Ж. Младеновича и комментариями составителей, представляет самостоятельную научную ценность и заслуживает отдельной характеристики.

Среди не публиковавшихся Караджичем и его преемниками текстов оказалось много не уступающих по своей полноте и характерности тем, которые сам Караджич включил в свои книги. Они предназначались для дополнения ранее изданных книг или формирования новых сборников, о чем свидетельствует то, что такие тексты были начисто переписаны его рукой либо им отредактированы (чернилами или карандашом). Осуществить это намерение самому Караджичу уже не удалось. Наряду с такими полноценными текстами, среди неопубликованных рукописей есть и песенные варианты, которые, не представляя художественной ценности, использованы Караджичем как источники или иллюстративный материал для его «Српског рјечника», книги «Живот и обичаји народа српскога» и других сочинений. Наряду с собственно сербскими, черногорскими,

герцеговинскими, хорватскими песнями, в его собрании сохранились и русские песни, записанные им в д. Полива Орловской губернии во время поездки в Россию в 1819 г., а также записи болгарских и албанских песен.

Объем не опубликованных до нашего времени песен из собрания Караджича превышает не только количество задуманных, но и осуществленных самим собирателем изданий, но и объем издания, предпринятого Стояновичем. Выпуская в свет девятую книгу «Државног издања», Стоянович полагал, что оставшиеся неопубликованными тексты смогут войти в еще одну, десятую книгу, которая завершит все издание (эта книга не была им подготовлена). В действительности же их сохранилось в пять раз больше. Всего в издание Ж. Младеновича и В. Недича вошло 1240 текстов, среди них — 207 записей самого Караджича, 205 — из записей Врчевича, 93 — из записей Д. Коянова, 54 — из рукописного сборника Т. Ивкова, подаренного Караджичу П. Негошем, 32 — из сборника В. Йовановича, 11 — из сборника М. Шкрлича и др. 270 текстов принадлежат неизвестным корреспондентам Караджича.

Особый интерес представляют записи самого Караджича. Может возникнуть вопрос, почему такое большое число текстов он не включил в свои сборники. Дело в том, что большую часть их составляют так называемые «особите песме» (т. е. «своеобразные») и «поскочице» (песни, сопровождавшие пляски), которые не могли быть напечатаны по цензурным условиям вследствие их откровенного эротического содержания и соответствующей лексики (все они вошли в пятую книгу описываемого издания). Но неопубликованные записи Караджича содержат и другие жанры: женские лирические песни (свыше 70) — по-видимому, их собиратель ценил меньше, чем песни эпические, юнацкие; краткие припевки гусяров к старым эпическим песням, фрагменты этих песен, а также (что удивительнее) и полные варианты эпических песен «средних времен»: «Узимање Новога» (134 стиха) — о сражении против турок в Боснии и «Бојоко Дрежника» (113 стихов).

Наибольшее число (679) неопубликованных песен (не только из записей самого Караджича) — женские песни, целиком составившие наиболее объемистую первую книгу: сватовские, припевки-здравницы, «почашници» (застольные), обрядовые («божийне», «кральчке», нађурђевдан и др.), мифологические, «жетелачке» (жатвенные), «играчке» (сопровождавшие танцы), любовные, семейные, колыбельные, а также баллады (среди них — превосходные варианты «Спрт Омера и Мерјанке», «Ропство Ива и Марице» и др.). В первую книгу вошли также русские песни в записи Караджича, воспроизведенные здесь более точно, чем в известной публикации Н. Сперанского, что особенно важно для исследователей русского фольклора (ср. [1, с. 323—326; 6]). В отдельные рубрики составители включили тексты из рукописных сборников Л. Мушицкого, В. Вучевича, Дж. Стеф. Коянова, С. Мартиловича, В. Йовановича, Й. Пиколича и др.

В соответствии с принятой Караджичем систематизацией песенного эпоса составители распределили в трех книгах неопубликованные тексты юнацких, гайдукских, ускокских песен, исторических песен-хроник.

Среди старейших эпических песен (93 текста), наряду с известными классическими текстами и вариантами песен, опубликованных в предшествующих изданиях Караджича и «Државног издања», встречаются и редкие сюжеты, варианты которых не публиковались (например, «Марко Краљевић куша љубу», озаглавленная собирателем «Женен Марко девет година воевао» в 154 стихах, или «Женидба Станомира Бана» в 128 стихах) и другие. Среди 78 эпических песен «средних времен» также есть несколько текстов, не являющихся вариантами опубликованных ранее в книгах Караджича произведений: «Погибња Стевана Поповића» (124 стиха), «Без покрова и свилена паса» (140 стихов), «Йован Кутлача» (94 стиха), «Стојан Јанковић и Дзидар од Удбине» (90 стихов) и др.

Разнообразно содержание песен нового времени и песен о борьбе за свободу. Здесь особенно много новых текстов, по сравнению с предшествующими изданиями книг Караджича, причем некоторые из них пора-

жают обстоятельностью поэтического повествования. Наиболее странная хроникальная песня — «Истрага потурица» (782 стиха) с характерным примечанием, уточняющим место и время событий: «Српски бадни вечер 1702 године, уговор мјесеца септембра 8 ден гореречени год». Другие тексты также содержат весьма развернутое изложение сюжета: «Смрт Вицко Бујовића» (226 стихов), «Краль Димитрије и цар татарски» (192 стиха)<sup>1</sup>.

Таким образом, издание Ж. Младеновича и В. Недича и подготовленное благодаря их поисковой и текстологической работе новое издание «Сабраних дела» Караджича существенно обогащают наши представления не только о деятельности и наследии великого сербского собирателя фольклора, о составе его собрания и о доле вклада в него разных его сотрудников и корреспондентов, но и о самом сербском песенном народном творчестве. Благодаря труду Ж. Младеновича и В. Недича в научный оборот введен новый, ранее мало доступный или вовсе не доступный исследователям материал. Теперь все прежние труды, которые основывались на «Државном издању» сербских песен, нуждаются в коррективах, и отныне новые исследования могут основываться на первом подлинно критическом издании всего сохранившегося песенного собрания Караджича, отвечающем текстологическим и эдичионным требованиям современной филологической фольклористики. Труд Ж. Младеновича и В. Недича является образцом и вдохновляющим примером и для советских ученых; обращение к нему не только специалистов по сербскому фольклору может способствовать творческому разрешению проблем, стоящих перед теми, кто готовит к изданию своды песенного фольклора народов СССР, особенно многотомных изданий фольклора восточных славян.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Српске народне пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Књ. прва. Различне женске пјесме. Прир. Ж. Младеновић и В. Недич. Београд, 1973.
2. Српске народне пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Књ. друга. Пјесме јуначке најстарије... Београд, 1974.
3. Српске народне пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Књ. трећа. Пјесме јуначке средњијех времена... Београд, 1974.
4. Српске народне пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Књ. четврта. Пјесме јуначке новијих времена о војевању за слободу... Београд, 1974.
5. Српске народне пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића. Књ. пета. Особите пјесме и поскочице. Београд, 1974.
6. Известия ОРЯС. Т. XII. СПб., 1907, кн. 4, с. 481—485.

---

<sup>1</sup> Эта песня, как и «Вицко Бујовић и Осман-капетан» (169 стихов), «Пераштани и турци Берберези» (102 стиха) представляет для русского читателя особый интерес, поскольку в ней своеобразно преломляются события на Украине и в России в царствование Петра Великого.



МАКЕДОНСКАЯ Е.

## ПАМЯТИ В. Д. КОРОЛЮКА

Секция книжной графики ЦП ВОК и Московский клуб экслибрисистов посвятили заседание 25 декабря 1986 г. памяти известного историка-слависта, д-ра ист. наук профессора Владимира Дорофеевича Королюка (1921—1981).

Тех, кто работал вместе с В. Д. Королюком, учился у него или просто был знаком с ним, не удивит, что среди многогранных интересов ученого, библиофила и разностороннего коллекционера, особое место занимало увлечение экслибрисом. В. Д. Королюк был одним из основателей и самых активных членов Московского клуба экслибрисистов, созданного в 1965 г., когда сделанные для Владимира Дорофеевича художником Г. Н. Карловым два первых книжных знака легли в основу его коллекции, насчитывающей около 29 000 экслибрисов.

Удивительно лишь, что при столь напряженной творческой и руководящей работе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, с которым была связана вся жизнь В. Д. Королюка, незаурядного исследователя, опубликовавшего 448 научных трудов, он сумел написать 85 статей и докладов, посвященных искусству книжного знака, 11 из которых появились на страницах журнала «Советское славяноведение» [1, 1967, № 4; 1968, № 1, 3, 4, 6; 1969, № 3; 1970, № 3; 1971, № 6; 1972, № 2; 1977, № 4; 1979, № 6]. Такая широкая популяризация В. Д. Королюком этого вида графики, казалось бы, не имела прямого отношения к профессиональным интересам ученого. Однако это поверхностное впечатление рассеивается при внимательном прочтении библиографии работ Владимира Дорофеевича, приведенной в специально подготовленной и изданной к заседанию памятке; здесь отражены такие работы, как «Болгарское Возрождение в графике Н. И. Калиты» [1, 1968, № 3], «Русская тема в книжных иллюстрациях Вацлава Фиалы» [1, 1968, № 1] и др. Среди них и проблемные статьи, касающиеся развития жанра экслибриса, и аналитические, и посвященные, например, музыке — «Музыка и экслибрис» [2, 1968, № 7] или поэзии — «Поэзия Болеслава Лесьмяна в графике А. Е. Голяховской» [1, 1970, № 3], «Классики немецкой литературы в московской ксилографии (Гете, Шиллер, Гейне)» [3].

Владимир Дорофеевич и сам писал стихи — дружеские, шуточные, и два сонета посвятил экслибрису.

На выставке, организованной к заседанию, можно было познакомиться и с этим видом творчества В. Д. Королюка; на ней представлены также рисунки — портреты В. Д. Королюка работы художников Л. Гимова, В. Корбакова, Г. Бурмагиной, В. Фиалы — тех, о которых писал Владимир Дорофеевич и которые, помимо этих рисунков, подарили ему экслибрисы; были здесь и фотографии, запечатлевшие Королюка. Но главное на выставке — книжные знаки, сделанные для Владимира Дорофеевича художниками нашей страны, а также Болгарии, Венгрии, Чехословакии. Понятно, что показать удалось только их часть, так как всего их

**ВИЗ КНИГ В. Д. КОРОЛЮКА**



Экслибрис художника Г. Л. Ратнера.



Экслибрис художника  
В. И. Савельева.



Экслибрис художника В. У. Едемского.

почти 500; художников же, выполнивших эти знаки — 130. Большинство книжных знаков — на историческую тему (рис. 1—3). Эта же тема, своеобразно решенная московским художником В. С. Житниковым, нашла отражение и на изданном к заседанию пригласительном билете, и на трех из пяти экслибрисов, украшающих памятку.

Московский клуб экслибрисистов планирует подготовить и издать иллюстрированный каталог всех книжных знаков, сделанных для Владимира Дорофеевича Королюка. Это будет и данью памяти большому ученому, доброму, светлому человеку, как говорили о нем все выступавшие на заседании — его коллеги по работе, художники, друзья — Н. И. Толстой, Е. Л. Немировский, М. М. Верхоланцев, С. А. Вуль, Ю. Д. Коваленко, В. Ф. Найдено, И. А. Масеев, А. С. Чернов, — и откроет еще одну страницу творчества этого видного историка-слависта.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение.
2. Музыкальная жизнь.
3. Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.



## ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

1. Наш главный славистический журнал, при всех его достоинствах и несомненных заслугах, явно не адекватен современному славяноведению — богатой, разветвленной отрасли знаний и важной сфере культуры. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить годовые комплекты журнала последних десяти — пятнадцати лет с материалами славистических съездов, других международных и союзных форумов, изданиями отечественных и зарубежных научных центров, количеством и качеством вышедших трудов. Преодоление несоответствия — первейшая, думается мне, задача журнала. Я имею в виду не простое увеличение числа интересных публикаций, но принципиальную, целевую установку редакции на отражение в журнале всего или почти всего, что происходит в нашем славяноведении, разумеется, в его взаимодействиях с мировой славистикой. Важны здесь и качественные и количественные показатели. Последние предполагают исчерпывающую периодическую информацию о деятельности советских славистических центров, международного и советского комитетов славистов; обзоры по важнейшим научным направлениям и проблемам, рецензирование строго выборочное — действительно значительных трудов; представление реферативных и библиографических сборников и источников; введение рубрик: «Новое в славяноведении», «Книжные новинки» (под которую можно отнести — ради экономии — внутренние стороны обложки, как это делают многие периодические издания). Качественные показатели, кроме главного — публикации проблемных, обобщающих исследований, новых источников, предполагают, на мой взгляд, намеренную, так сказать, демонстрацию уровня классического славяноведения: публикация актуальных сегодня, но выпавших по разным причинам из научного оборота работ, возможно, под рубрикой «Из классического наследия»; помещение творческих биографий (в связи с юбилеями) великих славистов; особенно важны такие материалы о крупных славистах современности.

2. Проблематика нашего славяноведения в основном обращена в прошлое. Это хорошо, закономерно; все мы испытываем необходимость в новых концептуальных исследованиях и синтезах. В особенности здесь актуальны вопросы взаимодействия славянства и его культуры с другими европейскими регионами и культурами, например, славянской и латинской у славян-католиков. Однако общественное лицо журнала, по-видимому, может определиться прежде всего при условии обращения к современным проблемам славянских народов. Ведь хронологически мы — и историки, и филологи — замыкаемся в основном на судьбах славянских стран в преддверии, ходе и результатах второй мировой войны, социалистических революциях и определенных ими социальных и культурных процессах. А что происходит сегодня? Какой видится ныне «славянская идея»? Каковы взаимоотношения славянского мира, славянской культуры с другими мирами и культурами в наше время и в перспективе? Журнал мог бы стать инициатором обсуждения подобных тем. Необходим также диалог с зарубежными славистами, стоящими на иных методологических позициях, но много работающими над вопросами, которым мы мало уделяли внимания, скажем, связанных с тысячелетием принятия христианства на Руси. Пора



не чуждаться острых, дискуссионных проблем из новейшей истории взаимоотношений славянских стран, руководствуясь при этом духом и буквой «Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры», подписанной М. С. Горбачевым и В. Ярузельским 21 апреля 1987 г.

3. Сохраняя приверженность к высокому академизму, журнал мог бы озаботиться вопросами изучения, пропаганды и распространения славянской культуры. Например, организовать обсуждение вузовской подготовки славистов, места и качества сведений о славянстве в школьных учебниках истории и литературы; поддержать создаваемые ныне интернациональными авторскими коллективами вузовские пособия по истории польско-русских и польско-советских литературных и культурных связей, сопоставительный русско-польский словарь литературоведческой терминологии, основанные на сопоставлениях вузовские учебники по истории русской и советской литературы и ряд аналогичных замыслов. Журнал мог бы обсуждать ход культурного и научного взаимообмена СССР со славянскими странами, деятельность обществ дружбы, ветеранов войны, славистических обществ; соответствующие соглашения и их выполнение по линии союзов писателей, минвузов, министерств культуры; переводы и издания художественной и специальной литературы и т. п. Такая практическая направленность несомненно оживила бы «Советское славноведение» и быстрее подказала действительно насущные задачи нашей славистической науке, привлекла новых читателей и укрепила связь с существующими, а главное позволила бы журналу практически воздействовать на судьбы славянской культуры. А разве журнал не мог присоединиться к всенародной заботе о судьбе славянских памятников в различных регионах страны, например, в Прибалтике? О многом стоит поразмыслить, имея в виду возможности «Советского славноведения». В заключение о назревшем и важном особенно: журнал мог бы выступить с инициативой создания, наконец, энциклопедического словаря «Славноведение» и энциклопедии «Славяне»; создание их вполне возможно при условии сотрудничества лучших славистических сил СССР и зарубежных стран.

*П. И. Ивинский, д-р филолог. наук,  
профессор Вильнюсского ун-та,  
кафедра русской литературы*

Уважаемые товарищи! Постараюсь ответить на ваши вопросы как подписчик журнала с первого номера, как постоянный читатель, как автор, печатавшийся у вас неоднократно, и, наконец, как библиотекарь, много лет работающий с читателем-специалистом. Журнал требует изменений. С моей точки зрения, его главная беда — скука. Ничего мало-мальски острого, спорного, будящего мысль почти не появляется. Все выверено, вычищено, а что в знакомые рамки не укладывается, просто отброшено. Я не помню ни одного номера, который бы читатели зачитали, растрепали — чинные и в чистой нетронутости стоят они на полках, очень редко пробуждается к нему читательский интерес — пробуждается и тут же гаснет. Прежде всего журнал должен быть интересным, нужным читателю. Но здесь нас подстерегает и обратная опасность — он не чтиво для любопытного обывателя, это солидный основательный журнал, академический, и таким он должен остаться — за его основательность надо благодарить прошлую редколлегия.

Позволю себе высказать некоторые свои соображения. Начать с обложки — она скучна, невыразительна. Нужна новая, действительно славянская, хотя и не броская. Сразу нужно подчеркнуть этим читателю, что скуке дан бой. Нужны иллюстрации, причем нестандартные, побольше бы с пометкой «публикуется впервые». Нужны постоянные разделы «Публикация документов», «Из истории русско-славянских связей», «Из истории отечественного славноведения», «Деятели славянской культу-

ры», «Неизвестные имена» и т. д. Обязательно надо иметь раздел «Полемика», надо не бояться «острых» тем. Журналу необходимо напрочь отказаться от роли носителя абсолютной истины, судьи последней инстанции, побольше публикаций с примечанием редакции: «Редакция сочла возможным опубликовать материал в дискуссионном порядке». В исследовательских статьях следует полностью отказаться от длинного перечисления фактов — журнал не учебник, — а в обзорных статьях — от длинного перечисления трудов — журнал не библиографический справочник. Наиболее серьезное, важное, новое, спорное, диалектичное, словом, настоящая живая наука — вот, как мне кажется, основной репертуар журнала.

В качестве острых злободневных тем можно предложить среди прочих биографии и характеристики отечественных славистов разных эпох и направлений, включая эмигрантов и репрессированных, биографии деятелей малоизвестных, небольшие справки о современных историках в славянских странах, обзоры современной зарубежной славяноведческой прессы по актуальным вопросам славяноведения, статьи по острым нерешенным вопросам, стыдливо до сих пор умалчивавшимся. К ним относятся, например, проблемы освещения революции 1848 г. в славянских областях Австрийской империи, роль церкви и церковного вопроса в славянских странах, ряд нерешенных проблем новейшей истории и т. д. Как специалист по национальному возрождению, прибавлю и собственный вопрос, меня живо занимающий. — национальное возрождение в Галичине — тема, которую нельзя передавать лишь специалистам по истории СССР, поскольку она принадлежит гораздо более славистике.

Вопрос об авторах. Мне думается, нужно шире привлекать авторов с периферии по их «наболевшим» темам, гибче расходовать страницы — строгие 1—2 листа не всегда правильное решение — иногда нужна совсем маленькая статья, а иногда и более 2-х листов — зависит от содержания. Насильственное редакторское «выжимание» и доведение живого текста до нужного объема делает текст скучным и невыразительным, лишает его авторского лица.

С уважением и лучшими пожеланиями

*Пашаева Н. М., канд. ист. наук,  
сотрудник ГПИБ РСФСР*

«Советское славяноведение» занимает важное место в формировании марксистско-ленинского мировоззрения в процессе изучения славяноведческих дисциплин в вузах и специальных средних учебных заведениях нашей страны. Не будем останавливаться на достоинствах и пробелах журнала — они известны каждому, кто внимательно следит за научным содержанием издания, издавна радуется остроте и искренности научных поисков, огорчается появлению серых публикаций... Это наше общее детище, и мы должны постоянно заботиться о его благополучном развитии, чтобы круг читателей расширялся, а научная продукция привлекала внимание не только отдельных специалистов, но и более широкой общественности.

Итак, что же необходимо, на наш взгляд, для улучшения этого важного издания на современном этапе общественно-научного развития?

В организационном плане очень важно наладить тесную связь с вузами и научными академическими учреждениями союзных республик, а также стран социалистического содружества. С этой целью хотя бы раз в 2—4 года проводить совещания ученых-славистов на базе одного из вузовских или академических центров, где бы обсуждались итоги работы журнала «Советское славяноведение», его тематика, достижения и упущения в разных областях научных исследований; где бы совместными усилиями редколлегии и ученых корректировались планы работы журнала на определенный период с последующей их публикацией. Важно также

устанавливать личные контакты с авторами, активом, своевременно изучать мнение научной общественности, ее замечания и предложения. Не последнюю роль в этом могло бы сыграть анкетирование.

Следовало бы активнее пропагандировать «Советское славяноведение» среди студентов гуманитарных факультетов, учителей-филологов, на страницах центральной прессы, по радио, телевидению, расширяя тем самым круг читателей и корреспондентов журнала.

По части содержания хотелось бы пожелать следующее.

Вузовские славистические дисциплины нуждаются в освещении таких тем, как «Марксизм-ленинизм и вопросы современного славяноведения», «Взаимовлияния восточнославянских культур (русской, украинской, белорусской) на разных этапах исторического развития» и др. Журнал оказал бы большую помощь в освещении многих учебно-программных тем, которые раскрыты слабо или требуют пересмотра, уточнения на основе новых научных положений.

Большого внимания заслуживают публикации по проблемам межславянских связей на всех исторических этапах общественного развития в области истории, литературы, языка, фольклора, этнографии, антропологии, топонимии, изобразительного искусства, музыки и т. д.

Уместны, думаю, были бы в журнале критические обзоры научных статей за год, с учетом сильных и слабых сторон в публикуемой продукции, и постановка конкретных задач на ближайшее время.

Назрела также потребность в новых разделах (рубриках?) «Из истории отечественного славяноведения», «Памятники славянских культур» и т. п., где бы печатались новые или мало известные материалы, имеющие большую научно-практическую и воспитательную ценность. То же самое касается публикации библиографических новинок по славяноведению советских и зарубежных исследователей, не исключая соответствующих публикаций в вузовских научных сборниках, монографиях, учебных пособиях, которые чаще всего остаются вне поля зрения рецензентов.

И, наконец, настало время увеличить объем печатных листов в журнале, который бы облегчил надлежащее решение назревших творческих проблем, в их числе — высокое художественное оформление «Советского славяноведения».

*Поповский А. М., канд. филол. наук,  
доцент кафедры украинского языка  
Днепропетровского госуниверситета*

Мне кажется, что при рассмотрении многочисленных проблем, связанных с улучшением журнала «Советское славяноведение» важно прежде всего сохранить и развить то полезное, ценное, что было найдено в предыдущие годы. Позвольте высказать и некоторые пожелания. Следовало бы больше уделять внимание такой проблеме, как идея славянской общности в ее историческом развитии и освещении того вклада в ее становление, укрепление, который сделан русскими научными, литературными, общественно-политическими деятелями. Уместен, по-видимому, и вопрос о том, как эта идея единства славянства воспринималась в разных слоях не только русского общества, но и в общественных кругах других стран, как отражалась в художественной литературе. Здесь таятся большие исследовательские возможности, еще нами должным образом не использованные.

Славянский мир, несмотря на всю его дифференцированность, исторически сложившееся национальное разнообразие все же имеет (и не только в далеком прошлом) и определенные черты общности, она по-разному в различные времена проявлялась далеко не в равной степени интенсивности, но никогда не сходила на нет. В прошлом отечественной славистикой этому уделялось внимание и накопленный опыт требует критического, вдумчивого осмысления, практического использования в исследованиях.

Хотелось бы видеть в журнале материалы, рассчитанные на самые широкие круги любителей древностей славянских, что, несомненно, содействовало бы повышению исторической культуры общества. Наши журналы вообще (это относится ко всей исторической периодике) далеко не лучшим образом выполняли эту свою священную обязанность. Воспитание историей (как продуманной целенаправленной, систематической работы) по-настоящему не ведется. На страницах наших журналов лишь кое-что делается от случая к случаю, от одной кампании к другой.

Но главное, конечно, не в формулировании предложений, а в интенсификации исследовательского труда. Главные приобретения добываются за письменным столом. Страницы журнала суть зеркальное отражение наших реальных достижений и упущений; тех, последних, накопилось немало, и журнал «Советское славяноведение» может и должен реально помочь в их устранении.

*Смирнов А. Ф., д-р ист. наук,  
ведущий научн. сотрудник ИСБ АН СССР*

СТАНОВЛЕНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА  
В ВИЗАНТИИ И У ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Заметное явление в последние годы — обилие и разнообразие изданий по истории возникновения феодального строя в Юго-Восточной Европе [1—8].

Наличие столь живого интереса к вопросам формирования классового общества и государства у южных славян, к анализу сложных процессов перехода от поздней античности к феодализму в Византийской империи вполне понятно и закономерно — бесспорна научная значимость исследований раннефеодальной эпохи для понимания многоплановой динамики складывавшихся на Балканах славянских государств, их неоднозначных отношений с феодализирующейся Византией, игравшей тогда роль политического и экономического гегемона на протяжении нескольких столетий (ср.: [1, с. 9—13; 6, с. 3—8]). К тому же в историографии до сих пор остаются не совсем ясными, нередко спорными конкретные этапы и особенности генезиса раннефеодальной формации у южных славян, в том числе — реальное соотношение ранневизантийских и славянских институтов, и воздействие позднеантичных социально-экономических отношений (в том числе на институт рабства: ср. [4, с. 11—12]).

Именно поэтому, на наш взгляд, приобретает особенное значение показ своеобразия внутреннего развития Византии и южнославянских стран в эпоху раннего средневековья, уточнение имеющейся периодизации перехода от античности к феодализму на территории Византийской империи, вначале (в V—VI вв.) включавшей почти весь Балканский полуостров, а затем оказывавшей многостороннее и многовековое воздействие на балканских славян [1; 2; 6; 7; 9]. Какой же была ранневизантийская общественная и государственная система, с которой столкнулись при своем поселении на Балканах

славяне, — позднеантичной или раннефеодальной, феодализирующейся? Было ли постепенным преобразованием рабовладельческой Восточно-Римской монархии в феодальную Византию или же здесь заметен резкий разрыв? (Ср. [7, с. 5—6]).

На эти и другие, давно волнующие ученых вопросы, мы находим ответы в указанных работах, хотя их авторы отмечают, что по отдельным проблемам все еще нет окончательных решений, пока еще возможны определенные расхождения, обуславливаемые и скудостью источников, и необходимостью проверки вновь высказанных предположений и выводов [2, с. 17]. Примечательно, что таково состояние источниковедческой базы даже для ранней Византии, не говоря уже о южнославянских странах той поры [2, с. 364, 404]. При этом не менее важно учитывать конкретную специфику, наличие заметных локальных особенностей социально-экономического развития на том или ином этапе, в тех или иных областях данного региона, которые, как известно, сочетались с главными, кардинальными направлениями эволюции раннефеодального общества. Напомним, что В. Д. Корольков обращал внимание на неодинаковое воздействие античной цивилизации на разные славянские племена в зависимости от их первоначального местонахождения [4, с. 51]; укажем в данном случае гипотезу о приходе абодритов, тимочан и гудускан на Балканы с берегов р. Лабы и Балтийского моря [8, с. 169—170].

Здесь, вероятно, достаточно будет остановиться на наиболее любопытных, характерных аспектах этой эпохи становления феодального строя на Балканах, в особенности — применительно к аграрной структуре, к истории сельской общины и крупного земельного владения. Нельзя не обратить внимания на такой немало-

важный факт, что вторая половина VI в. (т. е. начало славянской колонизации Балкан) совпадает в Византии, еще судорожно удерживавшей свои европейские провинции, с периодом стремительного роста крупной земельной собственности, в том числе — церковно-монастырского землевладения, тогда как VII в. был ознаменован крушением господства крупной земельной собственности, почти полным исчезновением колоната [2, с. 396—397; 6, с. 32—33]. Это означало, что в Византии VII в. деревня освободилась от власти городских землевладельцев, сельская община укрепились (в немалой мере ввиду притока на Балканы нового, славянского населения), стала устойчивой, и поэтому-то лишь в X—XI вв. в рамках империи в целом складывается система феодальной эксплуатации крестьянства, утверждается в основном господство феодальных отношений [2, с. 418; 6, с. 41].

Однако такая формулировка основного вывода закономерно требует и постановки проблемы, как же обстояло дело в отдельных областях данного региона, например, в окрестностях тех балканских городов, которые не были уничтожены в вихре «великого переселения народов» и все еще сохраняли известное экономическое, политическое значение, как и связи (более или менее) прочные и постоянные со столицей империи, с ее другими владениями, прежде всего — с Италией (ср. [2, с. 250; 10]). Показательно, что в данном случае общице заключения требуют серьезных уточнений и оговорок, связанных с выяснением причин устойчивости городского самоуправления в «окраинных» городах Византии (а именно: в Херсонесе, городах Далмации и Италии). Мы хотели бы здесь особо подчеркнуть, что теперь в историографии заметно акцентировано отличие этих окраинных городов от «внутренних» — в их округе, в деревне не была традиционно распространена сельская община, т. е. большинство из них близко к западно-римскому типу. Иными словами, «городское землевладение оказалось более глубоко подорванным в Византии VII в., чем в некоторых областях Запада», причем в этих западных (италийских, например) городах сохранилась некоторая прослойка «зачиточных городских землевладельцев» (так называемых «воинов») [6, с. 54—55]. Не вызывает сомнений, что выявление такой социальной специфики в городских центрах, которые оказались в пределах создававшихся первых южно-

славянских государств или же на их границах, в сфере непосредственного, повседневно-экономического и политического взаимодействия, требует в дальнейшем неперемного учета при реконструкции первоначальных этапов становления классового общества у южных славян.

Вполне понятно, что исследование всех этих сложных процессов в рамках Византии и южнославянских государств раннего средневековья может быть особенно плодотворным при сочетании конкретных (в частности, источниковедческих) разработок с углубленным анализом вопросов типологии феодального строя, проблем общетеоретических, терминологических, приобретающих в этой связи постоянно возрастающее (ввиду попыток ряда буржуазных авторов оспорить саму феодальную сущность общества той эпохи) значение (см., например, [7, с. 4—5, 13; 2, с. 366], а также о родо-племенной знати в сербских и хорватских княжествах [2, с. 366]). Именно такой путь воссоздания давних этапов истории раннефеодального общества на Балканах поможет яснее представить не только его своеобразие, но и общие черты с соседними регионами Европы.

Наумов Е. П.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985.
2. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985.
3. Охрид и Охридско низ историјата. Кн. 1. Скопје, 1985.
4. Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985.
5. Антолјак Ст., Папов Бр. Средневековна Македонија. Т. 1—3. Скопје, 1985.
6. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
7. Курбатов Г. Л. История Византии. От античности к феодализму. М., 1984.
8. Novakovič R. Baltički Sloveni u Beogradu i Srbiji. Beograd, 1985.
9. Наумов Е. П. Советская историография о становлении классового общества у южных славян (к итогам и задачам изучения раннефеодальной эпохи). — В сб.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1986, с. 65—80.
10. Иванови О. В. Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» (постановка вопроса). — В кн.: Славянские древности (Этногенез. Материальная культура древней Руси). Киев, 1980, с. 81—107.

Проблемы международных отношений на Балканах в первые десятилетия XX в. неоднократно привлекали внимание советских историков. Однако до сих пор не было создано общей картины международных отношений на Балканах накануне первой мировой войны. Между тем, после второй мировой войны и особенно в последние годы в ряде стран появились новые документальные публикации и открылась возможность использовать ранее недоступные исследователям архивные материалы. Это позволило на широкой источниковой базе вернуться к изучению событий, которые превратили Балканы в «пороховой погреб Европы».

Автор рецензируемой работы оговорил во введении, что сложность и многоплановость исследуемой тематики определили форму монографии: она написана в виде очерков; а ограниченные размеры книги не позволили осветить достаточно подробно все аспекты балканской проблемы, некоторые из которых, например, македонская, критская, вообще опущены.

Три главные проблемы монографии Ю. А. Писарева: возникновение Балканского союза, дипломатическая борьба в период балканских войн и политика великих держав на Балканах непосредственно накануне первой мировой войны рассмотрены на широком круге источников. Автор использовал не только известные документы, которые были введены в научный оборот его предшественниками, но и новейшую публикацию — «Документы о внешней политике королевства Сербии», изданную Сербской академией наук в 1980—1985 гг.; им изучены также многочисленные документы советских и зарубежных архивов — Югославии, Венгрии, Австрии (в копиях, переданных австрийскими архивными учреждениями Государственному архиву ВНР). Опираясь на эти материалы и на труды своих предшественников, Ю. А. Писарев внес много нового в освещение международных отношений на Балканах, уточнив и углубив уже известные вопросы, в частности, такие, как причины подписания сербско-болгарского союзного договора, развитие албапо-русских отношений после второй Балканской войны и др. Ему удалось убедительно опровергнуть ряд легенд буржуазной историографии, например, версию французских историков о неучастии Франции в создании балканского блока и неосведомленности французского

правительства о его военных целях (с. 28—33), версию немецких историков о связях российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига с французской масонской ложей «Великий Восток», которая якобы подготовила убийство австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда, и о контактах Гартвига и военного агента России в Белграде В. А. Артамонова с сербской тайной организацией «Черная рука» (с. 55—56 и др.)

Анализируя политику великих держав на Балканах, Ю. А. Писарев ведет полемику со многими авторами балканских исследований, что компенсирует чрезмерную сжатость историографического очерка, данного им во введении к работе. В противовес ряду буржуазных историков, утверждающих, что Россия стремилась создать Балканский союз для захвата черноморских проливов и для войны с Австро-Венгрией, в рецензируемой монографии убедительно показано, что рождение этого союза было обусловлено соперничеством между Россией и германо-австрийским блоком, политикой правящих династий балканских государств, преследовавших собственные цели, и борьбой угнетенных народов европейской Турции за свое освобождение. Способствовали созданию Балканского союза и союзники России — Франция и Англия, которые, как и их основные противники в Европе, проводили здесь экспансионистскую политику. Россия же, ослабленная войной с Японией, в 1911—1912 гг. была не готова к конфликту на Балканах и стремилась удерживать своих славянских союзников от преждевременного выступления против Австро-Венгрии. Наиболее выгодным для себя решением проблемы черноморских проливов в той международной обстановке Россия считала сохранение контроля за ними со стороны Турции, но добивалась пересмотра статуса проливов. Во время первой Балканской войны, когда возникла угроза захвата проливов Болгарией и французское правительство советовало России не мешать царю Фердинанду захватить Константинополь, а Англия выдвинула проект нейтрализации проливов под международным контролем, царское правительство не согласилось с этим. «Для России, — говорится в цитируемом Ю. А. Писаревым документе Морского генерального штаба, — лучше иметь на Босфоре и в Дарданеллах турецкие пуш-

жи, чем увидеть там представителей международной интернационализации» (с. 114).

Сущность политики великих держав в балканском вопросе достаточно ярко выявил конфликт между Сербией и Австро-Венгрией во время первой Балканской войны из-за стремления Сербии получить жизненно важный для нее выход к Адриатическому морю. Скромное пожелание Сербского правительства передать под суверенитет Сербии «хотя бы небольшой порт на Адриатическом море» (с. 116) вызвало негативную реакцию Вены. Как показывает Ю. А. Писарев, в основе этого конфликта лежала югославянская проблема — после успехов Сербии в войне с Османской империей монархия Габсбургов опасалась, что не сможет преодолеть центристемительные тенденции южных славян, тяготеющих к большому самостоятельному государству. Берлин, всячески разжигая конфликт между Белградом и Веной, в то же время, учитывая общую международную ситуацию, удерживал Австро-Венгрию от слишком активных действий против Сербии.

Лондон и Париж весьма прохладно отнеслись к стремлению Сербии получить выход к Адриатическому морю, и лишь Россия поддержала свою союзницу, но предлагала ей воздерживаться от «политики необдуманных увлечений» (с. 122). Анализируя сущность этого конфликта, создавшего угрозу возникновения общеевропейской войны, Ю. А. Писарев документально опроверг утверждения ряда буржуазных историков, будто главными виновниками международной напряженности на Балканах в конце 1912 — начале 1913 г. были Россия и Сербия, тогда как Австро-Венгрия была лишь «обороняющейся стороной».

На архивных материалах раскрывается работа лондонских конференций послов великих держав, где шла дуэль дипломатий Тройственного союза и Тройственного соглашения по черноморско-скутарийской и албанской проблемам, а также мирной конференции представителей балканских государств, на которой вспыхнули острые разногласия между союзниками из-за раздела турецкого наследства. Анализируя итоги балканских войн, Ю. А. Писарев освещает сложную внутриполитическую ситуацию балканских государств, причины, по которым правящие династии и буржуазия взяли курс на разрешение этих противоречий военным путем, показывает безуспешную попытку России погасить межбалканский конфликт

и сохранять Балканский союз. Завершивший вторую Балканскую войну Бухарестский мир не только не способствовал стабилизации положения на Балканах, но и привел к дальнейшему обострению отношений в этом регионе.

Завершающие главы монографии посвящены ситуации на Балканах в период от Бухарестского мира до начала первой мировой войны. Многие вопросы этой темы неоднократно поднимались в советской и зарубежной историографии, но выявленные Ю. А. Писаревым архивные материалы дали ему возможность внести важные дополнения и уточнения. Документально обосновано положение, что уже с середины 1913 г. Германия вступила на путь развязывания европейской войны. В секретной инструкции Вильгельма II от 16 августа 1913 г. прямо говорится, что «сегодня может быть перемещена на второй план прежняя задача нашей политики сохранять мир в Европе» (с. 207). С этого момента Германия стала активно подталкивать Австро-Венгрию к военному походу против Сербии.

В военных кругах России усиление германской экспансии на Балканах и на Ближнем Востоке не прошло незамеченным. Обнаруженный Ю. А. Писаревым в ЦАВМФ документ — записка Морского генерального штаба — содержал анализ ситуации в этом регионе и рекомендацию как можно дольше оттягивать войну с Германией, пока Россия не укрепит свои военные силы. Эта рекомендация соответствовала основным положениям внешнеполитического курса России.

Все содержание монографии Ю. А. Писарева опровергает измышления западной буржуазной историографии, прежде всего немецкой, стремящейся изобразить Россию в качестве державы, проводившей агрессивную политику на Балканах, и представить западные державы, прежде всего Германию и Австро-Венгрию, поборниками мира.

Ю. А. Писарев дал развернутую и объективную характеристику руководителя русского внешнеполитического ведомства министра иностранных дел С. Д. Сазонова, показал его как сторонника весьма осторожной политики на Балканах, которому приходилось выдерживать борьбу с вопиюще настроенными экстремистами, такими, как глава военной партии великий князь Николай Николаевич, военный министр В. А. Сухомлинов, начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич и др. По Сазонов отнюдь не был миротворцем — его генеральный



курс: «нам не следует обострять конфликт до опасности общеевропейской войны» (с. 122) объяснялся в первую очередь сознанием того, что Россия недостаточно подготовлена к войне со столь сильными противниками, как Германия и Австро-Венгрия. Ю. А. Писарев охарактеризовал не только Сазонова, но и других русских и зарубежных дипломатов — А. П. Извольского, А. В. Неклюдова, Н. Г. Гартвига, А. Кидерлен-Вехтера, Г. Ягова и других, что делает изложение живым и интересным.

Высоко оценивая содержательный, написанный на высоком научном уровне труд Ю. А. Писарева и выражая согласие с его основной концепцией, мы хотели бы отметить, что не все положения автора достаточно аргументированы. Он пишет, что в ноябре 1913 г. был разрешен греко-турецкий спор из-за островов в Эгейском море (с. 198). Между тем, Ф. И. Нотович вполне убедительно показал, что мирный договор между Грецией и Турцией не разрешил вопроса о принадлежности Эгейских островов [1]. Утверждение, что «австро-венгерской дипломатии ...не удалось провести в жизнь ни одного из своих проектов» (с. 200), противоречит не только тому, что говорится на с. 164 о поражении царской, французской и отчасти английской дипломатии в борьбе с дипломатией Центральных держав. Наиболее печальным итогом дипломатической борьбы для России и ее союзников был распад Балканского союза, к чему и стремилась Австро-Венгрия.

Вызывает возражение и трактовка Ю. А. Писаревым итогов Константинопольского свидания русского царя и румынского короля в июне 1914 г. (с. 241—242) как неудачного для России. Точке зрения автора противоречит не только приведенное в книге мнение австрийского посла в Бухаресте графа Чернина, считавшего, что «идет процесс окружения» Габсбургской монархии, но и оценка Сазонова. В докладе царю он писал: «Я вынес из этой поездки наилучшие впечатления, свидетельствующие о благоприятном для нас настроении румын и позволяющие надеяться на дальнейшее развитие наших добрососедских отношений»

[2]. Сазонов имел все основания предполагать (как и было на самом деле), что Румыния связана с Австро-Венгрией союзным договором. И его вывод, что Румыния присоединится к той стороне, которая окажется сильнейшей, означал прежде всего то, что Румыния не будет выполнять этот договор, а будет действовать в соответствии с собственными интересами. Это создало возможность нейтрализации Румынии, чего и добивался Сазонов. Более того — румынский премьер-министр заверил его, что в случае войны России с Австро-Венгрией вследствие нападения последней на Сербию дороги Румынии и России «опять встретились бы, так как для Румынии также нет никакого расчета допускать ослабления Сербии» [2].

Несколько мелких замечаний. Вильгельм Вид был князем Албании, а не королем (с. 153). На с. 195 говорится о «неправославной» Румынии, хотя, как известно, большинство населения этой страны исповедует православную веру; нет даты провозглашения независимости Албании; не приведены условия Лондонского мирного договора 1913 г.; даты указаны то по старому и по новому стилю, то по новому (что не оговорено); есть и ошибки в датах — на с. 171: Бухарестский мир — 30 июля, т. е. по новому стилю 12 августа, на самом деле — 10 августа, а 30 июля по новому стилю — перемирие. Монографию, где постоянно идет речь о территориальных проблемах, следовало бы снабдить картой Балканского региона.

Рецензируемая книга, основанная на широкой источниковой и историографической базе, значительно расширяет представления о международных отношениях на Балканах накануне первой мировой войны.

*Стецкевич С. М., Кросс В. В.*

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.—Л., 1947, с. 112.
2. *Международные отношения в эпоху империализма.* Сер. 3. Т. III. М.—Л., 1934, № 339.

О романе в югославском литературоведении написано немало. Однако в направлении этих исследований заметны определенные тенденции к сосредоточению внимания на конкретно-национальном материале, вне рассмотрения его как феномена общеславянского литературного процесса.

Современный роман Югославии достаточно хорошо известен в СССР. Для научного осмысления этого предмета необходимо знать его истоки, без которых трудно понять специфику современного литературного процесса. Эту и ряд других задач решает Г. Я. Ильина в своей монографии.

Исследование построено на обширном и чрезвычайно дискуссионном материале, вокруг которого в югославском литературоведении не утихают споры. Исследование Г. Я. Ильиной отличается полемичность, свежесть и оригинальность выводов и наблюдений, что дает основание назвать ее работу новым словом в интерпретации как анализируемого периода, так и творчества его ведущих представителей ХХ в.

Перед исследователем стояла нелегкая задача выявить в обширном и многонациональном материале то, что представляет как специфическую тенденцию развития, так и общезначимые для югославской литературы в целом явления. В этой связи вполне обосновано определение предмета исследования как «югославский роман», акцентирующее внимание на интегрирующих тенденциях романного творчества. Однако автор не ограничивается лишь рассмотрением данного жанра, учитывая все разнообразие литературного процесса, а кажущиеся узкими хронологические рамки давали в этом плане обильный материал. В центре внимания Г. Я. Ильиной — один из наиболее сложных периодов югославской литературы, отличающийся идейным, стилевым разнообразием, определившим пути развития югославской литературы ХХ в.

В сложных идейных, философских и эстетических тенденциях того времени Г. Я. Ильина выделяет основные линии литературного движения и его общие закономерности, идейно-эстетическую доминанту эпохи — революционную литературу, творчество писателей, выразивших сопротивление реакционному режиму, которое со временем переросло в литературу

антифашистской борьбы. Ход исследования подтверждает верность избранного критерия периодизации — зарождение и развитие революционного течения рассматривается как водораздел между нереалистическим и реалистическим отражением действительности. Именно с реализмом связано интенсивное развитие романа в югославской литературе, что подтверждает и краткая историческая ретроспектива этого жанра в литературе предшествующего столетия. Первые десятилетия нашего века ознаменованы зарождением революционного направления, по-разному истолковывавшегося в югославской критике — отчасти из-за расплывчатости таких понятий, как «социальный реализм», «социальная литература», упрощенческого представления о социалистическом реализме.

Среди литературных тенденций 20-х годов Г. Я. Ильина выделяет экспрессионизм, с наибольшей силой выразивший протест против социальной несправедливости. Прослеживая эволюцию, противоречивость взглядов отдельных представителей экспрессионизма в югославской (прежде всего хорватской) литературе, автор создает фон, на котором четко просматриваются пути становления в их сознании марксистских убеждений. Пути перехода от экспрессионизма к реализму, типы романов, взаимоотношение социалистической литературы и критического реализма по-новому интерпретируются на материале ведущих представителей сербской, хорватской и словенской литературы.

Прослеживая идейные искания М. Црнянского в контексте его времени, Г. Я. Ильина, в отличие от ряда югославских исследователей, усматривавших в его творчестве наличие модернистской поэтики, нигилистические воззрения, отчуждение, иррационализм, обращает внимание на его антимилитаристскую, гуманистическую направленность, связь с традициями реализма сербской литературы XIX в. Стремясь дать объективную оценку художнику, Г. Я. Ильина отмечает его взлеты и падения. Интересны наблюдения о близости отдельных глав романа «Переселения» творчеству Н. В. Гоголя, к сожалению, не получившие дальнейшего развития, хотя это расширило бы знания о роли русской классики в развитии югославской литературы ХХ в. Следовательно бы обратить внимание на возможную

идейную близость «Переселений» и «Войны и мира» Л. Толстого (столкновение идей войны и мира, плана бытового и военного и др.).

Время, описываемое М. Црнянским — эпоха сербского барокко, что обусловило наличие в романе настроений, близких барочному мирозерцанию. Данный аспект творчества Црнянского интересен с точки зрения сравнительного анализа культуры барокко и литературы начала XX в., на что исследователи уже обращали внимание.

Романы М. Црнянского Г. Я. Ильина относит к миро-эпическому и историко-параболическому типу, которым не исчерпывается репертуар этого жанра в югославской литературе анализируемого периода, что показывает исследование романов А. Цесарца. В обширной литературе об А. Цесарце превалирует тенденция рассматривать его прежде всего как революционера, тогда как художественная сторона его творчества оставалась в тени. Рассматривая творчество А. Цесарца в контексте прогрессивной европейской литературы того времени, показывая его связь с советской литературой и русской классикой, Г. Я. Ильина создает целостный портрет писателя-революционера и художника.

Объект исследования Г. Я. Ильиной тесно связан с современным литературоведением, в котором о литературе 30-х годов ведется немало споров. Несмотря

на это, специальной истории «социальной литературы» в югославской литературной критике нет. В главе «Роман 30-х годов. Взаимоотношение социалистической литературы и критического реализма» дана панорама сложного литературного явления, которое рассматривается в тесной связи с аналогичными процессами в других славянских странах. Понятие «социальной литературы» получает в работе всестороннее освещение с показом достижений и промахов ее основных представителей. Свою концепцию автор основывает на анализе творчества крупнейшего югославского писателя М. Крлежи, в романах которого на первое место выдвигается «обличительный реализм».

Картину развития югославского романа в его исторических и типологических разновидностях дополняет анализ творчества крупнейших представителей словенской литературы, среди которых особо выделяется «роман исторического оптимизма» Прежихова Воранца.

Как показывает исследование Г. Я. Ильиной, социальный реализм в романном творчестве достиг значительных успехов. Целостный анализ югославской литературы межвоенного периода открывает новые пути для изучения современного югославского романа. В этом еще одно достоинство монографии, представляющей существенный вклад в советское славяноведение.

*Пащенко Е. И.*

## В ЗЕРКАЛЕ ПРОЗЫ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Задача, поставленная создателями коллективной монографии [1], присутствует уже в названии, обоснована во введении: «...подчеркивая общность развития литератур социалистических стран, их сходные стадии развития, одни и те же трудности, во многом близкие художественные результаты, не менее важно сказать и о специфике художественного творчества в каждой национальной литературе» (с. 9). Замысел грандиозный, если учесть, что в поле зрения авторов — проза всех европейских социалистических стран, включая и советскую. Его реализация потребовала усилий коллектива опытных исследователей, куда вошли по инициативе филологов Московского, Варшавского университетов и университета

им. Гумбольдта (Берлин) ученые университетов и других европейских социалистических стран (редколлегия: Е. З. Цыбенко (отв. редактор, СССР), Б. С. Бугров (СССР), К. Гайслер (ГДР), Е. П. Любарева (СССР), Я. Рогозинский (ПНР), Г. Юнгер (ГДР), Я. Урбаньская-Слиш (ПНР).

Пути качественно новой методики изучения общности литератур социалистических стран проложили в свое время коллективные труды Института мировой литературы, Института славяноведения и балканистики АН СССР, тем не менее рецензируемая монография — первый опыт такого рода исследований в рамках имеющей свою аудиторию и специфику университетской науки. Опыт ее издания

важен как новая ступень развития литературоведения всего региона, как свидетельство нового уровня исследований, достигнутого совместными усилиями ученых нашей страны и других социалистических стран.

60—70-е годы входят в историю культур социалистического содружества качественно новым этапом их развития, этапом зрелости, интенсивного обновления художественных форм на основе освоения национальных традиций, взаимопознания, продолжения того, что было создано в 40—50-е годы. Это, с одной стороны, предоставляет науке новые возможности, а с другой — предполагает определенную перестройку, отказ от ряда сложившихся стереотипов и привычных ходов.

Жанр коллективной монографии требует от авторов сотворчества и «соподчинения» единой цели. В авторском коллективе рецензируемого издания более 30-и ученых: все разделы о чешской литературе написаны проф. Карлова университета В. Рзоуномек, в создании других разделов (проза ГДР, Венгрии, Югославии, Польши) участвовали ученые из ГДР, Польши и СССР, а среди авторов разделов, посвященных советской литературе, — имена Г. Юнгера и И. Штаухе (ГДР), А. Володзько и Я. Урбаньской-Слиш (ПНР). В таком подходе — характерное для мира социализма стремление решать общими усилиями масштабные проблемы современности.

В пяти главах монографии анализируется проза по пяти проблемно-тематическим «пластам»: человек и история, антифашистская борьба и ее художественное воплощение, труд и рабочий класс, деревенская тема, морально-философская проблематика. Они в значительной степени определяют динамику литературного процесса. Последняя глава — «Поиски художественных средств в прозе европейских социалистических стран 60—70-х годов», — подобно предыдущим, состоит из разделов, посвященных литературе каждой из стран. Рецензируемая монография — доказательство того, что тематико-проблемный подход неотделим от пристального исследования художественной формы, в национальной специфичности которой отражается характерное для той или иной страны и общее для всех.

Неизбежность повторов более всего казалась, нам кажется, в главе о морально-философской проблематике, что, кстати, предвидели создатели монографии и что отмечено во введении к книге. Пред-

вария эту главу, редактор Н. Гогозинский определяет стержневые понятия и аспекты (познание «факторов, детерминирующих поведение человека нашей эпохи, определяющих его мировоззрение, моральный кодекс, тип эмоционального и эстетического восприятия», проблемы нового героя, полемика с буржуазными литературно-философскими направлениями, с идеями экзистенциализма), однако это не избавляет авторов разделов от необходимости возвращаться к уже представленным в предыдущих главах книгам Аудерской, Е. Путрамента, Ю. Бондарева, Г. Канта и др. Возможно, глава о морально-философской проблематике уступает предыдущим по той причине, что объект ее наблюдений пока еще не сложился в такое цельное и системное явление, какими можно считать прозу не только историческую, но военную и деревенскую?

Исследователи современного литературного процесса постоянно наталкиваются на неоднозначность, а точнее, почти узаконенную многозначность ряда теоретических понятий, терминов, которыми пользуется критика, с одной стороны, и литературоведение, с другой. Упомянутая выше без кавычек деревенская проза, к примеру, имеет ли какие-либо права «гражданства», а если имеет, то какие? Пользуясь термином «деревенская проза», авторы монографии тут же его оговаривают: «В настоящее время не существует „деревенской“ прозы в чистом виде, она одновременно может быть и политической, и философской, и психологической и т.д.» (с. 18). С этим нельзя не согласиться: в чистом виде нет и не может быть ни семейного, ни философского, ни других жанровых разновидностей романа. Однако в науке без них не обойтись, как и не ограничиться констатацией лишь видимого, осязаемого. И деревенская, и военная проза в социалистических литературах 60—70-х годов не просто тематические понятия, а сложные, как нам представляется, системы взаимосвязанных проблем и соответствующих им художественных средств; в то же время это — живые образования.

Немало ценных, на наш взгляд, наблюдений в разделах, написанных Г. Юнгера, И. Штаухе, З. Карцевой, Я. Урбаньской-Слиш, С. Рожновским, в попытках осмыслить некоторые фундаментальные проблемы, имеющие историческое и теоретическое значение. Международным авторским коллектив, перед которым стояли неординарные и новатор-

ские задачи, выбрал не единственный из возможных путь, но он оправдан. Сочетание историко-хронологического подхода исследования с системным анализом ведущих проблемно-тематических «пластов» межнациональной литературной общности намечает новые перспективы дальнейшего развития марксистско-ленинской методологии в постижении общего и особенного отдельных регионов как части литературы мировой.

Значимость данной книги в продуктивно «работающей» методике обобщения, требующей абстрагироваться от конкретного, чтобы увидеть целое, а на его фоне — опять конкретное, но уже в ином измерении.

Интегрирование литературоведческих наблюдений в чем-то, вероятно, родственно самому процессу художественного сближения литератур социалистических стран, где каждый самобытный художник, выражая общее, остается и глубоко национальным по проблематике и неповторимым по типу образности. Монография наглядно убеждает нас в том, что «в последние два десятилетия происходит интенсивное эстетическое обновление литератур социалистических стран. Художественное обогащение мирового искусства XX в. во многом связано с теми напряженными идейно-эстетическими поисками, которые свойственны прежде всего молодым социалистическим литературам» (с. 21). Это не преувеличение — М. Селимович и М. Лалич, И. Радичков и Г. Кант, В. Мляч и Я. Отченашек, И. Эрксель и Ч. Айтматов, В. Быков и Е. Путрамсит — без этих и других мастеров, чьи творческие индивидуальности сопоставлены в монографии, нельзя полно представить современную мировую литературу.

Перед нами коллективная монография не по названию, а по сути. Каждый из ее авторов писал об одной литературе, обобщая национальный опыт художественного познания мира в том или ином проблемно-тематическом направлении прозы. При этом ему приходилось «держаться в уме» и общее, межнациональное и межлитературное. Перед нами не сборник очерков, а цельное исследование. И если

оно не «распалось» на шесть (по количеству глав) микромонографий, то во многом благодаря цельной, продуманной редакции и четко определенным задачам исследования. Ответственный редактор монографии профессор МГУ Е. З. Цыбенко сделала это столь обстоятельно во введении, что оно приобретает самостоятельное значение.

Рецензируемая монография, несмотря на неравноценность разделов и реферативность некоторых из них, на то, что не вся проза оказалась исчерпанной (не нашлось, к примеру, места для детективного романа, столь широко тиражируемого, что специалисты не имеют права оставлять и его без внимания), на то, что не всегда безупречен в литературоведческом смысле перевод, характеризуется широким охватом конкретных явлений и теоретической глубиной. Несомненно ее значение в плане разработки фундаментальных проблем современного литературоведения, методологии и методики сравнительного изучения современных литератур, поэтики социалистического искусства. Отметим и прикладное значение монографии, безусловно полезной в учебном процессе высшей школы.

Перелистывая последнюю страницу рецензируемого труда, убеждаешься в том, что знаменитые слова Маркса: «... человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отпесаясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [2] «работают» не только в психологии. Чтобы в искусстве осознать индивидуальное, надо поставить его перед «зеркалом» иной национальной специфики. Можно сказать также, что глядясь в зеркало искусства, человечество осознает себя в единстве и взаимозависимости, «свое» общее и свое особенное.

*Шабловская И. В.*

## ЛИТЕРАТУРА

1. Общие закономерности и национальная специфика в литературах европейских социалистических стран (проза 60—70-х годов). М., 1986, 272 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. X, с. 231.

*Этнографія беларусов. Гісторыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя*

Авторы коллективной работы (В. К. Бондарчик, Г. И. Касперович, П. В. Терешкович, И. Г. Углик, И. В. Чаквиц) представили тысячелетнюю историю народа, начиная с эпохи Киевской Руси и заканчивая современной социалистической Белоруссией. Отдельно рассмотрена историография вопроса, показан вклад в становление и развитие белорусоведения ученых средневековья Ф. Скорины, С. Будного, М. Стрыйковского, Ю. Крижанича, в новое и новейшее время — З. Доленги-Ходаковского, К. Калайдовича, И. Григоровича, Н. Добролюбова, П. Шпилевского, Н. Пыпина, А. Шахматова, М. Вишневецкого (в книге, видимо, по опечатке, значится Вишнецкий), Я. Карловича, И. Шафарика, М. Дюпарк-Запольского, Е. Романова, Е. Карского, Н. Янчука, В. Пичеты, Д. Опучина, М. Гринבלата, В. Перцева, П. Третьякова, многих других представителей отечественной и зарубежной славистики.

Интересно и, пожалуй, наиболее убедительно освещено в работе формирование белорусской народности (XIV—XVI вв.) на основе, с одной стороны, политического и культурного наследия древней Руси, общей восточнославянской прародины белорусов, русских, украинцев, а с другой — межэтнических контактов с западными соседями — литовцами, латышами (латгальцами), поляками. Отмечен также полиязычный, «открытый» характер письменной культуры средневековой Белоруссии, представленной многими произведениями на старославянском, белорусском, русском, украинском, польском, литовском, латинском, еврейском, немецком, татарском и других языках. Однако со временем чрезмерные заимствования, навязывание иноземных политических и культурных образцов и ценностей, затяжная религиозная борьба между православием и католицизмом привели к упадку белорусской письменной культуры, к возникновению глубокого не только социального, но и этнокультурного водораздела между высшими, отчасти средними слоями и трудящимися низами Белоруссии. Все вместе взятое во многом осложняло, тормозило консолидацию белорусского

этноса. В книге справедливо указано на несостоятельность бытовавших в прошлом взглядов на белорусов как однородную, исключительно православную этноконфессиональную общность, тогда как специфической чертой этого этноса являлась его поликонфессиональность, включая, наряду с православными, белорусов-католиков, белорусов-униатов, носителей других вероисповеданий (с. 103).

Национально-религиозный вопрос, отмечают авторы, неоднократно использовался в классово-политических интересах по отношению к Белоруссии имущими классами Польши и царской России. Важен при этом объективный, «сбалансированный» подход к проблеме, поскольку на социально-этническом развитии белорусов отрицательно сказалась не только эканасия католицизма, но, в известной степени, и охранительная, денационализирующая политика православного духовенства.

Процесс национальной консолидации белорусского народа (XIX — начало XX вв.) осложнялся неравномерностью социально-экономического, в особенности промышленного развития, слабостью национальной буржуазии, в подавляющей массе аграрной, своеобразием состава белорусских городов, в которых белорусы по переписи 1897 г. составляли явное меньшинство (лишь 17,1%), уступаая по количеству евреям (57,5%, вследствие искусственно созданной властями «черты оседлости»), русским (17,7) (с. 153). Высказывание В. И. Ленина о «мужичьих нациях» [1, с. 394] авторы книги относят к социально-классовой характеристике белорусской буржуазной нации, 93% населения которой проживало на селе (с. 159). Из-за инонационального характера господствовавшей в дореволюционной Белоруссии торгово-промышленной буржуазии ослаблялась этноконсолидирующая роль экономического фактора. В этих условиях, отмечается в книге, возрастающее поздействие на развитие белорусского этноса оказывали политические явления, национально-освободительные движения, особенно усилившиеся в ходе революции 1905—1907 гг.

Вывод авторов о сформировавшейся в начале XX в. белорусской нации по дкреп-

лен ссылки на рост национального самосознания, окончательное закрепление в обиходе этникова «Белоруссия» и этнонима «белорус», вытеснивших все другие, в разное время применявшиеся к этой общности названия («Литва», «литвин», «русин», «русский», «кривич»), на усилении привязанности к белорусскому языку, не признававшемуся, как и белорусский народ, царским режимом. Национальной консолидации белорусов во многом препятствовала ассимиляторская политика царизма вкупе с иерархией православной церкви (недопущение школ, религиозных отправлений на родном языке и т. д.). Некоторые негативные плоды этой политики (например, уменьшение в Могилевской губернии удельного веса населения, считавшего родным языком белорусский с 82,1% в 1897 г. до 50,3% в 1913 г.) почему-то представлены в книге, без каких-либо пояснений, «закономерным явлением русско-белорусской интеграции» (с. 164).

Победа Октябрьской революции, национально-государственное самоопределение и вхождение Белоруссии в состав СССР, воссоединение в 1939 г. западно-белорусских земель с Советской Белоруссией, — эпохальные события, обусловившие качественно новые предпосылки дальнейшего развития белорусского этноса. В этой части книга насыщена богатой информацией об экономических, научных, культурных достижениях советской Белоруссии, о дружбе народов многонациональной страны. Авторы обращают внимание на активное двуязычие в республике, развиваемое на основе белорусского языка (родным его называли 83% белорусов) и русского — как языка межнационального общения (свободно владеют 62% и считают родным 16% представителей коренной национальности). Стоит, однако, заметить, что этнолингвистическая ситуация в современной Белоруссии представлена исключительно в розовых тонах: авторы утверждают, что в нынешних условиях «расширяются функции белорусского литературного языка» (с. 206). Между тем многие реальные факты говорят не только об этом, но и о наметившемся в последние десятилетия неоправданном сужении общественно-политической сферы функционирования этого языка, что вызывает острую тревогу среди белорусской общественности<sup>1</sup> и мимо чего вряд

<sup>1</sup> См., например, выступление первого секретаря правления Союза писателей БССР Н. Гилевича на пленуме

ли может проходить наука. Впрочем книга готовилась к печати в застойные, «доперестроечные» годы и превалирующий в ней местами беспроблемный, «заслаивный» подход можно понять, хотя трудно принять.

Несколько частных замечаний. Нет достаточных оснований считать «Граматику словенску» Лаврентия Зизания (1596) в языковом отношении белорусской. Пособие предназначалось, как это видно из названия, изучающим церковнославянский (книжнославянский) язык, для обоснования ваялости которого автор в предисловии использовал элементы тогдашней живой белорусской речи. Справедливо подчеркивая плодотворность влияния передовой русской культуры на духовное развитие белорусского этноса (с. 163), следовало бы вспомнить об украинской, польской, литовской культурах, оказавших, каждая по-своему, благоприятствующее воздействие на активизацию творческих сил дореволюционной Белоруссии. Из текста за с. 162 можно понять, что перевод В. Дуниным-Марцинкевичем на белорусский язык двух первых частей поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» впервые издав в 1907—1908 гг., тогда как первое издание этого перевода, запрещенное царской цензурой, было осуществлено в 1859 г. Говорится о массовой миграции белорусского населения в Россию (XVII—XVIII вв.) в поисках спасения от социального и национального гнета (с. 121). Для полной объективности не мешало бы учитывать также поток беглецов в обратном направлении, из русских земель — в белорусские. В 1772 г., например, Н. Панин, высший сановник в правительстве Екатерины II, в числе предлогов к первому разделу Речи Посполитой назвал необходимость возвращения бежавших туда из помещичьих и государственных имений России свыше 300 тыс. человек [4]. Словом, в феодальную эпоху миграция крепостного крестьянства за границу, как форма стихийного сопротивления, носила всеобщий характер.

Бросаются в глаза некоторые разночтения. Так, на с. 210 утверждается, что белорусы впервые за свою историю обрели собственную государственность лишь после Октябрьской революции, а несколько выше (с. 122) подчеркива-

правления СП СССР [2], материалы пленума правления СП БССР [3], а также публикации в газете «Звезда» от 18.IX и 15.XI.1987 г.

ется этноконсолидирующая роль Великого княжества Литовского, «единого полиэтнического государства» литовцев, белорусов, украинцев, в котором старобелорусский, по-тогдашнему «руски» язык выступал в роли официального, общегосударственного языка. Здесь, вероятно, произошло смешение понятий «социалистическая государственность» и «государственность» — качественно иной характер первой вряд ли может подчеркнуть страницы истории белорусского этноса, связанные со второй. В целом же дискуссионная проблема государственности белорусов периода Великого княжества Литовского все еще ждет своего решения и оно достижимо лишь

на пути глубоких научных исследований.

Отдельные просчеты и неточности несколько снижают научную достоверность книги, ставшей, тем не менее, вкладом в разработку малоизученной этнической истории одного из славянских народов.

*Кавко А. К.*

## ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т.
2. Литературная газета, 1987, 6 V.
3. Літатура і мастацтва, 1987, 12 VI, 10 VII, 13 XI.
4. Сборник Русского исторического общества. Т. 72. СПб., 1891, с. 143—144, 150.

## СОВЕТСКАЯ ПОЛОНИСТИКА ГЛАЗАМИ ДРУГА

Вышедшая в Варшаве научная антология «Советская полонистика (Литературоведение)» [1] — значительное явление советско-польского культурного сотрудничества. Она призвана открыть собой серию подобных фундаментальных изданий, освещающих достижения зарубежных исследователей письменности и литературы Польши. Взгляд иностранного ученого может оказаться свежим и творчески продуктивным, нередко принося результаты, обогащающие отечественные представления о национальной культуре в ее связях с жизнью иных народов. Теснейшая сопряженность исторических судеб Польши, России, Украины, Белоруссии, Литвы, их устойчивый интерес друг к другу, выразившийся, в частности, и в деятельности ряда поколений русских и советских ученых, занимавшихся польской культурой, определили, думается, выбор советской полонистики — первый в панораме намеченных к публикации научных антологий.

Вдохновителем этого монументального (43,5 печ. листов) издания выступил известный ученый, проф. Б. Бялокозович, чья превосходная ориентация в русской и советской литературоведческой полонистике позволила ему не только успешно решить задачу отбора наиболее представительных имен и серьезных в научном плане работ, характеризующих деятельность нескольких поколений ученых нашей страны, но и раздвинуть хронологические рамки обзора, дав в со-

держательном вступлении очерк развития русской и советской полонистики, с первой половины XIX в. и вплоть до наших дней. Во вступительной статье освещается работа литературоведов из «крупнейшего зарубежного центра научной полонистики» — Института славяноведения и балканистики АН СССР, таких значительных научных центров, как Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Институт мировой литературы им. Горького АН СССР, республиканские Институты литературы — им. Т. Шевченко (УССР) и им. Я. Купалы (БССР), университетские кафедры славянской филологии в Москве, Ленинграде и Киеве, а также полонистов многих других городов СССР. Подготовленные составителем тома библиограммы (справка о жизни и творчестве ученого, а также выборочная библиография важнейших полонистических публикаций), характеризующие каждого из 44 включенных в антологию авторов, содержат ценную информацию, которую было бы тщетно искать даже в наиболее полных отечественных изданиях по данной отрасли славистики. Примечательно, что при отборе научных текстов для трех основных разделов тома, посвященных польской литературе от XVI до XVIII в., конца XVIII—XIX в. и XX в. (а о его большой тщательности свидетельствует прежде всего то, что давние работы не утратили своего значения), Б. Бялокозович руководствовался, как можно предположить,



целью ликвидации «белых пятен» в изучении нашими филологами польского литературного процесса.

В соответствии с латинской традицией рецензируемый том допустимо называть *silva rerum*: тематическое разнообразие материалов, собранных в этой старательно (и в полиграфическом отношении) изданной антологии, очень велико — это доказательство и следствие широты исследовательского «фронта» нашей полонистики (от статей И. Н. Голенищева-Кутузова и В. Л. Британишского, посвященных великому поэту польского и европейского Возрождения Я. Кожановскому — XVI в., до исследования В. А. Хорева по острейшим проблемам становления и развития польской социалистической литературы и марксистской критики). Здесь и исследования, которые могли быть выполнены только на основе глубокого изучения местных источников и архивов («Белорусско-польский школьный театр XVIII в. в Заблях» А. Мальдиса, «„Пан Тадеуш“ в поэтическом мире Максима Рыльского» Г. Вервеса и др.), и работы, концептуальная содержательность которых не исчерпывается анализом двусторонних сопоставлений польско-русского материала («Теоретическая проблематика стыка литературных эпох» А. Липатова), и литературно-художественные этюды, отразившие синкретизм яркой творческой личности автора («Адам Мицкевич и музыка» и «Дантовские инспирации в польском романтизме» И. Ф. Белзы). Но этот «лес вещей» не распадается на отдельные (пусть живописные) рожицы и деревья — органическую целостность труда обеспечивает единство методологии, на которую опираются ее авторы в сущность которой

включается в «материалистической интерпретации проблем взаимозависимости мировоззрения и творческого метода, определении классового отношения к культурному наследию» (s. 7).

В обьемистом томе, насыщенном богатейшей информацией, трудно устечься от мелких неточностей и опечаток, однако, здесь их крайне мало (отмечу, в частности, что создатель знаменитой оперы «Джоконда» Амилькаре Понкелли пишется по-итальянски *Ponchielli*, а не *Ponchelli* — s. 178, 684).

Разумеется, может показаться спорным принципиальное решение составителя ограничиться в антологии лишь публикациями послевоенного времени (конечно, ознакомиться с труднодоступными ныне работами В. Г. Чернобаева, К. А. Пупкаревича и других «первопроходцев» советской полонистики было бы весьма интересно и нашим польским коллегам), но и сделанное Б. Бялоковичем заслуживает самых добрых слов. Как и в любой крупномасштабной научной антологии, на страницах тома «Советская полонистика» нередко сталкиваются различные критические мнения, ведется полемика с другими исследователями, включая ученых ПНР. Это вполне естественно и отрадно, так как ознакомление с новыми суждениями и концепциями необходимо для плодотворного развития науки. Мы разделяем надежду главного редактора издания в том, что издание, безусловно, поможет «раскрытию роли национальных и значения международных традиций... в возникновении сходных, родственных и специфических черт развития, а также универсальных ценностей социалистических культур» (s. 28).

*Мальков М. П.*

*Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13 (\*kroměžirь — \*kyžiti). М., 1987. 285 с.*

Вышел в свет очередной выпуск «Этимологического словаря славянских языков». Несомненно, с каждым новым выпуском значение этого издания для мировой славистики и смежных дисциплин все возрастает. Уже сегодня этот богатейший по словнику и лексическим материалам, оригинальный в своей этимологической части словарь стал, можно сказать, обязательным пособием для всех, кто занимается проблемами этимологии,

исторической лексикологии и сравнительной грамматики славянских и других индоевропейских языков.

Рецензируемый 13-й выпуск осуществлен в рамках хорошо известной концепции данного словаря, нашедшей отражение в предшествующих выпусках и в ряде статей О. Н. Трубачева. Это позволяет нам не останавливаться здесь на принципиальных вопросах организации лексического материала и этимологической

интерпретации данных. Ниже мы ограничимся лишь отдельными замечаниями и дополнениями более частного характера. Хотелось бы, однако, лишний раз подчеркнуть как несомненное достоинство словаря в целом и данного выпуска в частности большое количество новых весьма интересных этимологических решений, которые являются непосредственным вкладом в развитие славянской этимологии.

\*kgozъ: в южнославянском этот предлог со значением 'сквозь, через' представлен не только в с.-хорв. kġōz, но и в макед. диал. kpoz.

\*kroglica: к списку славянских континуантов следует добавить болг. *кръглица* 'рыба *Rhodeus sericeus amarus*'.

\*krētiti: весьма вероятно, что вслед за [1, с. 62] сюда следует относить и болг. *крѣтя* 'напризничать' (засвидетельствовано только в [2, с. 1064]).

\*krētъ(jъ): повторяемая в этой статье попытка оторвать заглавное слово от лит. *kraĩtas* 'обрывистый берег', лтш. *krants* 'берег' (см. ранее [3, с. 6—7]), основанная на том, что \*krētъ рассматривается как отглагольное прилагательное «на базе глагольного корня \*krētati», а лит. *kraĩtas* — как производное лит. *krintù*, *kristi* 'падать', все-таки не может считаться окончательным решением, поскольку вполне вероятной остается этимологическая близость самих глаголов — слав. \*krētati и лит. *krintù*, *kristi*.

\*krožъ: вслед за [4, с. 75] сюда же следует отнести укр. диал. *круж* 'окружность' и болг. *кръж* 'большой кусок льда на Дунае' (объяснение последнего в [1, с. 41] из *кръш* явно ошибочно).

\*kruliti: нет уверенности в том, что приведенные здесь именные формы (типа с.-хорв. *крѹльа* 'крошка, обломок') действительно отглагольного происхождения. Более вероятно обратное, особенно ввиду болг. диал. *крул* 'человеческие испражнения в виде кучи'. На основании последнего следует, видимо, реконструировать существительное \*krulъ/\*krul'a, имеющее (в отличие от \*kruliti) точное соответствие в балтийском: лтш. *kraulis* 'склон, круча'.

\*kpara: ошибочно полное отождествление этого слова с алб. *kiprë*, *kipurë* 'соль', которое фонетически не может продолжаться и.-е. \*kpora, а регулярным образом восходит к другому апофоническому варианту — и.-е. \*kġrā.

\*krupiti: пропущено болг. диал. *круля* 'ломать на мелкие кусочки'.

\*kġъ'a: реконструируется на основе

с.-хорв. диал. *крѣа* 'пожны', чеш. диал. *krpě* 'нож для резки капусты; желоб для воды' и связывается с лит. *kriaunà* 'рукоять, ручка; черенок (ножа)'. Более вероятно, однако, представляется в данном случае реконструкция \*kġrġ'a, соотносительного с \*kġrġъ(jъ); тогда сюда же следует отнести и некоторые формы, помещенные в словаре под \*kġrġъ(jъ), а именно: с.-хорв. *крѣа* 'корноухий, курносый, беззубый человек', чеш. диал. *krġa* 'лезвие; плохой, тупой нож' и некоторые другие.

\*kġvavъka: пропущено болг. *кървавака* 'растение *Sanguisorba officinalis*'.

\*kġvavъсь: пропущено болг. *кървавец* 'растение *Sanguisorba officinalis*'.

\*kukonostъ: пропущено болг. *куконос* 'долгоносый'.

\*kul'avъ(jъ): сюда же бесспорно относятся и болг. *кулав* 'увечный; больной; с парализованными конечностями; однорукий' (видимо, с вторичной депалатализацией уже на болгарской почве).

\*kumъ: трудности связаны с объяснением вокализма, причем ссылка на использование слов \*kumъ, \*kuma в качестве обращений в этом отношении не кажется достаточной. Возможно, специфическое звуковое развитие в данном случае объясняется использованием формы \*kumъ в более или менее обязательном сочетании с личным именем, неспшим на себе основное ударение. Тогда история развития лат. *compater* > слав. \*kumъ в общих чертах напоминала бы эволюцию лат. *sanctus* в ю.-слав. \*sq- при именах святых.

\*kurġja/\*kurġъ: под одним заглавным словом, видимо, ошибочно объединены, с одной стороны, действительные производные от \*kurgъ, \*kuga (ср., например, русск. диал. *курея* 'курица, поющая петухом и не несущая яиц'), с другой, — формы, обозначающие различные виды нагноения и объединенные наличием инфинитива \*d-: ст.-чеш. *kurděj* 'гниющие язвочки во рту', чеш. *kurděj*, *kurděje* то же, 'гниение десен, цыганга', словц. диал. *kurdel* 'болезнь коровы — нагноение под языком', *kurd'el* 'гнилочная болезнь у скота', польск. *kurdziej*, *kurdziel* нагноение или опухоль под языком у скотины'. Едва ли названные формы (к которым добавим еще болг. *курдеж* 'мука, тоска, скука', *курдеш* 'гнилочные пузырьки на коже лица') «развились d' эпентетическое в условиях экспрессивного употребления». Вместе с тем, полностью отрывать данные слова от слав. \*kurgъ, \*kuga нельзя ввиду убедительного семантического

обоснования, данного в словаре. Можно поэтому предположить в качестве источника этого гнезда гипотетическое сложение \*кугъ-dějь/\*куго-dějь.

\*kvariti: пропущено укр. диал. *кварити* 'портить, вредить'.

\*кълганъ: как мы полагаем, эту реконструкцию следует ввести в праславянский словарь на основании укр. диал. *ковган* 'облитый водой и замороженный бурдюк, на котором дети катаются с горки'. В таком случае \*кълганъ можно рассматривать как производное от \*кългати, ср. чеш. диал. *klouhati* 'скользить', блр.

диал. *коўгаць*, 'мыть, неумело, неохотно'.

\*кухавіса: пропущено укр. диал. *кухавиця* 'коклюш'.

*Орел В.*

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Български етимологичен речник. Том III. София, 1986.
2. Дювернуа А. Словарь болгарского языка. Том 1. М., 1885.
3. Трубачев О. Н. Из балто-славянских этимологий.— В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 3—18.
4. Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—.



# ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

*ВАСИЛ ЛЕВСКИ. 1837—1987. Биобиблиография. София, 1987, 512с.*

*ВАСИЛ ЛЕВСКИЙ. 1837—1987. Биобиблиография*

В широко отмечаемое в НРБ 150-летие со дня рождения выдающегося деятеля болгарского национально-освободительного движения, революционного демократа Васила Левского (Васила Иванова Кунчева), внесли большой вклад специалисты-библиографы Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия, подготовившие и выпустившие в свет специальное издание, тематически непосредственным образом связанное с именем национального героя. Редакторско-составительский коллектив (Н. Кондарев, Э. Василева, П. Чолов, М. Кожухарова, И. Петрова, Н. Кукудова, П. Симова, С. Трендафилов) задался целью создать полную аннотированную (исключая те случаи, когда название публикации раскрывает ее содержание) библиографию разнообразных и значительных по численности документов и материалов, авторами которых являлись как сам В. Левский, так и писавшие о нем, его деятельности и эпохе соратники и современники, а также представители последующих поколений.

Рецензируемая биобиблиография делится на несколько самостоятельных разделов. Она открывается вводной частью, где уточняются ее общие задачи, принципы систематизации материала и характеризуются завершающие ее специальные указатели: именной, географический, а также указатели периодических изданий и библиографических источников, содержащих материалы о В. Левском.

В центре работы — два раздела. Один из них — наиболее значительный по объему — включает в себя 4093 наименования и охватывает публикацию в Болгарии документов и материалов по названной теме. Первые семь его позиций дают общее представление о степени выявленности документального наследия В. Левского. Хронологические рубрики издания этих документов очень широки, они обозначаются с одной стороны — публикациями,

осуществленными современником В. Левского К. Цанковым (в 1900 г.) и историком Д. Страшимировым (в 1908 г.), а с другой — выпущенным в 1973 г. под редакцией К. Вызывовой-Каратеодоровой и Н. Генчева сборником «Васил Левски. Документально наследство»; последний получил широкое признание по причине фундаментальности, которая стала достижимой как благодаря неослабевающему в течение ряда десятилетий интересу болгарского общества к личности и идеям В. Левского, так и аналитическому, глубоко научному подходу редакторов данного сборника к оценке сделанного предшественниками и определению собственных задач, их реализации.

В остальной части этого раздела в соответствии с хронологически-алфавитным принципом, при известном соблюдении тематического деления осуществлена систематизация обширного потока разнообразных публикаций по упомянутой теме, вышедших в Болгарии за 120 лет. Сюда включены названия книг и отрывков из них, а также статей как публицистического, так и исследовательского характера, мемуаров современников В. Левского, в том числе близких к нему, упоминания его биографий и т. д. При ознакомлении с предложенным материалом можно проследить становление научного подхода к изучению деятельности В. Левского, а также осмысление этой личности как явления в болгарской истории, в связи с чем приобретало большое значение появление публикаций о нем Д. Благоева, Г. Бакалова, Х. Кабакчиева, которые еще в первые десятилетия XX в. закладывали основы марксистской методологии разработки вопроса. Представленный далее период после 9 сентября 1944 г. свидетельствует о процессе постепенной реализации накопленного опыта и усовершенствования методики исследования темы, итогом чего стало создание ряда со-

лидных монографий, и более того — самостоятельного направления в отечественной болгаристике.

Раздел, посвященный литературе о В. Левском, опубликованной в других странах, обращает на себя внимание прежде всего широкой географией распространения сведений о нем, а также об интересе к болгарской истории и литературе за рубежом. Это — преимущественно материалы информационного характера, а также переводы произведений классиков болгарской литературы, обращавшихся к образу В. Левского; есть среди них и монографии, и исследования иного рода.

Советская болгаристика представлена здесь наибольшим числом позиций. Монография «Болгарский революционный центральный комитет (1869—1872 гг.)» и специальные статьи С. И. Сидельникова о В. Левском, анализ отдельных ас-

пектов его наследия, осуществленный В. Д. Конобеевым, научные оценки выдающегося деятеля национально-освободительного движения, предложенные Л. В. Воробьевым и Л. С. Ерихоновым в их трудах, посвященных этой эпохе, стали существенным вкладом в разработку названной проблематики.

Биобиблиография выходит далеко за рамки обозначенной темы и содержит богатейший материал по истории Болгарии в целом. Она несомненно будет полезной для специалистов-исследователей, библиографов, преподавателей, а также для читателей, которые проявляют интерес к прошлому болгарского народа. Хотелось бы особо подчеркнуть, что создатели настоящего труда избрали достойный способ популяризации национальной истории за пределами страны.

*Маковецкая Т. Ф.*

*Stanislovas Rapolionis. Subarė E. Ulčainaitė, J. Timelis. Vilnius, 1986, 312 p.*

#### СТАНИСЛАВ РАПОЛЁНИС

Изданная в серии «Памятники науки Литвы» вильнюсского издательства «Мокслас» («Наука») коллективная монография посвящена Станиславу С. Раполёнису, одному из самых известных деятелей Реформации в Восточной Европе, так много сделавшему для распространения новых идей своей эпохи среди народов Великого княжества Литовского, а также в Польше. С. Раполёнис был одним из тех живых проводников, благодаря которым осуществлялся непосредственный культурный контакт между Востоком и Западом Европы. Блестящий оратор и полемист, писатель и переводчик, близкий знакомый Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона, С. Раполёнис в начале 1540-х годов удостоивается в Виттенберге ученой степени доктора и становится первым профессором только что открытого Кенигсбергского университета, в котором, так же как и в Тюбингенском, Лейпцигском, Виттенбергском и других, обучается немало выходцев из Великого княжества Литовского, в том числе белорусов и украинцев. Выпускник, как и многие его соотечественники, Краковского университета, этой истине международной *alma mater*, С. Раполёнис решительно встает в ряды сто-

ровников Мартина Лютера, становится одной из ярких гуманистических личностей Европы, деятельность которой оказалась направленной на благо сразу нескольких культур — литовской, немецкой, белорусской, украинской и польской. Подобное соотношение и единство не удивительно, как не удивителен перечень университетов, в которых обучался С. Раполёнис — там, в крупнейших культурных центрах, сплотивших выходцев из многих стран, зарождалась не только литовская письменность, но и обогащались новоевропейские культуры западных и восточных славян. В этой связи нельзя не вспомнить еще одного воспитанника Краковского и других университетов Европы — знаменитого доктора Франциска Скорину, напечатавшего в Вильно в начале 1520-х годов первую в нашей стране книгу. Белорусский просветитель начал свою миссию в Праге, жил и работал в Падуе, Кенигсберге и других городах. Виленский период его деятельности отмечен созданием и публикацией ряда поэтических, гимнаграфических сочинений, а также других книг «людem посполитым к доброму научению». Всего в Праге и в Вильне Ф. Скорина опубликовал свыше сорока изданий, в боль-

шинстве переведенных им на белорусский литературный язык того времени, что свидетельствует о силе гуманистических традиций в Великом княжестве Литовском. Литовские просветители — современники Ф. Скорины, родившиеся и выросшие в одном с ним государстве — Абрахамас Кульветис, Мартинас Мажвидас, наконец, С. Раполёнис принадлежали не только к той же эпохе, но и были его соучениками по университетам, соратниками в отстаивании идей гуманизма, распространении родного языка, создания на нем собственной литературы. Все они являлись и философами, и педагогами, и писателями, и переводчиками. Те из них, которые использовали для этих целей типографский станок, стали поистине бессмертными. Разошедшиеся по всему свету книги Ф. Скорины и М. Мажвидаса разнесли повсюду весть и об их родных древних культурах — белорусской и ли-

товской, и о них самих — ее тружениках и творцах.

Литературному наследию С. Раполёниса, которого нередко называют и первым литовским поэтом, повезло много меньше. Рукописи его почти неизвестны, вероятно, все они погибли, сохранился лишь то, что размножил типографский станок и отчасти переписали современники. Вот почему эта книга о С. Раполёнисе воспринимается как особый подарок всем, кто интересуется историей восточно-европейских культур — она помогает детально познакомиться с той их страницей, о которой до сих пор говорилось лишь мимоходом, вскользь. Через конкретную личность, ее творчество познается и вся эпоха в целом, культура Европы, народов Великого княжества Литовского и Польши периода Реформации.

*Лябыцьев Ю. А.*

*Помним Тарановку и Соколово.* Второе, доп. Харьков, 1986, 254 с.

Рецензируемая книга (составитель канд. ист. наук А. Д. Марченко) знакомит читателя с боевыми действиями советских воинов в пачале 1943 г. в районе Тарановки (недалеко от Харькова), а также с первым совместным сражением чехословацких и советских солдат в офицеров в селе Соколово (Харьковская область) с гитлеровскими захватчиками 8 марта 1943 г.

О том, какое огромное значение для чехословацкого отдельного батальона, который благодаря героизму защитников Тарановки сумел создать свои передовые укрепления в районе села Соколово (на правом берегу реки Мжи), лаконично, с твердостью солдата сказал генерал чехословацкой армии Л. Свобода в 1961 г.: «Прежде чем поехать в Соколово, я должен посетить Тарановку и поклониться памяти павших его защитников. Без Тарановки не было бы и Соколова» (с. 5).

Важное место в сборнике занимает документальный материал, в частности письмо и телеграмма полковника Л. Свободы Верховному главнокомандующему Вооруженных Сил СССР И. В. Сталину (от 28 августа и 22 ноября 1942 г.) с просьбой об отправке чехословацкого ба-

*Воспоминания и документы.* Изд.

тальона на фронт (с. 65—66), другие источники. Интересны воспоминания ветеранов Чехословацкой народной армии и Советской Армии о тяжелом сражении в селе Соколово, в ходе которого зародилось боевое братство народов Чехословакии и Советского Союза (с. 107—112, 122—125). Включены в книгу и отклики чехословацкой и советской общественности на первое боевое крещение чехословацких воинов, выступление К. Готвальда по московскому радио на Чехословакию, опубликованные в «Правде» статьи Эд. Неedly и А. Фадеева, беседа П. Лидова с полковником Л. Свободой. Следует отметить, что актуальность советско-чехословацкого братства по оружию в годы Великой Отечественной войны отражает помещенное в книге предисловие «Тридцать пять лет спустя» (его авторы — экипаж орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз-27», «Союз-28» Ю. Ромащенко, Г. Гречко, А. Губарев, В. Ремск), свидетельствующее о дружбе наших народов. В конце сборника помещены краткие сведения об авторах воспоминаний и редкий малоизвестный фотоматериал по тематике книги.

*Молок Ф.*



## КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ВОРОНЕЖЕ

Преподаватели и сотрудники кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов ВГУ принимали 17—18 апреля 1987 г. славистов из Москвы, Калинин и Ростова-на-Дону, собравшихся на научную конференцию «Советская и зарубежная историография славяноведения и балканистики», посвященную памяти основателя кафедры и ее первого заведующего А. Е. Москаленко. Обсуждено 14 докладов по двум группам вопросов: о вкладе в историческую славистику и славянскую историографию научных учреждений и ученых-славистов; об исследованиях по конкретным проблемам истории славян.

Во вступительном слове декана исторического факультета ВГУ канд. ист. наук М. Д. Карпачева и почти во всех докладах в той или иной форме была отдана дань любви и уважения памяти А. Е. Москаленко, талантливого ученого-медиевиста, сумевшего сочетать углубленные занятия далматинистикой и славянской историографией с разработкой множества других исторических и историографических проблем.

Среди докладов первой группы обратило на себя внимание выступление д-ра ист. наук Л. В. Горипой (Москва) об исторической науке в буржуазной Болгарии. Докладчик отмечала, в частности, что успехи буржуазной исторической науки в стране определялись деятельностью крупных медиевистов: В. Златарского, П. Мутафчиева, В. Никова; между тем научное творчество Мутафчиева и Никова почти не исследовано, хотя оно заслуживает рассмотрения уже в силу сложности и противоречивости политических и исторических взглядов этих ученых (последние складывались под влиянием как русской, так и немецкой науки).

В докладе канд. ист. наук Е. П. Аксеновой и канд. ист. наук А. Н. Горяинова (Москва) была прослежена история и

намечены основные этапы становления и развития исторической славистики в Академии наук СССР.

Итогам, проблемам и перспективам историографических исследований в Институте славяноведения и балканистики АН СССР был посвящен доклад канд. ист. наук М. Ю. Досталь и канд. ист. наук М. А. Робинсона (Мо ква). Авторы сосредоточили основное внимание на спорных и нерешенных историографических вопросах, связанных с пониманием предмета славяноведения, с периодизацией его развития, с формированием марксистской методологии в советском славяноведении.

Канд. ист. наук Л. А. Котлярская (Калинин) посвятила доклад оценке отечественными исследователями жизни и деятельности П. А. Ровинского.

Необходимость «второго прочтения» освоенных уже историографами исследований С. А. Никитина подчеркнула канд. ист. наук С. П. Боброва (Воронеж) в докладе, посвященном работам ученого о программе болгарского национального возрождения, содержащейся в сочинениях Паисия Хилендарского.

Канд. филол. наук В. Э. Орел и канд. филол. наук Е. А. Хелимский (Москва) посвятили совместное сообщение значению данных лингвистики для изучения ранней истории славян; д-р ист. наук Е. П. Наумов (Москва) остановился на тематике боснийского средневековья и ее освещении в современной югославской литературе; д-р ист. наук М. М. Фрейдберг (Калинин) рассмотрел историографию Дубровника, своеобразие подходов к изучению проблемы советских, а также сербских и хорватских ученых.

Канд. ист. наук В. В. Захаров (Воронеж) представил доклад «О некоторых методологических аспектах изучения аграрных отношений в Далмации XIII—XIV вв. в современной югославской исто-

риографии». Канд. ист. наук П. П. Маланчикова (Воронеж) говорила об изучении роли купеческого капитала Дубровника в развитии горного промысла сербско-боснийских земель XIII—XV вв. На основных тенденциях в освещении истории полабско-прибалтийских славян немецкими буржуазными историками остановился канд. ист. наук В. С. Савчук (Ростов-на-Дону).

Новейшей истории славянских народов были посвящены доклады д-ра ист. наук Н. Т. Сапроновой и канд. ист. наук Б. Я. Табачникова (Воронеж), рассмотревших, соответственно, освещение роли болгарской интеллигенции в Сентябрьском восстании 1923 г. Д. Косевым, Хр. Димитровым и другими болгарскими историками и отношении современных

польских историков к исследованию восросов деятельности Коммунистической партии Польши в 1918—1930 гг.

Участники дискуссии говорили о необходимости открыто высказывать свои взгляды на проблемы, по которым имеются разногласия между учеными некоторых славянских стран, глубже изучать личности и творчество ученых, избегая при этом недомолвок и упрощений. Оживленно обсуждались вопросы о кризисе в исторической славистике конца XIX — начала XX в., о характере и развитии советского славноведения в 1920—1930 гг.

По общему мнению, конференция вполне удалась и было бы весьма желательно проводить подобные встречи в будущем.

*Горяилов А. Н.*

## К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи представляются в двух экземплярах, хорошо обработанные литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно печатаются на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Автору посылается копия отредактированного экземпляра рукописи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

3. Объем статей, научных обзоров не должен превышать 25 стр., рецензий — 7 стр., заметки о книгах — 2 стр. В случае превышения указанного объема редакция оставляет за собой право вернуть материал автору без рассмотрения.

4. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Текстовые ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

5. Ссылки на литературные источники должны быть оформлены в соответствии с правилами ГОСТ.

6. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

7. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.



## CONTENTS

The dictates of time. <i>Novopashin Yu. S.</i> On problems of perfection of new type international relations. <i>Vulevich M. R.</i> The formation of people's power and revival of Montenegrin state system in Yugoslavian Federation. <i>Zinchenko V. G.</i> The Czech motive in I. S. Turgenev's «The Unhappy Girl». <i>Simonova I. A.</i> About mutual connection of Slavophilism with ideology of Cyril-Mephodian Society. Ph. V. Chizhov and Cyril-Mephodians. <i>Ivanov S. A.</i> To the historical cultural interpretation of old Slavic translations from Greek (on data from Supraslian collection). <i>Skliarenko V. G.</i> To the question of the origins of Slavic oxytonic accent paradigm . . . . .	3
---	---

### COMMUNICATIONS

<i>Ilyushin A. A.</i> Poet and vampire. (To the 150th anniversary of the death of A. I. Polezhajev). <i>Nikolajev S. I.</i> To the investigation of «The Great Mirror». <i>Gudkov V. P.</i> The new edition of Savva Srpski's Karean typicon. <i>Gusev V. E.</i> The edition of non-published manuscripts from Vuk Karadzich's songs collection . . . . .	69
---	----

### PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>Makedonskaya E.</i> In the memory of V. D. Korolyuk . . . . .	84
--	----

### READER'S OPINION

From the editorial stuff mail . . . . .	87
---	----

### REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Naumov E. P.</i> The formation of the early feudal society in Byzantium and South Slavic lands. <i>Stetskevich S. M.</i> , <i>Kross B. B.</i> Ю. А. Писарев. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. <i>Pashchenko E. M.</i> Г. Я. Млына. Развитие югославского романа в 20—30-е годы XX в. <i>Shablovskaya I. V.</i> In the mirror of European socialist countries prose. <i>Kavko A. K.</i> Этнографія беларусаў. Гісторыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя. <i>Malkov M. P.</i> The Soviet Polonistic scholarship seeing with friendly view. <i>Orel V.</i> Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13. (*kroměžig — *kyžiti) . . . . .	92
---	----

### NOTES OF BOOKS

<i>Makovetskaya T. Ph.</i> Васил Левски. 1837—1987. Био-библиография. <i>Labyntsev Ya. A.</i> Stanislovas Rapolionis. <i>Molok F.</i> Помним Тарановку и Соколово. Воспоминания и документы. . . . .	107
--	-----

### SCIENTIFIC LIFE

<i>Gortaynov A. N.</i> The conference on Slavic historiography in Voronezh . . . . .	110
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 12.10.87	Подписано к печати 08.12.87	А-14249	Формат бумаги 70×108 <sup>1</sup> / <sub>16</sub>
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 12,6	Уч.-изд. л. 11,0
		Тираж 1244 экз.	Зак. 920

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубянский пер., 6

*Магазин № 3 «Книга — почтой» Украинской  
конторы «Академкнига» предлагает  
книги издательства «Наука»:*

**БЕРНШТАМ Т. А. РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ПОМОРЬЯ В  
XIX — НАЧАЛЕ XX В. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. 1983. 232 с.  
1 р. 40 к.**

В книге рассматриваются основные черты материальной и духовной культуры поморов в XIX — начале XX в., особенности их общественной и семейной жизни, обрядов и верований, языка и фольклора. Отмечается вклад, который внесли поморы в народную русскую культуру, их роль как авангарда русского (славянского) населения, освоившего полярные районы Европейского Севера.

Книга предназначена для этнографов, историков, фольклористов.

**ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ  
ОБРАЗЕ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО НАРОДА. 1985. 293 с. 2 р. 50 к.**

Данный труд создан на базе Всесоюзной научно-теоретической конференции, проведенной в сентябре 1981 г. в г. Фрунзе. Применяя принципы исторического и классового подходов к анализу общественного и национального во многих сферах жизнедеятельности советского общества как целостной системы на разных уровнях его социальной организации.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей общественных наук.

Заказы на книги направляйте по адресу: 252030, Киев-30, ул. Пирогова, 4, магазин № 3 «Академкнига»